

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 21

**Страсти
по
Ильину
2**

Москва
2024

УДК 613.2
ББК 51.230
С 85

С 85 Страсти по Ильину 2. - Москва, 2024. - 288 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Приступая к формированию книги 2-й «Страстей по Ильину», Издатели почли благополезным разделить имеющийся материал на три раздела, сообразно трём основным «линиям мысли» Философа. Хотя проф. И.Ильин общепризнан как один из наиболее выдающихся отечественных «специалистов по Гегелю», всё же – его величайший вклад в Русскую и Христианскую Мысль, се не Hegel-Studien, а разработка христианской «Философии Силы».

Проф. Ильин внёс изрядный вклад в «конспирологию». Введённый им термин «мировая Закулиса» приобрёл широчайшее употребление (подчас, чересчур уж «широкое», будучи «подхвачен» советскими патриотами). Истории сего «термина», а также сравнительно малоизвестным на Родине исследованиям «Закулисы», в основном проведёнными представителями Русской Правой эмиграции, отдан второй раздел Сборника. Возможны «споры» о том, «как на самом деле» относился И.А.Ильин к Фашизму и Национал-Социализму (вышедшие из-под его пера свидетельства порою «противуречивы»), но невозможен «спор» о его отношении к Коммунизму, и вообще Советчине. Здесь всё более чем однозначно: до последнего земного «вздоха» Профессор-Крестоносец Иван Ильин, «приравняв к штыку перо», яро сражался против Красной чумы, поработившей Русь-Россию... «Всегда против Коминтерна», сей лозунг проф. С.С.Ольденбурга (одно время «коллеги» И.Ильина по парижскому «Возрождению», и соратника по антикоммунистической Борьбе) дал название третьей части нашего Сборника.

В четвёртой части содержатся «Дополнения» к 1-й книге «Страстей...», а также рецензия на монографию полк. В.Л.Петрова, научного руководителя данной книжной «серии».

Содержание

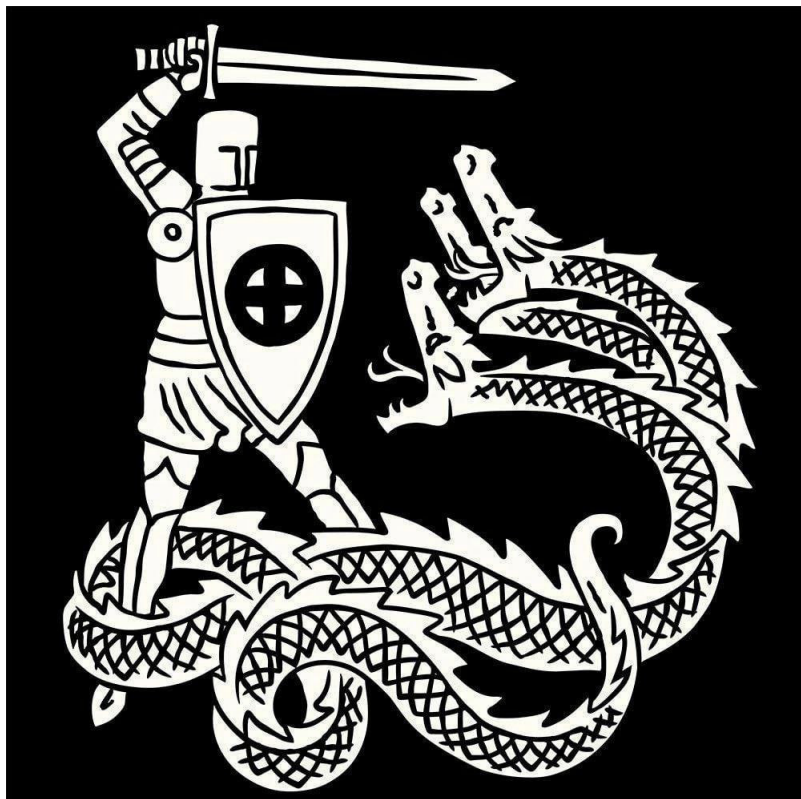
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ.....	5
Часть 1. Философия Силы.....	6
Н.П. Полторацкий. И.А. ИЛЬИН И ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕГО ИДЕЙ О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ.....	7
ФИЛОСОФИЯ ФАШИСТСКОЙ СИЛЫ.....	68
ВЕРА И ВОЛЯ.....	74
Игорь Лавриненко. МЫ - ПРОТИВ ВОЙНЫ.....	76
ВОЙНА!.....	78
Архиепископ Амвросий Готфский. ПОСЛАНИЕ К СУЩИМ В ЗАКЛЮЧЕНИИ.....	84
БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ.....	88
ЧЕСТЬ КАК ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ.....	91
Михаил Стеблин-Каменский. МІР САГІ: «ЧТО – ДОБРО И ЧТО – ЗЛО?».....	98
Часть 2. Закулиса.....	114
Константин Душенко. «МІРОВАЯ ЗАКУЛИСА»: ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ.....	115
Георгий Кнюпффер. ФИНАНСОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНАРХИИ.....	123
Николай Рузский. ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.....	130
Николай Кусаков. К ПОЗНАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ.....	134
Фауст Патронов. ВЛАСТЬ МЕЧА И ВЛАСТЬ ДЕНЕГ: ХРОНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖИДОВСТВА.....	153
Олег Платонов. ИВАН ИЛЬИН: СВЕТОЧ РУССКОЙ ВОЛИ.....	156
КРАСНЫЙ ЧОРТ СТРАГОРОДСКИЙ И СЕРГИЯНСКОЕ ТРУПОЛОЖЕСТВО.....	164
ПРАВОСЛАВНАЯ ЗАКУЛИСА.....	172
ИЗ ПИСЕМ О СИОНО-ФАШИЗМЕ.....	179

Часть 3. Всегда против Коминтерна!	193
Сергей Ольденбург. ВСЕГДА ПРОТИВ КОМИНТЕРНА!.....	194
Иван Ильин. О «БОГОУСТАНОВЛЕННОСТИ» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	197
СССР НЕ РОССИЯ.....	214
Михаил Гротт. ФАШИЗМ НЕСЁТ ВОЗРОЖДЕНИЕ МИРУ КАК РУССКИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ ОТНОСИЛИСЬ К ПРАВОСЛАВИЮ?.....	220
Кирилл Монастырский. ИВАН ИЛЬИН КАК СТОРОННИК РОА.....	227
Юлиус Нордманн. СПЕЦИФИКА ИДЕЙНОГО МОНАРХИЗМА.....	239
Василий Пушкин. ПЕРЕВОРОТ ПЕРЕВЁРНУТОГО.....	241
ПОДВИГ РУССКОСТИ.....	243
 Часть 4. Der Ergänzung	254
ДОПОЛНЕНИЕ К PASSIONES CUM ILYIN. /Страсти по Ильину. – Труды Русского Института Геополитики, Выпуск 19. - Москва, 2024 - 152 с./.....	255
Валерий Петров. Русский мандат войны. - М., 2024. - 187 с.: илл. (Труды Института Русской геополитики, вып. 18).....	268
Страницы Крови и Чести. Очерки Белой Борьбы. Книга 2. – Москва: Опричное Братство, 2024. – 384 с.	273
Артемий Лебентот. НАШ ИЛЬИН.....	285

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Приступая к формированию книги 2-й «Страстей по Ильину», Издатели почли благополезным разделить имеющийся материал на три раздела, сообразно трём основным «линиям мысли» Философа. Хотя проф. И.Ильин общепризнан как один из наиболее выдающихся отечественных «специалистов по Гегелю», всё же – его величайший вклад в Русскую и Христианскую Мысль, се не *Negel-Studien*, а разработка христианской «Философии Силы». Одним из первых серьёзных исследователей-«ильиноведов» Н.П.Полторацким (1921-1990) в канадском издательстве «Заря» в 1975 г. был выпущен содержательный обзор «И.А.Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой». Отдельно сия работа в России (кроме ПСС Ильина, в многотомье коего далеко не каждый сподобится «залезть») не переиздавалась, хотя достойна всяческого ознакомления, тем паче, что означенные «идеи» не теряют актуальности и поныне, да и «полемика» вокруг них далека от завершения. Проф. Ильин внёс изрядный вклад в «конспирологию». Введённый им термин «*міровая Закулиса*» приобрёл широчайшее употребление (подчас, черезчур уж «широкое», будучи «подхвачен» советскими патриотами). Истории сего «термина», а также сравнительно малоизвестным на Родине исследованиям «Закулисы», в основном проведёнными представителями Русской Правой эмиграции, отдан Второй раздел Сборника. Возможны «споры» о том, «как на самом деле» относился И.А.Ильин к Фашизму и Национал-Социализму (вышедшие из-под его пера свидетельства порою «противуречивы»), но невозможен «спор» о его отношении к Коммунизму, и вообще Советчине. Здесь всё более чем однозначно: до последнего земного «вздоха» Профессор-Крестonosец Иван Ильин, «приравняв к штыку перо», яро сражался против Красной чумы, поработившей Русь-Россию... «Всегда против Коминтерна», сей лозунг проф. С.С.Ольденбурга (одно время «коллеги» И.Ильина по парижскому «Возрождению», и соратника по антикоммунистической Борьбе) дал название Третьей части нашего Сборника. В Четвёртой части содержатся «Дополнения» к 1-й книге «Страстей...», а также рецензия на монографию полк. В.Л.Петрова, научного руководителя данной книжной «серии».

Часть 1.
Философия Силы

Н.П. ПОЛТОРАЦКИЙ

И.А. ИЛЬИН
И
ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕГО ИДЕЙ
О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ

Издательство «Заря»

Лондон, Канада

I.A. ILJIN AND THE POLEMICS CONCERNING HIS IDEAS ON RESISTANCE TO EVIL BY FORCE

By N.P. POLTORATZKY

**Copyright © 1975 by Nikolai P. Poltoratzky
Library of Congress Catalog Card Number: 74-31670**

**ZARIA
Publishers and Distributors
73 Biscay Road
London, Canada**

Printed in Belgium

**ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 — 3000 Louvain
☎ (016) 23 60 01 — Belgium**

СОДЕРЖАНИЕ

I. Книга и идеи Ильина. Этапы полемики

1. Творческая история книги «О сопротивлении злу
силою»
2. Задача и структура книги. Автокомментарий
И. А. Ильина
3. Статья И. А. Ильина «Идея Корнилова»
4. Четыре этапа полемики

II. Contra

1. Большевистский лагерь
 - 1) Михаил Кольцов
 - 2) Максим Горький
2. Республиканско-демократический лагерь
 - 1) И. П. Демидов
 - 2) Н. П. Вакар
 - 3) Газета А. Ф. Керенского «Дни»
 - 4) Церковник
 - 5) «Охота за мужиком»
 - 6) Эр. Кейхель
 - 7) Ф.С. («Сегодня вечером»)
3. Религиозно-философский лагерь
 - 1) З. Н. Гиппиус
 - 2) Николай Бердяев
 - 3) Юлий Айхенвальд
 - 4) Ф. А. Степун
 - 5) В. В. Зеньковский
 - 6) Леонид Добронравов

III. Pro

1. «Русская газета» Бориса Суворина
2. Петр Струве
3. В. Арденнский
4. П. Петропавлов
5. В. М. («Русь»)
6. В. Х. Даватц
7. «Еженедельник Высшего монархического совета»
8. А. Д. Билимович
9. Н. О. Лосский

IV. Ответы И. А. Ильина

1. «Отрицателям меча»
2. «Кошмар Н. А. Бердяева»
3. «О сопротивлении злу (Открытое письмо
В. Х. Даватцу)»
4. Лекция «О сопротивлении злу силой»
5. «Аксиомы религиозного опыта»

V. Дополнения и итоги

1. Позиция религиозно-философского лагеря
 - 1) З. Гиппиус, Ю. Айхенвальд, Л. Добронравов .
 - 2) Н. Бердяев
 - 3) Ф. Степун
 - 4) В. Зеньковский
2. Позиция И. А. Ильина
 - 1) Отношение иерархов русской зарубежной
церкви
 2. Постоянство взглядов
3. Итоги и заключение
 - 1) Единство и расхождения оппонентов
 - 2) Характер и уровень критики
 - 3) Ответы Ильина и поддержка единомышлен-
ников
 - 4) Значение полемики и книги

Н. П. Полторацкий

И. А. ИЛЬИН И ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕГО ИДЕЙ О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ

Посвящается моему сыну

Иван Александрович Ильин был выдающимся русским ученым и мыслителем, одним из главных представителей русской религиозной философии XX века. Он родился 28 марта (10 апреля) 1883 г. в Москве, где потом получил первоклассное гимназическое и университетское образование и где в течение десяти лет, с 1912 по 1922 г., преподавал в Московском университете и в ряде других высших учебных заведений. В сентябре 1922 г. был большевиками в шестой раз арестован, а затем и выслан из России. Следующие 16 лет провел в Берлине, где до укрепления национал-социалистического режима преподавал в Русском Научном институте, выступая одновременно в Германии и в других странах Европы с многочисленными публичными докладами. В 1934 г. был гитлеровцами из Института удален и в дальнейшем лишен права публичных выступлений как печатных, так и устных. В 1938 г. смог выбраться в Швейцарию и последние 16 лет прожил, напряженно работая, в Цолликоне под Цюрихом, где умер 21 декабря 1954 года.

Ученый юрист и философ, Ильин был также истисковедом, литературоведом и историком. Он был блестящим оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором, законченным стилистом, мастером русского языка. Его перу принадлежит несколько сот статей и свыше тридцати книг и брошюр.¹ Как ученый и мысли-

¹ Подробнее о жизненном пути, трудах и некоторых основах мировоззрения проф. Ильина см. в моей статье «И.А. Ильин» в сб. «Русская религиозно-философская мысль XX века», под ред. Н. П. Полторацкого, издание Отдела славянских языков и литератур Питтсбургского университета, Питтсбург, 1975, стр. 240-250. О литературно-философских взглядах Ильина см. мою статью «Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина» в сб. «Русская литература в эмиграции», под ред. Н. П. Полторацкого, в том же издании, Питтсбург, 1972, стр. 271-287.

тель Ильин рано, сразу же и навсегда завоевал себе прочное место в истории философии своим двухтомным капитальным исследованием «Философия Гегеля, как учение о конкретности Бога и человека». Но его полемическая репутация была и, вероятно, останется связанной с другим его философским исследованием, «О сопротивлении злу силою»: из всех многочисленных трудов Ильина ни один не вызывал такой острой реакции, как этот.

Со времени выхода книги Ильина прошло уже полвека, ее автор и его знаменитые и малоизвестные оппоненты и единомышленники давно умерли, но самый вопрос о сопротивлении или непротивлении злу силой остается в категории вечных, «проклятых» вопросов, и уже хотя бы по одной этой причине книга Ильина и та полемика, которую эта книга породила, представляют не только преходящий исторический, но и постоянный теоретический и практический интерес и значение.

1. Книга и идеи Ильина. Этапы полемики

1. Некоторые краткие сведения, относящиеся к истории создания книги, можно найти в еще неопубликованных воспоминаниях Ильина.² Так, мы узнаем, что через год с небольшим после высылки из Советской России Ильин заболел гриппом, болезнь затянулась, и к весне 1924 г. врачи установили катарр верхушек легких (рецидив после болезни 1916 г.). Ильин должен был уехать с женой из Берлина на юг, в Австрию и Италию, и провел в отъезде с мая 1924 до марта 1925 года. Во время этой поездки, с июля 1924 г., он и стал писать свою книгу «О сопротивлении злу силою». Необходимую ему для работы иезуитскую литературу вопроса Ильин нашел, в частности, в библиотеке Уффици во Флоренции и в библиотеке Сан-Ремо. Работал также в Сиузи и Меране. Именно тогда, 26 августа 1924 г., в Сиузи, художник Георгий Георгиевич Габричевский и написал с него портрет, воспроизведенный во втором издании книги.

² Работая над этой статьей, я широко пользовался материалами архива проф. И. А. Ильина. (Courtesy of Michigan State University Special Collections, I. A. Iljin Collection).

К весне книга была готова и вышла в свет в Берлине 27 июня 1925 года.

2. Как И. А. Ильин указывает в предисловии, поводом к написанию его книги явились грозные и судьбоносные события, обрушившиеся на Россию и опрокинувшие «все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции» и которые вели и привели Россию «к разложению и гибели». Свою задачу автор видел в том, чтобы вскрыть эти ложные основы, заблуждения и предрассудки — и противопоставить им возрожденную религиозную и государственную мудрость и силу «восточного Православия и, особенно, русского Православия».

Продуктом этого одновременно негативного и позитивного подхода и стала книга, формально состоящая из 22-х глав (фактически — из «Введения» и 21-й главы), трактующих в большинстве ряд отдельных тем, относящихся к общей проблеме о сопротивлении злу силою.

Вскоре после выхода книги в свет, И. А. Ильин, узнав, что П. Б. Струве собирается написать о ней в «Возрождении» статью, дал — в пока еще не опубликованном письме к Струве от 19 июля 1925 года³ — то, что сам Ильин определил как «маленький комментарий» к книге. Этот комментарий может служить своего рода ключем к книге, позволяя еще лучше уразуметь ее внутреннюю структуру и общий идейный замысел.

Ильин писал, что его книга делится на *четыре части*:

1) главы 1-8 (т. е. Введение, О самопредании злу, О добре и зле, О заставлении и насилии, О психическом понуждении, О физическом понуждении и пресечении, О силе и зле, Постановка проблемы) — это есть «расчистка дороги от мусора, уяснение, уточнение, удаление плевел из мысли, чувства и воли; *постановка проблемы*»;

2) главы 9-12 (О морали бегства, О сентиментальности и наслаждении, О нигилизме и жалости, О мироотвергающей религии) — это «погребение набальзамированного Толстовства»;

3) главы 13-18 (Общие основы, О предмете любви, О

³ Архив, пакет № 197 (микрофильм 7), документ 48. За исключением особо оговоренных случаев, курсив всюду — цитируемых авторов.

границах любви, О связанности людей в добре и зле, Обоснование сопротивляющейся силы) — суть «разрешение проблемы — начало: *бей*, но когда? но доколе? но отколе? но кого? но зачем? но почему?»;

4) главы 19-22 (О мече и праведности, О ложных решениях проблемы, О духовном компромиссе, Об очищении души) суть «разрешение проблемы — конец: *озищайся*, от чего? почему? для чего?». Ильин тут же добавляет: «В частности глава 20 [О ложных решениях проблемы] — отмежевывается от Лютера и иезуитских соблазнов. Центральное различие этих глав — «неправедность» «грех» — вводится мною сознательно — в нем *корень* всего разрешения...»

Из этого плана книги совершенно очевидно, что — как Ильин шутливо выразился — «погребение набальзамированного Толстовства» отнюдь не являлось главной задачей автора. В том же письме, несколько выше, Ильин прямо об этом говорит — очень четко и точно формулируя свой основной идейный замысел:

«Книга задумана *не* как антитезис Толстовству, а как антитезис + *синтез* верного решения:

Сопrotивляйся

всегда любовью

а. самосовершенствованием

в. духовным воспитанием других

с. мечом.

Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен *не меньше*, а больше непротивленца. Словом я искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе *православия*».

Уже из этого автокомментария Ильина ясно видно, насколько глубоко и ответственно была им продумана вся проблема непротивления и сопротивления злу силою. Поражает необыкновенная методичность в раскрытии и разрешении этой проблемы. Ильин начинает с объяснения основных понятий; он как бы расчищает почву для постановки вопроса. И только расчистив почву, формулирует самый вопрос. И затем, глава за главой, раскрывает разные стороны проблемы и находит ее правильное решение.

Какова же была реакция русских читателей на книгу Ильина «О сопротивлении злу силою»?

3. Как и можно было ожидать, реакция была неоднородной и привела к острой полемике. Полемика вокруг идей и книги Ильина возникла, впрочем, еще до выхода книги и прошла через четыре основных этапа.

Первый этап начался с того, что Ильин, закончив свое нравственно-философское исследование, сделал из него практические выводы применительно к недавней русской истории. В начале лета 1925 г. он выступал с публичными докладами в разных странах русского рассеяния, а затем, 17 июня, напечатал в пятнадцатом номере газеты «Возрождение» статью «Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже». В этой статье Ильин упоминал о предстоящем выходе своей книги и излагал некоторые ее основные идеи. В силу этого — и поскольку доклады и статья послужили сигналом ко всей полемике — передадим ее содержание по возможности несколько полнее.

Ильин начинает свою статью с общей характеристики героя и его значения для породившего его народа. Считая Лавра Георгиевича Корнилова русским национальным героем, Ильин предупреждает, что будет говорить, однако, не о жизни и личности Корнилова, а о его идее. Идея Корнилова есть, для Ильина, идея православного меча.

Ильин полагает, что одной из причин постигшей Россию беды было неверное строение русского характера и русской идеологии, главным образом у интеллигенции. В особенности вредным по своим последствиям было учение Льва Толстого о непротавлении злу силою. «Придавая себе соблазнительную видимость единственно-верного истолкования Христова откровения, это учение долгое время внушало и незаметно внушило слишком многим, — что любовь есть гуманная жалостливость; что любовь исключает меч; что всякое сопротивление злодею силою есть озлобленное и преступное насилие; что любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы; что жизненное и патриотическое дезертирство есть проявление святости; что можно и должно предавать дело Божие ради собственной моральной праведности...» Задачу предпринятого им исследования Ильин и видел, в частности, в том, что-

бы «попытаться найти верный исход и разрешение вопроса, перевернуть раз навсегда эту 'толстовскую' страницу русской нигилистической морали и восстановить древнее русское православное учение о мере во всей его силе и славе...»

Ильин должен был прежде всего очистить от сентиментального морализма христианское учение о любви, о человеколюбии. Христианство призывает любить человека, но при этом оно видит в человеке «не страдающее животное, а *духовное* существо, обращенное к Богу, как своему небесному Отцу. Евангелие учит — прежде всего и всеми силами любить Бога; и это есть первая, бóльшая заповедь; любовь же к человеку выступает лишь на втором месте. И это не только потому, что Бог выше человека, а еще и потому, что только в Боге и через Бога человек находит своего 'ближнего', своего брата по единому небесному Отцу». Призыв Христа любить врагов относился к врагам человека, но не к врагам Божиим. Призыв прощать обиды имел в виду личные обиды — «никто не в праве прощать *гужие* обиды или предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить родину». Так, христианская любовь имеет не только утверждающий, но и отрицающий лик. Христианин должен помнить «тот великий исторический момент, когда божественная любовь в обличии гнева и бича изгнала из храма кощунственно-пошлую толпу; и вслед за тем ему надлежит понять, что все пророки, государи, судьи, воспитатели и воины — должны иметь перед своими духовными очами образ этого праведного гнева и не сомневаться в правоте своего дела». Вдохновляемая любовью к Богу, к святыням, к родине и к ближним, борьба со злодеями необходима. И осуждению в борьбе должен подлежать «не меч, а злые и своекорыстные чувства в душе воина. Любовь отвергает не пресекающую борьбу со злодеем, а только *зложелательство* в этой борьбе».

Это понимание идеи любви и меча связано еще с водительными образами Архангела Михаила и Георгия Победоносца, и оно выговорено было устами представителя древнего русского православия св. Феодосия Печерского: «живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако, только со своими врагами, а не с врагами Божиими». «Именно этой любви, — продолжает Ильин, — учили

нас наши иерархи и угодники; так носили свой меч русские православные цари и их верные бояре; так служили и слагали свои головы православные воины», — в том числе и русский национальный герой Лавр Георгиевич Корнилов. И победим мы, говорит Ильин в заключение, «тогда, когда наш меч станет как любовь и молитва, а молитва наша и любовь наша станет мечом!..»

Таким образом, проблема и ее решение были сформулированы Ильиным остро и недвусмысленно. Реакция последовала незамедлительно.⁴

4. Первым известным нам полемическим выступлением против идей Ильина была статья не зарубежного, а советского автора — Михаила Кольцова, в московской газете большевиков «Правда» от 19 июня 1925 г. Откликнулся — но не в печати — и Максим Горький. В зарубежной русской печати первенство принадлежало, как и можно было ожидать, главному идейному противнику «Возрождения», газете П. Н. Милюкова «Последние новости». В ней появились две статьи И. Демидова, поддержанные еще статьей Н. П. Вакара.⁵ Дважды выступил против Ильина и Леонид Добронравов, в еженедельнике «Родная Земля».

Положительные отклики на идеи Ильина о сопротивлении злу силой были, на этом первом этапе, со стороны неизвестного автора («Русская газета»), П. Б. Струве («Возрождение»), В. Арденнского («Новые русские вести»), В. М. и В. Даватца («Русь»), другого неизвестного автора («Еженедельник Высшего монархического совета») и П. Петропавлова («Ревельское слово»).

Осенью 1925 г. полемика на время затихла. Второй ее этап начался с появления исключительно резкой статьи З. Н. Гишиус в «Последних новостях» от 25 февраля 1926 г. На этот раз «Последние новости» были поддержаны еще газетой А. Ф. Керенского «Дни» (статьи неизвестных авторов и Церковника). Но главная роль принадле-

⁴ Газетные вырезки, относящиеся к этой полемике, хранятся главным образом в пакете № 21 (тетрадь), частично — в пакетах № 19 и № 198 (микрофильм 8), документ 52, тетради 1, 5, 6, 7, 12 и 13.

⁵ В своей второй статье Демидов упоминает о том, что еще до его первой статьи в «Последних новостях» 9 июня 1925 г. были помещены выдержки из речи Ильина.

жала журналам «Путь» (Николай Бердяев) и «Современные записки» (З. Н. Гиппиус, Ф. А. Степун и В. В. Зеньковский). Бердяева безоговорочно поддержал также Ю. Айхенвальд. В защиту И. А. Ильина и его идей выступали в «Возрождении» Петр Струве и проф. А. Билимович.

Третий этап связан с тем, что 9 марта 1931 г. И. А. Ильин прочел в Риге доклад «О сопротивлении злу силой». В газете «Сегодня вечером» на него откликнулись Эр. Кейхель и некий Ф. С.

Четвертый этап — это уже 40-е и 50-е годы, когда и сам Ильин, и его оппоненты и сторонники подводили итоги. Существенными моментами на этом этапе были выход в свет двух основных трудов по истории русской философии, о. В. Зеньковского и Н. О. Лосского, и смерть Ильина в 1954 г., давшая основание для появления в печати обобщающих статей о нем.

Но своего апогея полемика достигла, конечно, на втором этапе, в 1926 году, когда высказались, — правда, за одним очень важным исключением: Н. О. Лосского, — все наиболее авторитетные в этом вопросе лица из числа пожелавших публично выступить.

Ильин отвечал своим оппонентам в печати трижды: отдельно И. Демидову и Н. А. Бердяеву — в «Возрождении» и суммарно — в газете «Новое время». Но он неоднократно возвращался к проблеме сопротивления злу силой и позже — не только в своем рижском докладе, но и, попутно, во многих своих статьях и книгах.

С целью более полной и систематической передачи *идей* участников этой полемики, мы в дальнейшем несколько отступим от хронологического принципа и сведем все выступления к трем основным категориям: *contra*, *pro* и ответы Ильина.

II. Contra

Идейные противники И. А. Ильина принадлежали к трем главным лагерям — большевистскому, республиканско-демократическому и религиозно-философскому:

1. *Большевистский лагерь.* Время, когда вышла книга Ильина, было еще периодом НЭПа в Советской России. В отличие от наступивших вскоре сталинских тридцатых

годов, когда даже о самом факте существования русской эмиграции писать не полагалось, советская печать в двадцатых годах проявляла к эмиграции явное внимание и быстро откликалась на некоторые события в ее жизни.

1) Уже 19 июня 1925 г. в «Правде» (№ 137) появилась статья *Михаила Кольцова* «Омоложенное евангелие» — в связи с докладом Ильина об идее Корнилова. Кольцов называет этот доклад «богословско-этическим» и существо его сводит к тому, что служение Богу «требует безжалостности к человеку. А жалость к человеку является иногда предательством божьего дела», ибо человек угасивший в себе образ Божий нуждается не в благожелательстве, а в гневе. С приходом «религиозного реформатора» Ильина, пишет Кольцов, все прежние «непротивленские штучки в церкви упраздняются» и выдвигается «новая христианская теория: о сопротивлении злу», которая утверждает, что «есть люди, которым лучше умереть» и что «Любовь кончается там, где начинается зло!» Однако у Ильина «есть, кроме духовных, еще и светские обязанности». И когда он, проповедуя «непорочное убийство», поучает: «Мы не левые, мы не правые! Мы русские патриоты!» — он на самом деле выдвигает, вместе с Петром Струве, «новейшей марки патентованное православие, с оправданием еврейских погромов, гражданской войны и белого террора».

Так хлестко и лживо представил читателям «Правды» идеи Ильина один из наиболее популярных советских фельетонистов Михаил Кольцов.

2) В это самое время буревестник русской революции *Максим Горький* находился еще в Италии, в Сорренто, и формально продолжал числиться в эмигрантах, — но душой был уже всецело на стороне советской власти.⁶ Насколько известно, Горький в печати об идеях Ильина не высказывался. На книгу Ильина он все же откликнулся — в непапечатанной статье и в письмах.

⁶ О своих тогдашних политических настроениях и намерениях Горький писал в письме Е. Д. Кусковой от 19 августа 1925 г.: «Мое отношение к Соввласти вполне определено: кроме ее, иной власти для русского народа я не вижу, не мыслю и, конечно, не желаю. Наверное поеду в Рос(сию) весной (19)26 года, если к тому времени кончу книгу ['Жизнь Клима Самгина'. - Н. П.]» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», выпуск 3, 1917-1929, изд-во АН СССР, Москва, 1959, стр. 419).

Так, в письме К. Федину от 17 сентября 1925 г. Горький сообщал, что «Проф(ессор) Ильин сочинил 'Религию мести', опираясь на евангелие».⁷ Позднее, в письме М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г., Горький несколько видоизменил и развернул эту свою мысль: «профессор Ильин пишет, опираясь на канонические евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывается, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты».⁸

В связи с тем, что 11 августа 1926 г. в «Правде» и «Известиях» было опубликовано письмо Горького Я. С. Ганецкому, в котором Горький в высшей степени сочувственно — с уважением и любовью — откликнулся на смерть чекиста Ф. Э. Дзержинского, Правление Союза русских журналистов в Германии напечатало в берлинском «Руле» статью «Против Горького». Горький ответил на нее статьей «(О 'механическом' гуманизме)», опубликованной не так давно в XII томе «Архива А. М. Горького». Считая, очевидно, что нападение — лучший способ обороны, и перечисляя грехи «'гуманистов' из 'Руля'», Горький напоминает: «Не осуждено авторами статьи и Евангелие мести, сочиненное г. Ильиным»⁹.

2. *Республиканско-демократический лагерь.* Этот лагерь в русской зарубежной печати был представлен в первую очередь газетами «Последние новости» и «Дни».

1) Насколько можно было установить, первым зарубежным враждебным откликом на идеи Ильина о сопро-

⁷ «Литературное наследство», т. 70: «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Изд-во АН СССР, Москва, 1963, стр. 498.

⁸ Там же, стр. 346. Несколько месяцев спустя, 20 октября 1927 г. Горький упоминал о книге Ильина в письме С. Сергееву-Ценскому («Собрание сочинений», т. 30, стр. 41).

⁹ М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. Изд-во «Наука», Москва, 1969, стр. 120. Редакторы сборника датируют эту статью Горького «Не позднее 11 сентября 1926 г.» (121). В этом же сборнике публикуется заметка Горького о людях, которые «ненавидят Христа ради» (заметка № 28 на стр. 272). В примечаниях к ней указано: «По-видимому, имеется в виду книга реакционного философа-эмигранта И. А. Ильина 'О сопротивлении злу силою' (Берлин, изд-во 'Книга', 1925)» (стр. 405). (Издательство указано неправильно. Книга вышла в издании частного лица; печаталась в типографии Об-ва «Прессе»; главным складом издания был «Град Китеж».)

тивлении злу силой была статья И. Демидова «Творимая легенда» в «Последних новостях» от 25 июня 1925 г. Игорь Платонович Демидов (1873-1947), в прошлом кадет и член 4-ой Государственной Думы, был в эмиграции правой рукой П. Н. Милюкова в его газете «Последние новости».

В статье Ильина «Идея Корнилова» Демидов усмотрел очередную попытку — каких уже много было в истории, в том числе и во времена крестоносцев — «не только оправдать меч с христианской точки зрения, но даже его канонизировать — *крест превратить в меч* и вложить его в руки человечества, как оружие, завещанное Христом для борьбы со злом». Приведя образ Христа, изгоняющего торговцев из храма, Ильин дает право на бич и меч всем пророкам, государям, судьям, воспитателям и воинам, которых противопоставляет пошло-кошунственной толпе. «Оно, — продолжает Демидов, — так и подбавляет новоявленному, тактическому последователю большевиков, тоже открыто признающему, что 'организованное классовое меньшинство' должно и имеет право диктовать над пошло-кошунственной толпой». Вся сложная религиозно-философская процедура, к которой прибегает Ильин, нужна ему, утверждает Демидов, лишь «для 'освящения' лика монархии и посрамления идеи демократии. Требуется — 'мы, Божьей милостью...'». Подытоживая, Демидов категорически отвергает идею священного меча в любом ее значении — «христианско-церковном, христианско-национальном или христианско-государственном». По его мнению, мораль, против которой борется Ильин, не толстовская, а подлинно-христианская, новозаветная. И какова бы ни была обещанная книга Ильина, «Ложь останется ложью».

На эту статью Демидова отклинулся в «Возрождении» П. Б. Струве. Он был возмущен тем, что Демидов превратил Ильина в тактического последователя большевиков и писал о грехах крестоносцев, вместо того чтобы объяснить «себе и нам, какой — с его точки зрения — меч благословлял преподобный Сергей Радонежский, и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?»

Демидов ответил Струве статьей «Путь ученичества» в «Последних новостях» от 2 июля. Он утверждал, что говорил только о тактике Ильина и большевиков и что преп.

Сергия принимает «всей душой». Между тем он тут же заявил, что и крестоносцы, и преподобный Сергей одинаково «говорят нам о мече, *который был благословлен церковью*. Нельзя одно отбросить, а другое принять. (...) здесь не одно и другое, а одно и то же». Возвращаясь к Ильину, Демидов теперь исходит, помимо статьи Ильина «Идея Корнилова», также из выдержек из речи Ильина «О сопротивлении злу», опубликованных в № 1571 «Последних новостей» от 9 июня. Для Демидова эта речь говорит «не только о мече воина, но и о мече палача», и не просто признает смертную казнь как факт, но и стремится «освятить и благословить» ее, приходя тем самым «не к христианскому, а к анти-христианскому выводу», который означает отказ от новозаветного учения о любви.

2) Выступление Демидова Ильин не оставил без ответа (о нем речь будет дальше). Это побудило другого ближайшего сотрудника «Последних новостей», *Н. П. Вакара* (впоследствии эмигрировавшего в США, где он стал профессором), напечатать в № 1623 «Последних новостей» от 9 августа 1925 г. статью «По поводу 'меча'».

Вакар утверждает, что борьбу со злом Ильин понимает «только, как *сопротивление*». Разъяснения Ильина о том, что православное «обоснование» меча не то же самое, что его «оправдание» или «освящение», по мнению Вакара, наносят ущерб его основному утверждению. По существу, «обоснование» меча и казни сводится у Ильина «всего только к *допущению* их христианским сознанием, что очевидно не одно и то же». И если дело только в допущении, «то, собственно говоря, не из-за чего ломать копий: христианское сознание последних семнадцати веков шло ведь еще дальше и не только 'допускало', но и само, устами церкви, вооружало меч...» и в католичестве, и в русском православии.

Но за «сопротивлением злу» и «мечом» Ильина скрывается на самом деле «иная проблема, более существенная и важная»: «Как служить миру сему, Маммоне, сохраняя спокойную совесть для ответа Господу Богу?» Решение этой проблемы у Ильина, говорит Вакар, не ново. Однако словам ап. Павла (Римл. 13, 3-5) Ильин придает «формально-нормативный смысл» и, цитируя 13-ую главу, пренебрегает 12-ой. У ап. Павла (12, 20-21) уже «не сопротивление злу (Ветхий Завет), а преодоление и прет-

ворение зла и преобразование злодея (Новый Завет)». Ильин же возводит «человеческую немощь в Христову заповедь».

3) Наряду с «Последними новостями» в полемику с Ильиным и «Возрождением» вступила и гораздо менее читаемая газета А. Ф. Керенского «Дни». Когда — на втором этапе, в конце февраля 1926 г. — в «Последних новостях» появилась статья Гиппиус «Предостережение», «Дни» сразу же напечатали статью «Военно-полевое богословие» (без подписи), в которой известили своих читателей, что Гиппиус дала «давно заслуженную отповедь лжефилософу, кликушествующему на страницах 'Возрождения' г. Ильину». «Дни» с дополнительными комментариями использовали слова Гиппиус, свидетельствующие якобы о том, что Ильин находится «в инкубационном периоде одержимости», что есть основание также «поблаиваться за здоровье маститого комсомольца редактирующего 'Возрождение'», и что новейшая деятельность Ильина есть военно-полевое богословие и палачество. «Дни» писали в заключение: «Нам уже приходилось отметить особые свойства возрожденской 'религиозности'. *Палачество* г. Ильина лишь дополняет и украшает *религию сундука* г. К. Зайцева». Таким образом, заодно были сразу посрамлены три идейных и публицистических столпа тогдашнего «Возрождения» — И. А. Ильин, П. Б. Струве и К. И. Зайцев (впоследствии архимандрит Константин).

4) Статья Бердяева в № 4 «Пути» за 1926 г. (о ней, как и о статье Гиппиус, будет особо сказано дальше) дала повод и основание для нападок на Ильина автору статьи в одном из летних номеров «Дней», скрывшемуся за подписью *Церковник*. Статья его состоит почти исключительно из пространных цитат и пересказа некоторых наиболее «ударных» мест статьи Бердяева. Но есть и дополнительные, более расширенные и еще более острые, преимущественно политические (у Церковника!) суждения. Так, например, Церковник пишет: «Проф. И. А. Ильин взял на себя роль идеолога махровой правой эмиграции и в названной книге он делает попытку обосновать и от философии и от религии и от священного писания истинность устремлений правых к власти и истинность их методов борьбы со 'злом революции'». Видя «общий смысл» бердяевской статьи о книге Ильина в

словах Бердяева «Чека во имя Божие более отвратительна, чем 'чека' во имя дьявола», Церковник без всякого колебания делает и следующий шаг — от чеки к чекисту — и озаглавливает свою статью: «Чекист во имя Божье». При этом он берет это заглавие в кавычки, — как если бы это была прямая цитата из Бердяева. Заканчивается статья Церковника не менее энергично: «Книга И. А. Ильина — хула на Духа!»

5) Осенью газета «Дни» еще раз вернулась к Ильину, но уже лишь попутно, мимоходом. 30 октября 1926 г. в «Днях» под рубрикой «Печать и жизнь» был помещен редакционный (без подписи) обзор «Охота за мужиком».

«Дни» обратили внимание на то, что «Возрождение» напечатало программу «Русской аграрной группы в Чехословакии», сближавшейся с программой чешской аграрной партии Швеглы. Поговорив о программе русской группы и комментариях к ней «Возрождения», обозреватель «Дней» неожиданно заключил: «А газета Струве проповедует фашизм — 'армию в сюртуках' Шульгина и изуверство — мистическое оправдание плётки г-на Ильина, а также внешнее и внутреннее давление».

6) Кроме таких левых русских изданий, как «Последние новости» и «Дни», выходивших в «столице» русской эмиграции Париже, определенное значение имели также и некоторые «провинциальные» издания, включая рижские «Сегодня» и «Сегодня вечером».

Когда, на третьем этапе полемики, И. А. Ильин выступал в Риге в марте 1931 года с рядом докладов, в том числе и о сопротивлении злу силой, в «Сегодня вечером» появились две статьи довольно путанного свойства. Несмотря на отдельные сочувственные и даже хвалебные замечания в адрес Ильина, эти статьи надо все же отнести в категорию отрицательных откликов.

Так, касаясь книги Ильина и, в особенности, ее эпиграфа, Эр. Кейхель («Мыслитель воли. К лекциям проф. И. А. Ильина в Риге») писал: «разгневанный бичующий Христос, по-видимому, наиболее близок сердцу автора. Это одностороннее, сгущено-грозное понимание христианства представляет собой, конечно, такой же сектантский уклон, как и распространенное сентиментальное 'розовое' и многие другие уклоны...»

7) Автор другой статьи («О сопротивлении злу силой. Четвертая лекция проф. И. А. Ильина», № от 10 марта 1931 г.), подписавшийся инициалами *Ф. С.*, хотя и отметил вначале, что лекция Ильина «закончилась овациями переполненного зала», закончил свой отчет так: «Вся лекция прошла в страстно построенных парадоксах. По умению вычерчивать внешне логическую линию, проф. Ильин является исключительно гибким теоретиком. Этому спорнейшему проповеднику удалось наружно привести в логическую связь даже христианство и насилие, — задача, посильная только одаренному оратору, — строителю труднейших схем».

3. *Религиозно-философский лагерь*. На первом этапе полемики в ней приняли участие преимущественно публицисты и журналисты, в вопросах церковных, религиозных и философских нередко малоавторитетные. «Профессиональный» религиозно-философский лагерь еще молчал, — вероятно, не только потому, что был менее «оперативен», чем политический, но и потому, что желал предварительно ознакомиться с философским исследованием Ильина, а не только с его публицистическими выступлениями. Наконец заговорив, этот лагерь, однако, тоже — подобно большевистскому и республиканско-демократическому — оказался втянутым в политическую полемику в некоторых случаях не менее, чем в философскую и религиозную.

1) Как уже упоминалось, второй этап в полемике вокруг идей Ильина о сопротивлении злу силой начался с исключительно резкой, чтобы не сказать непристойной, статьи *З. Н. Гиппиус* «Предостережение» в «Последних новостях» от 25 февраля 1926 г. Внешним поводом к ее выступлению была статья И. А. Ильина «Дух преступления», напечатанная перед тем в «Возрождении», но фактически фронт ее нападения был гораздо шире: она призывала читателей «отнестись внимательнее» вообще ко всем последним книгам Ильина и его фельетонам на страницах «Возрождения». В особенности задел Гиппиус за живое такой силлогизм, якобы выдвинутый Ильиным: революция = большевизм; большевики = преступники; таким образом, революция = преступление. Возмутило Гиппиус не то, что революционерами-грабителями оказались большевики, а то, что якобы «уголовной бандой

грабителей и убийц с их сообщниками оказывается — вся русская интеллигенция.»

Обидевшись за всю русскую интеллигенцию и в особенности за себя, Гиппиус ругнула заодно и Струве («да уж не коснулась ли и его та-же зараза? Сам-то Струве — уж вполне ли Струве?..») и объявила Ильина *бывшим* философом, не считающимся более с условиями разумного мышления, одержимым, человеком в пене, не пишущим, а буйствующим — «изрыгая свои беспорядочные проклятия и угрозы» и мешающим «с бранными какие-то 'христианские' слова». Чтобы придать своим заключениям еще больший вес, Гиппиус ссылаясь — не называя, однако, имен — на других: «От лиц, высокоавторитетных в этой области, мне пришлось слышать два кратких определения последней 'деятельности' Ильина: '*военно-полевое богословие*' и, — еще выразительнее и прямее, — '*палагество*'. В заключение Гиппиус объявила, что в случае Ильина «это не философ пишет книги, не публицист — фельетоны: это буйствует одержимый».

Гиппиус не ограничилась одним этим бранным выступлением против Ильина и его идей. Еще раньше, в сентябре 1925 года, она написала, а затем в книге XXVII «Современных записок» за 1926 г. опубликовала статью «Меч и крест» (346-368)¹⁰, в которой уже непосредственно характеризовала книгу Ильина «О сопротивлении злу силою».

Статья начинается с эпитафия (Лук. IX, 54-55-56) — о том, что Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. Выдвигая свое собственное понимание проблемы «убийства», Гиппиус сводит ее суть к трем словам: *«нельзя и надо»*, расширяя далее эту формулу до *«Нельзя — но еще надо. Никогда нельзя, но иногда еще надо»* (348). Возражая против «чисто-рассудительной манеры» (346) и «странной терминологии» (349) Ильина, Гиппиус пишет, что ее, однако, в книге Ильина интересуют «не теоретические положения, и не высокие ее слова, а самое важное: ее дух» (350). Гиппиус

¹⁰ В целях экономии места страницы журналов, книг и архивных материалов, откуда взяты цитаты, указываются по возможности не в примечаниях, а в основном тексте, в скобках. Страницы архивных материалов даются в соответствии с системой пагинации, установленной при фотографировании этих материалов на микрофильмы.

утверждает, что Толстой «ближе к *духу* христианства» (352), чем Ильин, которого она дважды (346 и 353) причисляет к духу ревнивого Бога кровей Ягве, никакого Сына, никакого Христа не знавшего. Вообще, «насилие есть насилие, убийство — убийство, и доказать, что, с христианской точки зрения, оно не 'грех', а какая-то 'негреховная несправедливость', — нельзя, сколько ни стараться» (353).

Переходя к вопросу о войне и сопоставляя взгляды на нее Ильина и Толстого, Гиппиус находит «прямой ответ и Толстому, и, главное, Ильину» (358) в высказываниях Вл. Соловьева. В отличие от последнего, Ильин «равняет 'честное насилие воина' с 'бесчестным насилием палача', даже не заметив 'противоположности их дел'» (361).

Несколько, впрочем, отступив потом от авторитета Соловьева (как представительница еще более зрелого духовного возраста), Гиппиус решила, что дойдя до этого места, «теперь пора поговорить начистоту» (363). Ее не проведешь: «О сопротивлении злу силою» вовсе не отвлеченно-философский трактат, а чисто *политическая*, монархически-пропагандная книга. Беда Ильина, однако, в том, что у него политика не связана с религией, как у Вл. Соловьева, а ввязана, впутана в нее, религия используется для политики. Нет у Ильина и необходимого духовного критерия, который позволил бы ему вскрыть подлинное зло коммунизма, а потому его борьба с коммунистами обречена на роковую безысходность. Такая борьба со злом «есть сама — *злое дело*» (367). Вообще, заканчивает Гиппиус, меч «может стать подвижническим крестом, но никогда не бывает меч — молитвой» (368).

2) Как ни остры были выступления Гиппиус, вероятно самым темпераментным и известным — и тоже глубоко несправедливым, о чем дальше — выступлением против Ильина и его книги надо считать статью *Николая Бердяева* «Кошмар злого добра (О книге И. Ильина 'О сопротивлении злу силою')». Статья эта появилась в журнале «Путь» (№ 4, за июнь-июль 1926 г.), имевшем подзаголовок «Орган русской религиозной мысли» и выходившем в Париже в издании ИМКА-Пресс под редакцией Н. А. Бердяева. Статья обширная — в ней свыше 13 страниц (103-116) большого формата «Пути» того времени.

По своей внутренней структуре статья Бердяева состоит как бы из двух основных частей. В первой (103-108) дается общая характеристика Ильина и его книги, во второй (гл. о. стр. 108-115) излагаются и опровергаются взгляды Ильина на государство, свободу, человека и любовь. Есть еще эпиграф и что-то вроде заключения.

Приводить все бранные суждения об Ильине и его книге тут нет никакой возможности (отчасти о них будет сказано, когда речь пойдет об ответах Ильина), но центральным надо, пожалуй, признать следующее: «'Чека' во имя Божье более отвратительно [sic], чем 'чека' во имя дьявола» (104). А в этом именно, оказывается, и повинен Ильин. В соответствии с этим и взгляды Ильина на государство, свободу, человека и любовь тоже оказываются «совершенно не христианскими и антихристианскими» (108).

Основная ошибка Ильина, говорит Бердяев, заключается в том, что он абсолютизирует относительное, он «смешивает государство с церковью и приписывает государству цели, которые могут быть осуществлены лишь Церковью» (108). Побеждать зло может лишь Церковь, лишь свобода и благодать в их взаимодействии. Необходимо признать «не только свободу добра, но и некоторую свободу зла (...) Отрицание свободы зла делает добро принудительным» (110). Для Ильина же свобода есть явление нормативное — принудительная организация добра в мире через государственную систему. Корень тут в неверном отношении к проблеме человека. Ильин — монах, монофизит и монофелит. Человеческую природу и человеческую свободу он считает «лишь проявлением божественной природы и божественной свободы» (111) — вместо того чтобы исходить из тайны богочеловечества как центральной тайны христианства. Надо любить и греховного человека, и «не только Бога в человеке, но и человека в Боге» (112). Ильин же смотрит на человека лишь как на орудие добра, для него вечно добро, а не человек. При этом он хочет не столько творить добро, сколько истреблять зло. «Отвратительнее всего в книге И. Ильина его патетический гимн смертной казни» (113), выдаваемой за акт любви.

В заключительной части своей статьи Бердяев опять возвращается к общей отрицательной характеристике

Ильина, объявляет его чуждым «лучшим традициям нашей национальной мысли» и принадлежащим «отмирающей эпохе 'новой истории'» (115).

3) Эта статья Бердяева послужила удобным основанием и поводом для выступлений других авторов против Ильина. Об одном таком авторе, скрывшемся в газете «Дни» за псевдонимом «Церковник», мы уже говорили. Другим лицом, ухватившимся за авторитет Бердяева, был известный литературный критик *Юлий Айхенвальд*. Вскоре после появления в «Пути» статьи Бердяева в рижской газете «Сегодня» (№ 196 от 3 сентября 1926 г.) появилась статья Айхенвальда, озаглавленная (в оригинале тоже в кавычках) «Злое добро», — что было уже прямо из Бердяева.

Айхенвальд пишет: «Можно не быть противником смертной казни, можно и должно стоять за насильственное укрощение зла; но чего нельзя, так это — примирять казнь с любовью и видеть в палаче пособника Христу». Ильин же все силы своего философского таланта тратит «на то, чтобы ореолом любви осенить виселицу, плаху и пулю», чтобы от Голгофы сойти в конце концов до эшафота, от альфы Христа — до омеги палача. Признавая, что Ильин «победоносен в опровержении непротивления, т. е. в области бесспорной», Айхенвальд считает, что Ильиным «зато не решена его главная задача — оправдать 'православный меч' и возвести карающее государство на вершину христианского идеала». Вопреки книге Ильина и после нее, *«христианство остается само по себе, а государство — само по себе*. Никому еще не удалось, да удался и не может, в одну высшую гармонию сочетать Кесаря и Галилеянина». Развивая далее в этом духе свой взгляд на государство, добро, зло, любовь и казнь, Айхенвальд заключает: «Есть добро и есть зло. *Каждое из них отдельно*. Потому и вызывает такой протест книга Ильина, в которой делается попытка добро со злом внутренне соединить, казнь пронизать любовью, палача осветить и освятить Христом. Есть добро и есть зло. Но нет злого добра».

4) Авторитетом Бердяева воспользовались не только Церковник и Юлий Айхенвальд, но и лицо, казалось бы имеющее в этих вопросах свой собственный вес — *Ф. А. Степун*. Нам ничего неизвестно о каком-либо специаль-

ном выступлении Степуна в связи с выходом книги Ильина. Но в своей статье «Об общественно-политических путях 'Пути'», помещенной в XXIX книге «Современных записок» за 1926 г. (442-448), Степун между прочим упоминает и о книге Ильина. Он полностью солидаризируется со статьей Бердяева в «Пути». Говоря о христианских чувствах, вдохновляющих Бердяева в этой статье, Степун заключает: «Отповедь, данная Н. А. Бердяевым из глубины этих чувств И. А. Ильину (по поводу его увлечения 'православным мечом') превосходна и по своей личной страстности, и по своей объективной встревоженности, и по своей предметной существенности» (444). Этим заключением Степун, однако, и ограничивается, сам ничего предметно-существенного о книге Ильина не говоря.

5) В том же номере «Современных записок», в котором появилась статья Степуна, была напечатана и статья В. В. Зеньковского «По поводу книги И. А. Ильина 'О сопротивлении злу силой'» (284-307).

Касаясь основного вопроса, с которым связана книга, Зеньковский пишет, что христианское сознание не может избежать двойственности, определяемой принадлежностью христианина к двум мирам, натуральному и благодатному. Тут две опасности — «либо *акосмизм*, выпадение мира в его стихии, в его натуральных силах, либо как раз *христианский натурализм*, т. е. признание данного, временного, ограниченного за освященное и преображенное, за вечное и универсальное» (291). Об этой двойственности христианского сознания и об этих двух подстерегающих его опасностях и надо помнить, когда решается вопрос об отношении Православия ко всей правовой, государственной, национальной, культурной и личной жизни. Особенно сложно отношение Церкви к войне, которая есть «сочетание высочайшей неправды с бесспорной правдой» (294). Христианство величайший противник войны — и в то же время оно «*благословляет идущих на войну*» (295). Но это благословение Церкви отнюдь не означает оправдания войны. Вот почему «кошунственно и недопустимо звучат слова о 'православном мече', но глубокий смысл имеет церковное слово о 'христолюбивом воинстве'. Это не разная акцентуация одной и той же идеи, это как раз две разных идеи» (296). Их подмена недопустима, она означает аберрацию в религиозном созна-

нии. Такой же абберацией является и внесение поправок в учение о любви — когда Ильин «утверждает, что любовь сама по себе беспомощна, слепа и даже беспредметна» (299). Превращать вдохновение любви в рационально построенный принцип значит уходить от христианства, которое есть система мистической этики. Вообще, христианство остается благодатным и космичным, не становясь натуралистичным. Этого как раз и не учитывает Ильин с его «просвещенством», внесением «узкого и обедняющего рационализма в тайну нашего пребывания в мире, как христиан» (300). Христианство приемлет мир, культуру, государство, натуральное движение к добру и правде, но христианство не оправдывает мира в его неправде.

Далее Зеньковский довольно много внимания уделяет «Белой идее», вдохновлявшей участников белого движения на борьбу с большевиками. Положительно оценивая эту идею, он в то же время видит у Ильина и его единомышленников попытку «придать священный смысл тому, что признается религиозным сознанием неправдой» (302).

В конце статьи Зеньковский уточняет свою собственную идейно-общественную позицию. «Приблизилась, — пишет он, — пора великого религиозного синтеза, который не должен отбрасывать русской интеллигенции, ее прошлого, ее исканий и даже заблуждений...»; более того: *«Надо смело сказать и то, что пора преодолеть психологический отход от тех идей, какими жила русская интеллигенция — от идей свободы и народолюбства, демократии и либерализма»* (307).

На этом публичные выступления представителей религиозно-философского лагеря тогда, собственно, и закончились.

6) Несколько особняком, — но ближе к религиозно-философскому, а не республиканско-демократическому лагерю, ибо исходило оно из сугубо церковных предпосылок, — стоит выступление в печати, еще на первом этапе полемики, Леонида Добронравова. Его статья «Единый путь», с готовым заключением в подзаголовке: «Оправдание меча и убийства», была напечатана в еженедельнике «Родная земля» № 26 от 10 августа 1925 г.

Включаясь в спор между Демидовым и Ильиным и имея, видимо, в виду главным образом статью Ильина

«Отрицателям меча» в № 57 «Возрождения», Добронравов возражает против любых попыток православно обосновать приемлемость для христианина государственности, меча и сопротивления злодеям силою. Он противопоставляет Христа Апостолам, Евангелие — Апостольским Посланиям. По его мнению, когда Христос, чье Царство не от мира сего, сказал, что надо воздавать Кесарево Кесарю, а Божие — Богу, Он провел непроходимую границу «между царством, покоящимся на насилии, угнетении и несправедливости, и царством любви, прощения и свободы». Когда же Апостол Павел в послании к Римлянам написал «Всяка душа властям предержащим да повинуется. Нет власти не от Бога . . .» и «Всякий противящийся власти, Божию повелению противится», — то он не просто подчинил христианина царству Кесаря. «Тут большее: признание его [царства Кесаря] равносущным Царству Божию, тут начало скрытой капитуляции христианства перед царством 'мира сего'». Но следовать тут надо не за Апостолом, а за Христом, для которого земная власть над царствами есть власть дьявольская. Царство Кесаря есть зло, и против зла надо бороться, чтобы его преобразить в добро, но в Царстве Божием есть только «не убий!»

На эту статью Добронравова в газете «Возрождение» был, очевидно, какой-то критический отклик (который нам не удалось обнаружить), т. к. в следующем номере «Родной земли» (№ 27 от 17 августа 1925 г.) Леонид Добронравов поместил короткий ответ, под заглавием «Возрождению». Он писал, что его статья не преследовала полемических целей, он отмечал «лишь *фактические* неточности, допущенные проф. И. Ильиным, произвольное толкование им текстов и поразительное для профессора легкомыслие в вопросе о смертной казни . . .» Заключение же обозревателя «Возрождения», нашедшего у Добронравова уклон в протестантизм, — старый, «давно известный прием. К нему всегда прибегали в тех случаях, когда резко ставился вопрос о некоторых расхождениях православия с евангелием».

III. Pro

В той полемике вокруг идей о сопротивлении злу силой, которая возникла в связи с публичными лекциями,

статьями и книгой проф. Ильина, положительные отклики были менее многочисленными и привлекли к себе меньше внимания, чем отрицательные.

1. Первым дошедшим до нас благожелательным откликом на позицию Ильина можно считать статью-отчет «Доклад проф. Ильина» в парижской *«Русской газете»* Бориса Суворина от 10 июня 1925 г. Автор статьи (без подписи) отметил, что длившуюся два часа лекцию проф. Ильина «о непротivлении злу» переполненная большая зала в Париже «слушала с напряженным вниманием». Полагая, что «трудно сказать», насколько удалась докладчику поставленная им себе задача разбить в сознании слушателей «внедренное не одному уже поколению русской интеллигенции» ошибочное и вредное Толстовское истолкование христианской любви, автор статьи признавал: «Несомненно, однако, что приведенные лектором доводы заставляют задуматься над этим вопросом серьезно всякого, впавшего в соблазн подмена идеи деятельного добра и любви к ближнему, как она требуется христианством, — сентиментальным и дряблым чувством терпеливого и добродушного преклонения пред силою зла во имя будто бы христианского прощения, неосуждения и непротivления злу. Такое пассивное хотя бы и любовное отношение человека к окружающему не только не есть христианская любовь, а напротив пособничество злодею, служение не Христу, а Дьяволу». Автор статьи приводил далее — сомысленно — целый ряд основных положений Ильина, знакомых нам по его статье «Идея Корнилова».

2. Настоящая полемика началась, однако, только после появления в печати статьи Ильина «Идея Корнилова» и выступления против этой статьи И. Демидова в «Последних новостях». И первым полемическим откликом в защиту Ильина и его идей надо поэтому считать статью Петра Струве «Дневник политика» № 7 в газете «Возрождение» от 25 июня 1925 г., которая была ответом на статью Демидова «Творимая легенда».

Струве писал, что Демидовская характеристика Ильина как «новоявленного тактического последователя большевиков» есть не что иное, как «явное и объективное недомыслие и недочувствование». Отметив, что «Большевики тем сильны и ужасны, что у них не только одна 'тактика', как часто бывает у П. Н. Милюкова и его последо-

вателей, а целое мировоззрение», Струве переходит к главному предмету спора — об отношении христианства к мечу и государству. Соглашаясь с тем, что «христианство можно понимать в смысле непротивленства и абсолютной отрешенности от государственности», т. е. так, как его понимал Толстой, Струве напоминает, что Толстой при этом «имел последовательность и мужество не признавать никакого церковного (и в том числе православного) ни учения, ни предания».

Как было уже упомянуто, Струве призвал Демидова — вместо того, чтобы говорить общеизвестные вещи о грехах крестоносцев — ответить на «основной и роковой» для русской православной души вопрос о том, «какой — с его точки зрения — меч благословлял преподобный Сергий Радонежский и каким мечем сражались иноки Пересвет и Ослябя». Ибо православные души «не могут выносить 'двойной бухгалтерии', совмещающей религиозное горение с безразличным отношением к родине и государственности». Струве отметил не только неспособность Демидова «ни в точной форме поставить, ни до конца продумать» занимающий православное сознание «основной и роковой вопрос», но и большой вклад Ильина, которому, по словам Струве, удалось «*поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силою*» (подчеркнуто мною — Н. П.).

Специально к Ильину и его идеям Струве вернулся в «Возрождении» осенью 1926 г. в «Дневнике политика» № 82, под заглавием «О брошюре И. А. Ильина и о нем самом». Статья Струве была написана в связи с тем, что он хотел обратить внимание читателей газеты на «превосходную, сильно и метко написанную брошюру И. А. Ильина 'Родина и мы'». Выход этой брошюры позволил Струве дать общую характеристику Ильина, его дарований и заслуг. «И. А. Ильин, — писал Струве, — есть интересное и крупное явление в истории русской образованности. Формально — юрист, он по существу философ, т. е. мыслитель, а по форме — изумительный оратор или ритор в хорошем античном смысле этого слова. (...) Такого, как он, русская культура еще не производила, и он в ее историю войдет со своим личным, особым и неподражаемым, со своим оригинальным дарованием, сильным и резким, во всех смыслах».

Дав общую оценку Ильина и его брошюры, Струве в заключительной части своей статьи специально коснулся и книги Ильина «О сопротивлении злу силою». «Те же черты своеобразного и единственного в истории русской образованности 'ораторского' дарования Ильина ярко сказались, — писал Струве, — не только в его брошюре 'Родина и мы', но и в его замечательной книге 'Сопротивление злу силой'. Основные мысли своей книги Ильин сам излагал на страницах 'Возрождения'. Однако, ввиду того, что эта блестящая, но трудная книга, на сложную и жестоко-трудную нравственно-политическую тему навевала на автора в нашей печати нелепые и недостойные нападки, мы к этой книге и к ее теме вернемся на страницах 'Возрождения'».

Специальных статей на эту тему со стороны Струве, насколько можно судить, в дальнейшем не было (отчасти, вероятно, в связи со все более трудными отношениями Струве с издателем газеты Гукасовым, которые закончились уходом Струве с поста редактора и из газеты вообще), но безоговорочно-положительная оценка книги Ильина была уже достаточно ясно и твердо выражена в двух его процитированных нами здесь статьях.

3. Другим положительным откликом на книгу Ильина была рецензия В. Арденнского «О книге, которую следует прочитать» в гельсингфорской (Финляндия) газете «Новые русские вести» (№ 481, от 1 августа 1925 г.).

Автор пишет, что книга Ильина имеет «бесспорное право на внимание» уже хотя бы по одному своему введению, ставящему «старый, но вечно живой вопрос: Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом?» Арденнский далее сочувственно и пространно цитирует слова Ильина об опыте подлинного зла, впервые даваемого в наше время человеческому духу с такою силою и откровенностью, а также о толстовстве, его опасностях и вредных для русской религиозной и политической культуры последствиях («учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности и, что гораздо больше, трагическое бремя мироздания»).

4. Тогда же, в августе 1925 г., в «Ревельском слове» появилась рецензия П. Петропавлова «Против Л. Толсто-

го». В отличие от ее заглавия, в самой рецензии Петропавлов совершенно верно отмечает, что в своей книге Ильин ставит и решает не одну, а две задачи. Он, «во 1-х, подвергает уничтожающей критике и выясняет всю несостоятельность, одностороннюю ошибочность учения и мирозерцания Л. Толстого, а отсюда вскрывает и ложность его принципа 'о непротивлении злу', во 2-х, на основе религиозного мирозерцания и православия, путем логического и психологического анализа, утверждает и обосновывает необходимость борьбы со злом силою». Приведя многочисленные выдержки из труда Ильина, Петропавлов пишет: «Заканчивая свои мысли по поводу книги И. Ильина 'О сопротивлении злу силою', я только выскажу пожелание, чтобы с этой полезной книгой познакомилось большее число читателей. Пора отказаться от дурмана 'непротивления'».

5. На противоположном конце Европы, в софийской газете «Русь» (№ 709, от 14 августа 1925 г.), под рубрикой «Книжная полка», книгу Ильина рецензировал автор, подписавшийся инициалами В. М. Рецензент с полным сочувствием отнесся к критике ложных основ идеологии прежней русской интеллигенции, которую И. А. Ильин «с присущей ему искренностью и горячностью» дал в своей книге. «Приводимые г. Ильиным выписки из таких произведений Толстого, как 'Закон насилия', 'Царство Божие', 'В чем моя вера' и проч., производят в сопоставлении поистине удручающее впечатление и действительно должны быть признаны пригодными лишь для подготовки разрушителей, а не строителей государства», — пишет В. М. Учение Толстого действительно отравляло русскую религиозную и политическую культуру, придавая себе при этом ложную видимость согласия с духом Христова учения. В. М. заканчивает свою рецензию словами: «Прекрасная, умная, ясно написанная книга, исключительно приятное явление и появление ее мы горячо приветствуем».

6. Среди тех, кто на книгу Ильина откликнулся в высшей степени положительно, был и проживавший в Югославии проф. В. Х. Давати. В статье «Искания духа», напечатанной в газете «Русь» (№ 711, София, 16 августа 1925 г.), он решил, однако, подойти, к книге Ильина не с богословской или философской точки зрения, а с психо-

логической и бытовой. Тот факт, что «книгу, написанную без всякой политической тенденции, уже зачислили в 'правый лагерь', а самого автора (должно быть, чтобы было обиднее!) сравнили с Победоносцевым», только подтверждает, насколько велико было влияние на русскую интеллигенцию Л. Н. Толстого и вульгаризованного гуманизма. Даватц вспоминает слова одного своего соратника по Белому движению; «Выше идеала единой России (и большевики борются за единую Россию) стоит идеал правды и добра, за который мы боремся», — и считает, что обязанность принять участие в борьбе со злом стоит выше и «вне отношений не только к политике, но к самой России». Тезис Ильина о нашей обязанности бороться со злом, принимая на себя ответственность за несправедливые пути, когда не остается путей праведных, его призыв к трагическому приятно героической борьбе, — есть ответ на запросы духа, а не политики.

В этой связи Даватц вспомнил о статье, которая появилась во втором номере журнала «Корниловец», вышедшем в Софии в апреле 1922 г. В ней высказывалась мысль о желательности создания рыцарского ордена в среде бывших участников Белого движения, поскольку меч духовный теперь даже важнее меча вещественного. «Тем отраднее видеть, — писал Даватц, — что ученый философ и корниловский офицер пришли к одному и тому же выводу о необходимости не слепой, но одухотворенной борьбы».

Получив позже от своих друзей второй номер «Корниловца» со статьей А. Дисского «Утопическая идея и ее реальное осуществление», Даватц поместил в газете «Новое время» статью «Позабывтая статья», в которой полностью воспроизвел то, что в свое время писал Дисский. В этой статье «не квалифицированного философа, но просто русского офицера», отметил Даватц, был тот же призыв к духовному возрождению на христианских началах, что и у И. А. Ильина.

7. Положительно отозвался на выход книги Ильина и «Еженедельник Высшего монархического совета» от 16 августа 1925 г. Автор рецензии (без подписи) писал, что одного только заглавия труда проф. Ильина «было достаточно, чтобы страдающая застарелым прогрессивным параличом российская общественность зашипела и возне-

годовала на талантливом автора, дерзнувшего не только развенчивать идола российского непротивленства Льва Толстого, но и доказывать научно, морально и религиозно всю необходимость и справедливость суда, кары и смертной казни». Рецензент согласен «не со всеми положениями» «этой не только глубоко продуманной, но и горячо прочувствованной книги». Это не отражается, однако, на общей положительной оценке книги. В заключении автор рецензии пишет: «Хотя в книге И. Ильина всего 221 страница, по содержанию, по богатству мыслей и интереса она стоит многотомного сочинения. (...) Всем читателям, которых волнуют вопросы о добре и зле, о силе и насилии, о сентиментальности и праведности, о любви одухотворенной и любви отрицающей, о праве меча и о мече права — и о многом, многом другом — мы советуем приобрести и хорошенько прочесть книгу профессора И. Ильина».

8. На втором этапе полемики существенным выступлением в защиту идейной позиции Ильина была, кроме статьи П. Б. Струве, также статья проф. А. Билимовича — «Критикам И. А. Ильина» («Возрождение», 18 ноября 1926 г.). Проф. Билимович замечает, что ни одна другая современная русская книга не вызвала таких ожесточенных нападков, как книга проф. Ильина. В этих нападках было «проявлено очень много злобы по адресу автора и защищаемой им идеи», причем «Вся эта злоба изливается во имя христианства». Билимович видит «глубокую фальшь» в нападках на Ильина и его идеи со стороны Бердяева, Степуна и Зеньковского. Религиозные писатели, вероучители и светские пророки этого направления забывали о христианской любви и незлобivosti, когда дело касалось, например, «Думы народного гнева», а призыв Ильина к священной борьбе против большевиков считают чуть ли не кощунством. «Почему требующие сейчас христианской любви сотрудники 'Современных записок', не вспоминали об этой любви, когда их товарищи по журналу, если не по партии, признавали возможным бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая при этом ни в чем неповинных молящихся? Вот эти две мерки у рассматриваемых писателей, — продолжает Билимович, — уничтожают всякое доверие к их писаниям и ссылкам на христианство». Не признает проф. Билимович и противо-

поставления понятий «христолюбивое воинство» и «православный меч». «Тождественность этих понятий, — пишет он, — многократно засвидетельствована в русской истории». Напомнив о роли св. Сергия Радонежского и других представителей русского православного духовенства, проф. Билимович заключает: «Это ли не слияние, кровью этих служителей церкви и кровью воинов запечатленное слияние, 'христолюбивого воинства' и 'православного меча'?...» Именно так строилась и создавалась Русь, так она будет и возрождена — тогда, когда «вновь нашедшее себя воинство с мечом, осиянным православным крестом, подымет борьбу за освобождение своей православной Руси».

9. В отличие от о. В. Зеньковского, который, говоря об Ильине в своей «Истории русской философии», проблемы зла и сопротивления злу совершенно не касается¹¹ и Ильина вообще не жалует, Н. О. Лосский в своей английской «History of Russian Philosophy» (International Universities Press, New York, 1951) очень положительно отнесся к Ильину, его книге и его идеям. Лосский отдает должное Ильину как видному участнику русского религиозно-философского возрождения первой половины XX века и как автору двухтомного исследования о Гегеле (стр. 52: «один из лучших трудов о Гегеле» в мировой философской литературе). Но более всего Лосский останавливается на Ильине как авторе исследования «О сопротивлении злу силою», которое считает «ценным трудом» (387-388). Ссылаясь на целый ряд страниц в книге Ильина (29 и след., 54, 195 и след., 197, 209, 219) и приводя цитаты, Лосский с полным сочувствием говорит и о критической части книги Ильина, направленной против учения о не-

¹¹ Излагая идеи Ильина (т. II, 365-369), о. В. Зеньковский цитирует главным образом «Философию Гегеля» и «Религиозный смысл философии», дважды ссылается на «Путь духовного обновления» и только один раз — на «О сопротивлении злу силою», и притом по вопросу, не имеющему отношения к основной проблематике книги. В одном из подстрочных примечаний о. Зеньковский упоминает, что эта книга Ильина привлекла «особое внимание» и по поводу ее «в различных журналах появилось несколько критических статей» (365). Но он ничего не сообщает об этих статьях, в том числе и о своей собственной статье 1926 года, и обходит полным молчанием содержание и проблематику книги «О сопротивлении злу силою», никак этого молчания не объясняя.

противлении у Толстого, и о ее конструктивной части, которой и уделяет главное внимание.

Лосский приводит (388-389) суждения Ильина о том, что не всякое применение силы есть насилие; что надо в первую очередь прибегать к душевным и духовным средствам для преодоления зла, но если это невозможно, — то и к психологическому и физическому принуждению и пресечению; что есть случаи, когда применение силы безусловно правильно и спасительно; что сопротивляться злу силой и мечом позволительно не тогда, когда это возможно, а когда необходимо, ибо иных средств нет — и когда пойти по этому пути силы и меча есть не только право, но и обязанность человека, даже если это приведет к смерти злодея.

Значит ли это, — продолжает сочувственное изложение идей Ильина Лосский, — что цель оправдывает средства? Конечно, нет. Физическое принуждение и пресечение не становятся сами добром от того, что служат достижению доброй цели. Обязательный в таких случаях путь силы и меча остается несправедливым, и устоять на нем могут только лучшие люди. Символически, однако, воин и монах одинаково необходимы; и монахи, ученые, художники и созерцатели потому и могут сохранять чистые руки для чистого дела, что у воинов и государственных деятелей находятся чистые руки для нечистого дела. *Нравственная трагедия* человека в том и состоит, что бывают положения, которые с необходимостью приводят к конфликту между хорошей целью и несовершенными средствами.

Заканчивая на этом обзор враждебных и сочувственных откликов на идеи и книгу Ильина, перейдем теперь к его собственным ответам на статьи его оппонентов, а также к некоторым более поздним его высказываниям по затронутым здесь вопросам.

IV. Ответы Ильина

Как было уже отмечено, сам Ильин на первых двух этапах полемики выступал в печати трижды.

1. Первым выступлением Ильина была его статья «Отрицателям меча» в № 57 «Возрождения» от 29 июля

1925 г., написанная в ответ на статьи Демидова в «Последних новостях» от 25 июня и 2 июля — по поводу публичной лекции Ильина о сопротивлении злу силою и его статьи «Идея Корнилова».

Ильин был поражен недобросовестностью своего оппонента: Демидов, писал Ильин, «не только сам сочинил ту точку зрения, которую он излагает, как мою, но и все самые острые цитаты, приписываемые мне, он *целиком выдумал*». Точно также и приписываемые Ильину отдельные положения нередко прямо противоположны тому, что утверждал Ильин. «Все мое исследование, — говорит Ильин, — доказывает, что меч не 'свят' и не 'праведен'; что Крест не меч и что меч не есть оружие Христа; что понуждения и меча абсолютно не достаточно для борьбы со злом; что зло и злой человек совсем не одно и то же и т. д. А между тем, все это и многое другое г. Демидов приписывает мне. Я совсем не касаюсь в моем исследовании ни вопроса о 'большинстве' и 'меньшинстве', ни вопроса о 'демократии', ни вопроса о 'Монархии Божиею Милостью'; но зато я подробно выясняю различие — во-первых, между 'принуждением', 'понуждением' и 'насилием', и, во-вторых, между 'неправедностью' и 'грехом'. И вот все, что г. Демидов уловил, да и то только по внешней видимости, это то, что я считаю государственность и меч приемлемыми для православного христианина. Остальное — его собственные вымыслы». Приписывать же Ильину сочувствие тактике большевиков есть самая настоящая *инсинуация*, — вполне, впрочем, в духе «Последних новостей» и их редактора.

Во второй части своей статьи Ильин обращается непосредственно уже к тем читателям, которые по совести ищут правду. «Да, — пишет он, — я утверждаю, что государственность, и меч, и сопротивление злодеям силою — приемлемы для православного христианина. И, когда я говорю о 'православном мече', то я разумею меч, *православно обоснованный* (совсем не 'оправданный', и не 'освященный', и не 'святой')». Такое обоснование дано было уже в Апостольских Посланиях — у Апостола Петра (I, 2, 13-16) и Апостола Павла (Римлянам, 13, 3-5). Прочитав эти Послания Ильин поясняет: «В приведенных мудрых словах Апостольских все выговорено определенительно и недвусмысленно: и задача правителя, и

цель для коей он носит меч, и критерий истинного правления, и допустимость казни, и мера применимости меча. (...) И сколько бы сентиментальное воображение ни ужасалось при слове 'палач' и ни взывало к непротивлению, — смертная казнь для злодея здесь *допущена, как необходимость*. И это надо понимать очень точно, недвусмысленно и нерасширительно. «Допустить, как необходимость, не значит 'оправдать'. И казнь здесь не оправдана, и не освящена, и не свята, и не священна. А только *допущена*, т. е. не воспрещена и не отвергнута, и не проклята, а *прямо предугазанна* в меру ее необходимости и применительно к злодеям. И надо *все* сделать, чтобы меч и палач были не нужны; и после этого, если они все-таки будут необходимы, надо *принять их*».

Для того чтобы разобраться в этих действительно очень трудных и сложных вопросах, необходимо, говорит Ильин, различать «неправедность» и «грех». Для понимания того, есть ли война «грех», надо обратиться ко всей святоотеческой литературе этого вопроса (Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, Василия Великого, Афанасия Великого и других), а равно и к русским источникам, основывающимся на святоотеческой литературе, в частности к православному Требнику, к малому Катехизису Митрополита Филарета, специально написанному «для военного сословия», к сочинениям Митрополита Антония (Храповицкого), написанным для военных, и его Катехизису и т. д. «Кто же из русских православных великих Святителей, строивших Русь, учил непротивленству? — спрашивает Ильин. — Или Епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников (С. Соловьев. История России, т. I, гл. 7)? Или Сергей Радонежский? Или Петр, Алексей, Иона и Филипп? Или Гермоген? Или Филарет и Никон? Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней?»

Всему этому сентиментальный аполитист и толстовствующий непротивленец может противопоставить лишь свое личное «не приемлю», имеющее значение разве только автобиографическое. Ссылки же на грабежи крестоносцев, на то, что оружие в истории употреблялось и во зло, никак не доказывают, что оружие невозможно употреблять во благо.

2. Статью Бердяева «Кошмар злого добра», появив-

шуюся летом 1926 г., Ильин прочел, видимо, только осенью. Он ответил на нее особой статьей, напечатанной 26 октября 1926 г. в «Возрождении» под заглавием «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона».

Ильин отмечает прежде всего общий тон статьи Бердяева, в идейном споре совершенно недопустимый. «Статья г. Бердяева написана тоном патологического аффекта; он сам так публично и характеризует свое собственное состояние, как переживание 'кошмара', 'удушья', 'застенка', 'отвращения' и т. д.» При таком ненормальном состоянии Бердяеву приснился кошмар: ему пригрезилась целая система идей, которую он приписал Ильину, но которая Ильину не принадлежит, и которую сам Ильин тоже считает заслуживающей отвержения. В полную противоположность тем, кто думает, что государству принадлежит абсолютная власть над человеком и его духом, Ильин утверждает, что *«духовное начало в человеке требует для своего осуществления на земле именно лижного, свободного, добровольного, невынужденного и невынуждимого обращения души к предмету и Богу. (...) В последнем счете духовное обращение человека или совершается изнутри, из его свободы, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе»*. Именно из такого убеждения исходит Ильин в своей книге, многократно его высказывая (страницы 13, 20, 21, 22, 23, 28, 40, 45, 46, 49, 50, 55, 112, 114, 115, 116, 156, 162, 166, 167, 169, 187).

Общее принципиальное отношение Ильина к государству двуедино: *«Если отрицать государственное дело — нелепо, зловредно и фальшиво, то переоценивать государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело государства является, по моему убеждению, — пишет Ильин, — в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, не абсолютным, не праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом. Исследованию этой необходимости и пределов этой мощи и посвящена моя книга»*.

Далее Ильин приводит «живые примеры» созданной Бердяевым картины, — которую Ильин считает *«идеологической инсинуацией»*. Таких примеров, в сущности, семь. Приводя их, Ильин начинает с изложения своих взглядов, а потом противопоставляет им утверждения Бердяева. Поскольку нам уже известны основные заме-

чания Бердяева, мы тут будем держаться обратного порядка: сперва напомним то, что писал Бердяев, а потом процитируем утверждения Ильина.

1) Бердяев пишет, что Ильин совершенно смешивает и отождествляет церковь и государство. На самом деле Ильин утверждает совсем другое — что «религиозно-церковный дух 'не осуждает, но осмысливает и освящает путь Кесаря' (стр. 162); что истинное соотношение церкви и государства найдено в духе древнего, русского Православия: оно состоит в обоюдной независимости их организаций, при духовном руководстве и содействии Церкви и лояльном невмешательстве ее в дела земные (стр. 220)».

2) Бердяеву в его кошмаре видится, что Ильин с «упоеанием» оправдывает смертную казнь и не постигает благодатной силы таинства покаяния. На самом деле вся книга Ильина и в особенности ее основные, последние главы «доказывают, что человекоубиение *ни при каких условиях* не будет праведным делом; что государственная необходимость есть *трагедия* и ведет к духовному *компромиссу*, который возлагает на правителя и на война обязанность *покаянного самоогнищения* (напр., стр. 215)».

3) Бердяев пишет, что Ильин «не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло». На самом деле, задача, которую решает книга Ильина, совсем иная. «Я *не* исследую в моей книге, — пишет Ильин, — путей внутреннего, религиозного и нравственного (т. е. *главного и священного*) процесса перерождения человеческой души. Я сознательно ограничиваю свою проблему исследованием *социальных* путей взаимовоспитания, ибо мое внимание сосредоточено на необходимости и на пределах государственного воздействия».

4) Бердяев говорит, что Ильину «очень легко призвать проявлением любви какое-угодно истязание» человека. В действительности, Ильин доказывает, что «государство обязано избегать всяких способов воздействия на преступника, которые его 'ожесточают', 'озлобляют', вредят его телесному, душевному или духовному здоровью (стр. 114, 115)».

5) Бердяев видит личное самовосхваление там, где на самом деле выясняется важная духовно-методологическая проблема — о том, от чьего лица должен ставиться вопрос о сопротивлении злу силой. Конечно, не от лица пре-

ступных и злонамеренных людей: «проблема нравственной и религиозной правоты не весит в душе злодея, он сам уже разрешил себе все. Вопрос надо ставить от лица человека, искренно желающего добра, т. е. от лица *благородного* человека, сознающего свою собственную грешность (стр. 173, 174) и тем не менее, идущего на борьбу с насильником».

6) Бердяев продолжает видеть у Ильина расхваливание своей особы и «неслыханную духовную гордыню» там, где в действительности Ильин в своей книге описывает «возможную полноту христианской духовной любви, необходимой для постижения и осуществления заповедей Христа».

7) Бердяев объявляет, что Ильин отдал свои силы «для духовных и моральных наставлений организациям контр-разведки, охранным отделениям, департаменту полиции, главному тюремному управлению, военно-полевым судам», что он проповедует «чеку во имя Божье», — и все это только потому, что Ильин посвятил свое исследование русской белой армии и ее вождям.

Подводя итоги, Ильин не удивляется, что Бердяев признал его воззрения кошмарными: «Ясно, что это не мои воззрения, а *созданный им самим кошмар*. Это ему самому пригрезился 'кошмар злого добра'; а он реагирует на него, как на объективную действительность. И с какою злобою . . . Последние странички его статьи (...) производят такое впечатление, как если бы человек торопился наговорить как можно больше неприятностей и дерзостей . . .»

В заключение Ильин характеризует философскую публицистику Бердяева в целом. Он всегда воспринимал ее как публицистику, не прошедшую через бережно возвращенный духовный опыт и умственную аскезу. Независимо от того, поносит Бердяев что-либо или превозносит, то, что он при этом создает, это всегда «его *субъективные зимеры*». А потому — «мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью».

3. В своей статье «Кошмар Н. А. Бердяева» Ильин указывал, что покуда Бердяев пребывает в состоянии кошмара спорить с ним он не видит смысла и со своими утверждениями и доказательствами обращается не к нему, а «к читателю, признающему справедливость и ищущему

объективной правды; и прежде всего, к читателю единомышленнику и другу». Еще более подчеркнут такой подход в следующей статье Ильина, «О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу)», напечатанной в трех ноябрьских номерах газеты «Новое время».

Обращаясь к проф. Даватцу, который сам показал образец сопротивления злу «и словом, и делом, и жизнью», Ильин сравнивает выступление Демидова в 1925 г. с выступлениями Бердяева и Айхенвальда в 1926 г. и отмечает «совпадение тона и способа 'аргументации'». Задача этих и им подобных авторов — «изобразить в отвратительном виде не нравящееся им и затем скомпрометировать идеи, а по возможности и личность противника». На этой почве создается некий единый фронт между христианскими непротивленцами и русской левой печатью в Париже, выступающий якобы во имя христианской любви. Эта любовь простирается непротивленцами «и на большевиков, и на злодеев, и на всякую человеческую душу», но только не на Ильина, по отношению к которому все позволено.

Переходя к самому существу своего идейного расхождения с новейшими непротивленцами, Ильин пишет, что центральным вопросом является тут вопрос о государстве и об отношении к нему христианина. В этом вопросе необходима честность, твердость и недвусмысленность. Не смешивая (вопреки утверждениям Бердяева) церкви и государства и не превращая ни государства в церковь, ни церкви в государство, Ильин считает, что государство необходимо принять, — оставаясь христианином и осмысливая его, пусть и иной, чем в церкви, но тоже христианской любовью (о чем Ильин специально пишет в главе 22 своей книги). Такой подход к государству — христианский, православный и русский, свободный от всякого цезарепапизма и папоцезаризма — прямо отвергается Айхенвальдом («христианство остается само по себе, а государство само по себе») и — более прикровенно — Бердяевым. Бердяев, говорит Ильин, «предпочитает обойти центральный вопрос о *государстве и любви*», но все же «категорически отвергает то положительное, воспитательное задание государства, на котором настаивает Апостол Павел».

Приведя ряд аргументов, связанных с проблемой борьбы против коммунизма (в особенности важной для Даватца и других участников белого движения), Ильин пе-

реходит к вопросу о том, чем он мог бы подтвердить православность своего подхода к государству и смертной казни, исходя из Священного Писания Нового Завета. Он напоминает, что в своей книге «поставил перед собою проблему философскую, а не богословскую». Считая, что с чисто богословской точки зрения соответствующие места Евангелия надлежит толковать не светским людям, а духовным, имеющим авторитет связанный с саном, Ильин пишет, что он в своей книге «совсем воздержался от привлечения и истолкования этих мест» — а те толкования, которые у него приводятся, он «предварительно надлежащим образом проверил у авторитетных лиц, дабы избежать личного произвола и кривотолка».

Понимая, что корень всех нападков на него со стороны непротивленцев в том, что он мыслит «государственное дело, а вместе с тем и меч, и казнь (поскольку они необходимы), как служение Богу и притом Богу любви, Христу Сыну Божию», Ильин цитирует далее дословно то, что по этому вопросу сказано в 13-ой главе Послания Апостола Павла к Римлянам (1-10) и во 2-ой главе Первого Послания Апостола Петра (13-17) и ссылается еще на Послание Апостола Павла к Титу (гл. 3, стих 1 и сл.) и на указания на Апостольские разъяснения и определения, содержащиеся в его книге (страницы 162, 192, 207). Если, пишет Ильин, все эти указания Апостолов устарели для нашего гуманного века и все книги Нового Завета нуждаются в пересмотре в духе нынешней «гуманности», то это необходимо так именно открыто и высказать, — чего, однако, Бердяев и его единомышленники не делают.

В течение всей своей истории, говорит Ильин, христианская православная Церковь понимала слова Апостолов «прямо и непосредственно, не обращаясь ни к каким 'образным' перетолковываниям». Таков же подход и святоотеческой литературы — «Прочтите же хотя бы толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (том I), особенно то место, где он говорит о *любви, повергающей злодеев в темницу . . .*» Точно таков же был подход и русских святителей. Перечислив ряд примеров из русской истории, Ильин заключает, что все это есть несомненная древне-православная, русско-национальная традиция, против которой «господа двусмысленные непротивленцы» могут выдвинуть лишь «традицию русской сентиментальной

интеллигенции XIX в. до г. Бердяева и г. Айхенвальда включительно».

Суммируя возражения своих идейных противников, Ильин сводит их к трем положениям. «Во-первых, мое воззрение противоречит христианству. А во-вторых, если оно не противоречит христианству, то теперь не своевременно об этом говорить. А если даже и своевременно, то, в-третьих, это 'принижает достоинство философа'...» Следующий этап — это уже превращение идейной полемики в личную инсинуацию.

Ильин характеризует, далее, настроение русской сентиментально-непротивленческой интеллигенции, впадающей в самую опасную крайность — крайность в добре. Это настроение не считается с наличною трагедиею мира как с волевым заданием и приводит к религиозному дезертирству. «Подумайте только, — восклицает Ильин: русская интеллигенция девятнадцатого века гуманнее Апостола Павла и Преподобного Сергия, милосерднее Апостола Петра и любвеобильнее Патриарха Гермогена... И традиция наших великих святых, ныне мною выдвинутая, оказывается традициею 'злого добра'...» Опасность этой малодушной гуманности в том, что она оборачивается гуманностью предательской — «как только трагическая борьба со злом ставит ее перед необходимостью совершить *неправедность во имя любви*».

В заключительной части своей статьи Ильин касается еще политической стороны вопроса, пристегнутой к полемике его оппонентами. «Пусть знают и помнят мои читатели, — пишет Ильин, — что мое исследование *никак и ни чем* не предрешает и не предначертывает никаких 'политических лозунгов' и никаких 'тактических путей'».

Этимися тремя статьями и исчерпываются выступления Ильина в печати на первых двух этапах полемики¹². Пять лет спустя Ильин вернулся к этой проблематике в публичном докладе, в печати пока еще не появлявшемся.

¹² Если бы место позволяло, следовало бы остановиться еще на двух дополнительных источниках, позволяющих судить о реакции Ильина на выступления некоторых его оппонентов — авторском экземпляре книги и комментариях в газетных вырезках. В экземпляре книги, хранящемся в архиве, есть целый ряд любопытных карандашных подчеркиваний и иных отметок и замечаний, сделанных рукой Ильина. Двое из его оппонентов, Бердяев и Айхенвальд, упоминаются специально (нелестно). Газетные вырезки содержат иногда — помимо подчеркиваний, отчеркиваний,

4. В начале марта 1931 г. Ильин читал в Риге ряд лекций. Четвертой по счету была лекция «О сопротивлении злу силой», прочитанная 9 марта¹³. Она состояла из двух частей. В первой части Ильин говорил о неправильном развитии русской философской и религиозно-философской мысли XIX века, о верной постановке вопроса о сопротивлении злу силой и о требовании исторического момента. Специально остановившись на Толстом, Ильин отметил, что Толстой «выдвинул такое понимание добра и зла, которое религиозно сводилось к отвержению мира, а практически к непротивленчеству» (6). Ильин ограничился, однако, лишь кратким изложением самых главных положений в учении Толстого, отослав своих слушателей к главам 9-12 своей книги, в которых подробно разбираются состав этого учения, его религиозно-философские корни, его аргументы и ошибки.

Верное разрешение вопроса о сопротивлении злу силой, говорил далее Ильин, возможно лишь при верной постановке этого вопроса. А он формулируется так: «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире — не сопротивляться злу силою и когда необходимо, то и мечом?» (8). Чтобы дать правильный ответ, необходимо помнить, что «Зло и добро суть состояния душевные и духовные, внутренние — возникающие и созревающие в таинственной глубине личной души — и потому невынудимые и не искоренимые извне» (10). Сопротивление злу посредством физического понуждения и пресечения требует поэтому наличия известных условий. Ильин подробно останавливается на пяти таких условиях. Налицо должны быть: 1) *подлинное зло*, изливающееся во внешнем деянии, 2) *верное восприятие зла*, 3) *подлинная любовь к добру*, 4) *волевое отношение к мировому процессу* и 5) *ясное сознание*, что при данном стечении обсто-

вопросительных и восклицательных знаков — также прямые словесные комментарии Ильина. Так, например, после отчета Ф.С. в «Сегодня вечером» о докладе Ильина в Риге в 1931 г., Ильин отметил: «Автор рецензии изо всех сил старался исказить мои воззрения, чтобы изобразить их неприемлемость».

¹³ Рукописный текст лекции хранится в пакете № 193 (микрофильм 3), документ 20.

ятельств физическое воздействие является *единственным действительным средством* (11-19). Ибо сущность проблемы сопротивления злу силой именно «в том, что человеку практически даются всего *две* возможности, всего *два* исхода: или потакающее злодею бездействие или физическое сопротивление» (19). Такой верной постановки вопроса не было ни у Толстого, ни у близких к его умонастроению русских философов и публицистов.

Вторую часть своей лекции Ильин начал с указания на то гонение, которое подняла на его книгу русская зарубежная публицистика. Ознакомившись со всеми этими литературными эксцессами, Ильин пришел к выводу, что «*ни один* из возражавших не читал» его исследования и что кампания против его книги шла по указке определенных центров, решивших, что книга чревата для них нежелательными политическими последствиями (25). Но это исследование написано главным образом для молодых поколений, не виноватых в русском крушении. Обращаясь к ним, Ильин останавливается на том главном, христиански-православно верном и философски доказательном решении вопроса, которое его эмиграционные критики «просмотрели потому, что ими владели политические страхи и интеллигентские предрассудки» (26).

Существо утверждений Ильина не только в том, что человечество не может жить без государственно-организованного понуждения и пресечения, но и в том, что 1) «угроза, тюрьма и казнь *не суть средства святые и праведные*»; что 2) «они не преображают злой воли»; что 3) «они допустимы только тогда, когда по совести считаются необходимыми и единственно целесообразными»; и наконец, что 4) «душа человека, прибегающая к ним, должна постоянно заботиться о своем внутреннем, духовном очищении» (26).

После этого Ильин в своей лекции прочитал аудитории страницы 201-209 своей книги «О сопротивлении злу силой» (глава 21 — «О духовном компромиссе»), которые полнее всего передают его идеи о нравственной трагедии, связанной с приятием духовного компромисса. Хотя, пишет в своей книге Ильин, путь меча есть несправедный путь, «нет такого духовного закона, что идущий *через* несправедность идет *ко греху*» и «жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в

меру необходимости мужественно вступать в неправедность, идя *через* нее, но не *к* ней, вступая *в* нее, чтобы уйти *из* нее» (202). Нет другого, праведного пути, который заменил бы не праведный путь силы и меча. Основная жизненная трагедия в том и состоит, что «из этой ситуации *нет идеального исхода*» (202), а потому «мужество и честность требуют здесь открытого приятия *духовного компромисса*» (203). Такой духовный компромисс не может преследовать никакой личной выгоды, он есть «*бескорыстное приятие своей личной неправедности в борьбе со злодеем, как врагом Божьего дела*» (204). Сознательно и убежденно принимая неправедность и подымая *бремя мира*, религиозно приемля свою судьбу и принимая меч во имя Божьего дела, «человек *'полагает свою душу'*, но утверждает свой *дух* и его достоинство» (206); поступая так, он «не праведен, но *прав*» (207).

Переходя к Евангельским свидетельствам, Ильин пишет: «Христос учил не мечу; он учил любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил он меча, ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела. И уже первые ученики его, Апостолы Петр и Павел (I Петра. II. 13-17. Римл. XIII. 1-7) раскрыли положительный смысл этого неосуждения» (207).

Прочитав полностью страницы 201-209 своей книги, Ильин в заключение призвал свою молодую аудиторию к выработке *целостного характера* (28), к *грозной любви* и *гибкой борьбе* (30). И подытожил: «Учитесь христианской любви у Преп. Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского; и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей» (29).

5. После рижской лекции 1931 года Ильин неоднократно возвращался к вопросу о зле и о сопротивлении ему силой в своих печатных выступлениях на другие темы. К сожалению, ограниченные местом, мы не можем здесь на этих выступлениях специально останавливаться.¹⁴ Перейдем поэтому прямо к последнему, итоговому периоду в жизни и идейном творчестве Ильина.

¹⁴ Из статей Ильина тридцатых годов следует особо упомянуть — «О христолобивом воинстве» («Православная Русь», март 1939 г., № 6), из брошюр — «Основы христианской культуры» (Женева, 1937; особенно важны главки: О приятии мира, Культура и Цер-

В 1953 г. в Париже вышло капитальное двухтомное исследование Ильина «Аксиомы религиозного опыта», которое он вынашивал и постепенно писал в течение свыше тридцати лет (декабрь 1919 г. — декабрь 1951 г.). Во втором томе этого труда, в 27-ой главе, озаглавленной «Трагические проблемы религиозного опыта», пятая и шестая подглавки (стр. 206-211) специально посвящены трагической проблеме зла и сопротивления злу. Отсылая читателей к своей книге «О сопротивлении злу силою», — в частности к главам 8, 9, 10, 11 и 12, в которых дается критика учения Толстого о непротивлении и вскрываются «элементы 'морального бегства', 'сентиментальности', 'духовного нигилизма' и 'религиозного мироотвержения'» (208), — Ильин и в «Аксиомах» касается целого ряда относящихся сюда вопросов.

Ильин начинает с указания на необходимость *предотвращения* зла. Но предотвращение не всегда удается, и проблема сопротивления злу принимает иногда *трагический* аспект и требует *героического* разрешения. Трагичность заключается в том, что «человек, исповедующий духовную религию, не может найти здесь праведного исхода» (208). Убедившись в трагической природе этого конфликта, религиозный человек должен будет или включить-ся в борьбу со злом, или уклониться от нее. Однако все попытки уклониться от духовной, религиозной и нравственной ответственности просто иллюзорны.

Этим вопрос не исчерпывается. «Верное разрешение этого великого и для всей человеческой культуры неизбежного вопроса, верный выход из этого трагического задания — состоит в *необходимом* сопротивлении злу силою с принятием на себя *ответственности* за свое решение и деяние, и с *непрерывным* последующим, *всежизненным* нравственно-религиозным *очищением*. Это и есть исход, указуемый православным христианством» (209).

ковь, Церковь и государство, О власти, О сопротивлении злу силой, О компромиссе), а из книг — «Путь духовного обновления». Эта книга писалась в 1932-1935 гг. Первое ее издание (Белград, 1935) было неполным — в него вошли только 7 глав. Второе, полное издание (Мюнхен, 1962) включает все 10 глав. Вопросы, о которых тут идет речь, Ильин более всего касается — иногда прямо ссылаясь на свою книгу «О сопротивлении злу силою» — в главах 3 («О свободе»), 4 («О совести»), 9 («О государстве») и 10 («О частной собственности»).

Отправляться при сопротивлении злу силой надо не от «права», не от «возможности» или «осуществимости», а от *неизбежности*. «Сопротивляться злу силою надлежит с сознанием, что средство это есть *единственно-оставшееся*, крайнее и несправедливое; что это средство не 'оправданное' и не 'освященное', а принятое в порядке *духовного компромисса*; и что в силу этого оно должно быть при первой же возможности оставлено и заменено другими, более духовными, достойными и любовными средствами. (...) Ибо дух человека преобразуется любовью, свободой, убеждением, примером и воспитанием, а не силою. Сила не строит дух, а только пресекает нападающую *противодуховность*» (210).

Все мы призваны к религиозному катарсису, а люди трагически-героического служения тем более: «государственному правителю, воину, судье и всем, кто, по слову Апостола Павла, сим делом 'постоянно занят' (Римл. 13, 6), необходимо постоянно заботиться о духовном и религиозном очищении своей души. (...) Тот, кто сопротивляется злодеям силою или мечом, тот должен быть всегда *лице и выне своей борьбы*, чтобы бездна, таящаяся в каждом и даже самом бескорыстном компромиссе, не поглотила его. Меч его должен быть как молитва; а молитва его должна иметь силу меча. И чем совершеннее будет его молитва, тем меньше, может быть, ему придется прибегать к мечу» (211).

К каждой главе своих «Аксиом религиозного опыта» Ильин дает обширные «Литературные добавления». Добавлениям к этой 27-ой главе («Трагические проблемы религиозного опыта») предпослан эпиграф из Мтф. 11, 29: «Возьмите иго Мое на себя». Приведя большой литературный материал для остальных частей главы, Ильин пишет: «Литературный материал по вопросу о допустимости 'сопротивления злу силою' приведен мною в моей книге с соответствующим заглавием (срв. особенно стр. 180-199)» (307).

Вопросов о сопротивлении злу силой Ильин касался, помимо «Аксиом религиозного опыта», также и в других своих итоговых трудах, в частности в книге «О сущности правосознания» (Мюнхен, 1956), в которой для нашей темы наиболее существенны главы 12 («Сущность государства») и 21 («Правосознание и религиозность»).

Но пора уже перейти к некоторым дополнениям и подвести итоги.

V. Дополнения и итоги

Отвечая своим оппонентам, Ильин обращал главное внимание на их возражения и на возникновение некоего единого фронта между христианскими «непротивленцами» и русской левой печатью, направленного против воззрений и личности Ильина. То, что сближало его оппонентов с ним, или то, что свидетельствовало о непоследовательности или даже противоречивости в их позиции, а равно и расхождения между самими оппонентами, — в ответах Ильина осталось мало отмеченным. Но для нас и эта сторона дела представляет определенный интерес и значение.

1. Самыми объективно важными были, конечно, возражения, шедшие из религиозно-философского лагеря. Остановимся поэтому хотя бы коротко на позиции Гиппиус, Айхенвальда и Добронравова и несколько более подробно — Бердяева, Степуна и Зеньковского.

1) В статье «Меч и крест» основная идея Зинаиды Гиппиус — как в краткой («нельзя и надо»), так и в расширенной формулировке («Нельзя, но еще надо. Никогда нельзя, но иногда еще надо») — очень, в сущности, близка к основной идее Ильина. Гиппиус ведь и сама признает, что — в отличие от слов Толстого — «все слова Ильина о христианстве, его словесные обоснования христианства — верны и правильны» (352). В конце статьи, резюмируя, она выговаривает еще два очень важных признания: «Общее утверждение Ильина, что *'сопротивляться злу нужно'* — совпадает с правдой. Частное его утверждение, что *'коммунизм есть зло'* — совпало с правдой» (366). А если так, то, спрашивается, из-за чего же в таком случае и огород городить, выступая в печати с такой обширной и негодующей статьей? Тем более, что Гиппиус, оказывается, вовсе и не собиралась подвергнуть книгу Ильина серьезному анализу. Она так об этом откровенно и пишет: «Я, впрочем, не ставлю себе задачей последовательно разбирать книгу Ильина. Я просто хочу высказать, о ней или около нее, то, что хочу, относительно вопросов, над которыми пришлось мне думать в продолжении долгих лет»

(347). Это «впрочем», это «о ней или около нее» и это «просто хочу (...) то, что хочу» (совсем в стиле некой капризной барыньки!) поистине весьма характерны для статьи Гиппиус.

Юлий Айхенвальд тоже иной раз очень далеко заходит в своем «соглашательстве» с Ильиным. Так, оказывается, как мы уже читали, что «Можно не быть противником смертной казни, можно и должно стоять за насильственное укрощение зла». «Бесспорной» для Айхенвальда является и ложность учения о непротравлении, — в опровержении которого Ильин, по выражению Айхенвальда, «победоносен».

Весьма знаменательно, что и Леонид Добронравов, вступивший в спор во имя защиты евангельских истин, должен был признать, что в своем подходе к государству и государственности Ильин «несомненно (...) совпадает с апостолом».

2) Даже в статье Бердяева — наиболее, может быть, философски непримиримой по отношению к Ильину и его идеям — среди бесчисленных гневных и даже бранных суждений об Ильине и его книге есть целый ряд как бы случайно оброненных — и тоже выраженных негодуяще, а потому не сразу и не всякому заметных — замечаний, которые подтверждают скорее правильность идей Ильина, а не Бердяева. Так, например, если, по признанию Бердяева, «весь род человеческий поражен первородным грехом» (104), то как же можно обойтись без той системы ограничения и пресечения крайних проявлений социального греха-зла, о которой говорит Ильин? Конечно нельзя, и Бердяев сам пишет нечто, для него, казалось бы, абсолютно немыслимое: «казнь, как трагический и жертвенный акт, совершаемый в жизни, *имеет свое оправдание*» (там же, подчеркнуто мною). Бердяев вступился за Толстого, но оказывается, что в прошлом сам Бердяев «много критиковал Толстого и пользовался аргументами, которые сейчас воспроизводит и И. Ильин», да и вообще «И. Ильин говорит много несомненно верного о Толстом» (105). С принципиальной, идейной точки зрения оказывается, что довольно просто обстоит дело и с вопросом о сопротивлении злу, в частности такому — тогда еще для Бердяева явному — злу, как большевизм. Вопрос отнюдь не в принципиальной допустимости сопротивления силой и меча, а лишь в

целесообразности тех или иных методов борьбы. О себе лично Бердяев так именно и пишет: «Я, наприм., никогда не был толстовцем и непротивленцем и не только не сомневаюсь в принципиальной допустимости действовать силой и мечом, при соблюдении целесообразности и духовной гигиены, но и много писал в защиту этого тезиса (...)» (106).

Столь же неоднозначно обстоит дело и с теми четырьмя категориями (государство, свобода, человек и любовь), вокруг которых Бердяев строит свои основные возражения Ильину. Так, говоря о природе и задачах государства, Бердяев вынужден признать, что «Государство должно и может ограничивать проявление зла в мире, пресекать известного рода обнаружения злой воли. (...) Государство по природе своей не может не прибегать к силе и принуждению для ограничения и пресечения проявлений злой воли. (...) Человеческое общество, бесспорно, не может существовать без государственной власти, которая будет силой ограничивать и пресекать проявления злой воли» (109). Точно также, всячески отстаивая принцип свободы, в том числе и свободы зла, Бердяев вынужден согласиться, что «свобода зла должна быть внешне ограничена в своих проявлениях» (110). Наконец, указывая на различие между смертной казнью и убийством на войне, Бердяев признает неизбежность и приемлемость второго (стр. 114: «Неизбежность убийства на войне, которой никто не отрицает, не есть смертная казнь»). Но ведь и в отношении смертной казни Бердяев, как мы видели, тоже писал, что она «имеет свое оправдание». Таких компромиссных суждений у Бердяева немало — в полном противоречии с общим бескомпромиссным тоном его гневных нападок на идеи и личность Ильина.

3) Как отмечалось, формально Федор Степун полностью солидаризировался с «отповедью», данной Ильину Бердяевым в журнале «Путь». Но если присмотреться к другим суждениям Степуна в той же его статье, то нельзя будет не заключить, что, пользуясь его выражением, «по своей предметной сущности», он далеко не так солидарен с Бердяевым и не так далек от Ильина, как это следует из категорического благословения, данного им Бердяеву с его «отповедью».

Так, Степун считает, что большинство центральных статей редактируемого Бердяевым журнала «Путь», в том числе и статей Бердяева, «написано весьма обще и размашисто». Это не так страшно пока речь идет о самых последних вопросах, но становится «гораздо страшнее», когда Бердяев и его сотрудники подходят с таким «чрезмерно-большим масштабом мышления» к вопросам общественным и политическим (446). Полагая, что Бердяев «гораздо сильнее там, где отталкивается от лжи, чем там, где влечется к истине» (443), Степун приходит к выводу, что общественно-политический пафос Бердяева «сводится к презрению всей общественно-политической сферы» (447) и что «Если вина русской интеллигенции по правильному мнению 'Пути', действительно, заключалась в придании абсолютного значения политике, то вина 'Пути' в том, что он вообще не указывает ей места в системе своего абсолюта» (там же). Но ведь именно в таком «аполитизме» — в непонимании и непризнании, на деле и по существу, положительной роли государства и политической власти — и обвинял Ильин Бердяева и его коллег-«непротивленцев».

Степун сочувственно упоминает о статье одного из сотрудников Бердяева В. В. Зеньковского, который основную идею религиозного движения среди русской молодежи в эмиграции видит в том, чтобы «связать все формы с церковью, связать не внешне, а в самом существе», — что применительно к проблемам политического порядка приводит к идее «освящения власти». Но Степуна беспокоит то, что руководители религиозного движения совсем не ставят вопроса о том, какую должна быть эта приемлемая для церкви власть и на каких конкретных политических путях эта власть может быть создана. «Христианская республика, — утверждает Степун, — конечно еще меньше возможна, чем православная монархия . . .» (там же). Ильин в своем религиозно-философском исследовании этими конкретными политическими вопросами тоже не занимается (он разбирает их в других своих трудах), но его книга как раз и посвящена проблеме если не освящения власти, то духовного и религиозного обоснования функций и пределов власти и государства.

Степун отмечает, что он не нашел того синтеза между идеями представителей русской религиозно-философской

мысли и русской левой общественности, к которому он сам стремился, не только в религиозно-философском лагере Бердяева и его журнала «Путь», но и в лагере левой русской общественности. «И сейчас, — пишет Степун, — в этих вопросах царит какой-то глухой провинциализм: еще недавно я слышал от одного очень крупного и чуткого общественного деятеля левой формации, что статья З. Н. Гиппиус ('Совр. зап.' 28), направленная против книги И. А. Ильина о 'Соппротивлении злу силой', в сущности явление совершенно того же порядка, что и сама эта книга: 'тоже религия, значит, тоже реакция'» (442). Степун с таким мнением, конечно, не согласен, но его существование только подтверждает, что «синтез веры и свободы» (443) в среде левой русской общественности отсутствует так же, как и в лагере Бердяева и других сотрудников «Пути». Все это, однако, означает, что синтеза веры и свободы Степун искал не там, где нужно. Именно этот синтез — но с иной религиозно-волевой направленностью — и выдвигал Ильин в своих трудах.

4) Из всего, что было написано оппонентами Ильина, наиболее значительной является, на мой взгляд, статья В. В. Зеньковского в «Современных записках». В ней тоже много недостатков. В ней есть мнимые расхождения с Ильиным, критика Ильина, которая на самом деле к нему не относится, пожелания, которые Ильиным в действительности уже были осуществлены в его книге. Враждебные по отношению к Ильину чувства облеклись у Зеньковского — в частности при защите христианского учения о любви — в отнюдь не любовную, не христианскую словесную форму. Зеньковский гораздо более снисходителен к Толстому, Герцену, Михайловскому и русским позитивистам, к прежней не церковной и даже не религиозной, части русской интеллигенции вообще, чем к выразителю церковно-религиозных идей Ильину. Обвиняя Ильина в рационализировании христианского учения, Зеньковский сам иногда впадает в рационализирование. У него в таких случаях получается большею частью то, что Степун находил в свое время у Бердяева: «двойная итальянская бухгалтерия» в вопросах, действительно очень сложных и ответственных. Его анализ построен нередко по принципу «с одной стороны, нельзя не признаться, а с другой — нельзя не сознаться», который едва ли может удовлетво-

рить читателя, ищущего недвусмысленного ответа на вопрос, как ему быть в том или ином случае. Есть в статье Зеньковского и ряд других недостатков. Значительность ее, однако, в том, что Зеньковский исходил не из своих лишь собственных идей и мнений (как, например, Бердяев — человек и вообще, и в те годы в особенности, с неизмеримо бóльшим именем), а из учения Православной Церкви, пусть и несколько по-своему понимаемого. Это был, в принципе, подход мироутверждающего христианства — христианства, приемлющего мир, историю, культуру, государство, войну, идею родины, идею христологического воинства, даже идею белого движения, боровшегося против большевизма-коммунизма.

В отличие от своих коллег по религиозно-философскому лагерю, увидевших в книге и идеях Ильина о сопротивлении злу силой одно только отрицательное, Зеньковский находит у Ильина и немало положительного. Он признает, что от книги Ильина «веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая, суровая честность», она «чрезвычайно современна, насыщена тем, чем живет и волнуется наше время», она ставит «вопрос высочайшей важности для нас, для нашей эпохи — о религиозной культуре, об освящении исторической стихии», вся тональность книги — «религиозная, тема ее (не внешняя, а внутренняя) чисто христианская тема» (284); и когда книга вскрывает крах всего того, на чем строилась идеология прежней русской интеллигенции, она «прикасается к самой существенной и ответственной теме нашего времени — к вопросу об основах мировоззрения, которое должно быть построено в итоге всего пережитого нами» (287). Даже с внешней, исследовательской и литературной стороны Зеньковский совершенно иначе воспринял книгу Ильина, чем, например, Гиппиус: характеризуя книгу, Зеньковский отмечает «ее логическую строгость и ее формальную законченность» (284).

Со многими положениями Зеньковского, которые сам Зеньковский считает возражениями Ильину, Ильин, несомненно, и сам бы по существу согласился, — как, например, в тех случаях, когда Зеньковский пишет, что «всякое участие в жизни мира, *даже под руководством церкви*, не устраняет его неправды» (290); или что «Путь через сердца всегда невидимый, всегда закрытый — *но он един-*

ственно только и есть христианский путь» (293); или что «Церковь ценит государство и чтит его, как натуральную форму самооздоровления и самосовершенствования мира, но она хорошо знает границы его правды и неисчезающее начало неправды в нем» (294); или что любовь к родине, которая есть «безусловная святыня», все же «не есть последняя инстанция в решении вопросов жизни, она должна быть подчинена высшему началу духовной жизни — религиозному» и что необходимо «всячески беречься впасть в христианский натурализм, в признание родины, государства, культуры уже освященным бытием, в какое-то саморастворение в нем без религиозной проверки» (296); или что «Участие в войне, заполняющее душу невыносимой мукой и болью, может держаться как раз только на подвиге любви — когда люди идут на грех, как бы разлучаются со Христом, как на это, в великой скорби о своем народе, готов был ап. Павел (Рим. 9, 3), чтобы помочь родине, близким» (299-300); или что «Если христианство приемлет мир, приемлет культуру, государство, если ценит оно натуральное движение к добру и правде и своим благословением и молитвами укрепляет силы натурального добра, то оно никогда не может быть понято как оправдание мира в его неправде» (300), и т. д.

Точно также, многое из того, что Зеньковский хотел бы найти в книге Ильина, в ней уже есть — и Зеньковский этого просто не заметил. Так, например, Зеньковский пишет: «Да, конечно, если бы Ильин с достаточной силой развил приятие мира, космические идеи Православия, показал бы невозможность уклониться от участия в исторической жизни, в государственной деятельности, подчеркнул бы всю высоту подвига любви в тех, кто, неся образ Христа в душе, будучи подлинно 'христолюбивым воином', берет вольно *грех* участия в войне, — его книга не только заключала бы в себе 'религиозную мудрость православия', но достаточно обрисовала бы и 'государственную мудрость' его» (300). Но ведь именно все это и делает Ильин в своей книге! Можно только поражаться, как Зеньковский мог это просмотреть.

В целом, однако, при сопоставлении высказанных тогда Зеньковским мыслей с мыслями Ильина, приходится заключить, что Зеньковский был гораздо ближе к Ильину, чем к религиозно-философскому лагерю Бердяева — и

тем более лагерю левой русской общественности, о которой говорил Степун и в печатном органе которой появилась статья Зеньковского. Остается впечатление, что расхождение между Ильиным и Зеньковским в те годы было не столько в основной идее, сколько в комплексе частных идей, стоявших за этой основной идеей, в общем духе. Как и Ильин, Зеньковский был за христианство, приемлющее мир, историю, культуру, государство, войну, христолюбивое воинство, родину, белое движение. В особенности далек был Зеньковский от своих коллег и по журналу «Путь» и по журналу «Современные записки» в этом последнем пункте — отношения к белому движению, активно сопротивлявшемуся большевизму-коммунизму. Как уже упоминалось, Зеньковский в своей статье много внимания уделил белому движению и белой идее — неизмеримо больше, чем Ильин в своей книге. И при всех своих оговорках, Зеньковский должен был признать, что «'Белая идея', как религиозный императив, для тех, кто пережил 'русский опыт', была единственным исходом, как путь жертвенного религиозного служения добру» (302), и что хотя непримиренчество к большевикам не есть последняя правда в борьбе со злом (окончательная победа над злом дана только любви), однако, «та святыня, которая зажигается в нашей душе в непримиренчестве, не только не тонет в общей правде христианства, но сама есть проявление в нас этой правды его!» (303). Подобные высказывания далеко уводили Зеньковского от его сонападателей на Ильина и очень приближали его к самому Ильину и к тем, кто выступил в поддержку Ильина.

2. Когда читаешь книгу Ильина, его первые ответы оппонентам и его более поздние высказывания, нельзя не видеть, с какой последовательностью, тщательностью и ответственностью подходил Ильин к формулировке своих идей. Как государствовед и философ он поставил перед собой ту задачу, в решении которой был предельно компетентен: дать социально-политическое и нравственно-философское обоснование идеи о сопротивлении злу силой. Но как мыслитель религиозный, для которого человек, мир, история и культура получают свой окончательный смысл только в свете православного христианского учения, Ильин не мог иначе формулировать и решать свою проблему, как в плане религиозно-философском.

1) Ильин неоднократно подчеркивал, что он не богослов и что в плоскости богословской затрагиваемые им вопросы должны освящаться богословами, имеющими духовное звание и авторитет. Поскольку, однако, Ильину приходилось прямо касаться и богословских вопросов, он предварительно советовался по ним с иерархами русской зарубежной церкви — и получил их полную поддержку. На этот счет есть конкретные указания не только в статьях, но и в переписке Ильина. Так, в письме к Струве от 9 июля 1925 г. Ильин сообщал: «Епископ берлинский Тихон и [глава русской зарубежной церкви] Митр. Антоний считают мою книгу подлинным и точным выражением православного воззрения». Десять дней спустя, в уже цитировавшемся здесь письме к Струве от 19 июля 1925 г., после слов о том, что он «искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим» и считает, что это решение «содержалось в древнем духе *православия*», Ильин пишет: «Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед 'приходом', заслушав последние 4 главы книги, говорил с большим подъемом о том, что 'это есть истина', которую православие носило веками *в густоте и в воле* и которая впервые выговорена разумом и доказана». Указав далее, что в важнейших главах книги (19-22: О мече и праведности, О ложных решениях проблемы, О духовном компромиссе, Об очищении души) центральное различие — «'неправедность' 'грех'», и в нем именно и заключается «*корень* всего разрешения» проблемы, Ильин добавляет: «по этому пункту я оговаривался и списывался с нашими иерархами — решение вопроса остается *моим* и терминология *моя* — но они считают (Антоний и Тихон), что это *верное* решение».

Кроме Митрополита Антония и Епископа Тихона, у Ильина по поводу его книги была переписка еще и с Анастасием (Грибановским), в то время Архиепископом Иерусалимским, впоследствии Митрополитом и главой Русской Зарубежной Церкви, сменившим на этом посту Митрополита Антония (Храповицкого). Об этой переписке Ильин упоминал в открытке к Струве осенью 1926 г., уже после появления статей всех главных представителей религиозно-философского лагеря, обвинявших Ильина в неправославности. Отметив, что статья Бердяева в «Пути» — «*всё одна сплошная 'лигноть'* и одна сплошная *ложь о книге!*», Ильин извещал Струве: «Я на днях пришлю Вам копии с

нескольких писем архиепископа Анастасия Иерусалимского ко мне (он просил их не печатать за его подписью) — и Вы увидите как обстоит вопрос о 'православности' моей книги. Нам надо еще иметь в виду, что здесь вообще организованный поход: они решили — убить книгу, скомпрометировав автора. Напр. Франк писал даже Анастасию, понося книгу, но тот дал ему отповедь».

Эта поддержка русских иерархов имела для светского философа, решавшего религиозно-философскую проблему, конечно, огромное значение.

2) Следует особо остановиться еще и на вопросе о том, изменил ли Ильин в какой-либо степени свои взгляды в результате всей возникшей вокруг него и его книги острой полемики.

Среди тех, кто на том, что мы условно называем четвертым этапом полемики, коснулся идей и книги Ильина о сопротивлении злу силой, был, в частности, проф. Валентин Сперанский. После смерти Ильина он напечатал в парижской «Русской мысли» (№ 728 от 14 января 1955 г.) большую статью «Памяти русского философа», которая потом была перепечатана в посмертно изданном двухтомнике статей Ильина «Наши задачи» (т. II, Париж, 1956, стр. 621-624). В этой статье Сперанский противопоставляет позднейшую книгу Ильина «Аксиомы религиозного опыта» его ранней книге «О сопротивлении злу силою». Приветствуя «Аксиомы» («полноценная книга — лебединая песнь мудреца, ... выношенный и выстраданный завет соотечественникам»), Сперанский говорит, что в «Аксиомах» Ильин отступил от «О сопротивлении злу силою» и «очень смягчил» «суровые тезисы» этой ранней книги.

Пишущему эти строки такой подход и заключение Сперанского представляются неправильными. Чтобы их опровергнуть, достаточно было бы указать на то, что в «Аксиомах» Ильин сам неоднократно отсылает читателя к своей книге «О сопротивлении злу силою». Он никогда бы этого не сделал, если бы считал свою книгу устаревшей, не отвечающей его окончательному мировоззрению. На самом деле все основные идеи Ильина остались абсолютно теми же. Но небольшое зерно правды в том впечатлении, под которым остался Сперанский при чтении «Аксиом», все же имеется. Оно заключается в том, что изменились не *идеи* Ильина, а его *упор* на те или иные идеи, входящие

в его учение о сопротивлении злу силой, количественное их соотношение.

Необходимо помнить, что в своей книге «О сопротивлении злу силою» Ильин ставил себе *двойную* задачу: отрицательную — опровержение ложного учения толстовства, и положительную — разрешение проблемы в духе древнего русского православия. Критика обратила главное внимание на отрицательную сторону дела и проглядела или исказила положительную. И это — как в лагере врагов, так — в меньшей степени — и среди некоторых сторонников Ильина. При создании книги Ильин считал, что его отрицательная задача не менее важна, чем положительная, отсюда и количественный баланс между двумя частями книги. Раз и навсегда решив отрицательную задачу, Ильин в дальнейшем мог сосредоточивать свое главное внимание на задаче положительной, которая и объективно была неизмеримо важнее, чем отрицательная.

Отказ от того количественного соотношения частей, которое мы находим в книге, виден уже в рижском докладе Ильина о сопротивлении злу силой, состоявшемся через пять лет с небольшим после выхода в свет его книги. Этот доклад — краткий, четкий — построен уже иначе, чем книга. Критика Толстого и его учения сведена к минимуму — с отсылкой слушателей к соответствующим страницам книги Ильина. Вообще, очень сокращена часть, расширяющая почву для правильной постановки и решения вопроса. Удалена часть, посвященная подробному выяснению всех ступеней отрицательного воздействия. Специально подчеркнута главная, просмотренная критиками Ильина, часть (стр. 201-209 книги), где говорится о том, что угроза, тюрьма и казнь не суть средства святые и праведные, что они не преображают злой воли, что они допустимы только тогда, когда по совести считаются необходимыми, и что после них требуется духовное очищение. Общее впечатление от доклада: абсолютно тот же подход, те же идеи, но иная пропорция, иной упор. Возможно, конечно, что тут сказываются и результаты полемики, но главное объяснение, думается, то, которое дано было выше.

Эти соображения относятся также и к книге Ильина «Аксиомы религиозного опыта» — с тем, однако, доба-

влением, что общая задача этой книги совсем иная, и для нее вопрос о сопротивлении злу силой — всего лишь один из трагических вопросов религиозного сознания. Но и тут то, что Ильин отрицает, и то, что он утверждает, — полностью совпадает с тем, что мы находим в его ранней книге «О сопротивлении злу силою».

3. Заканчивая этот обзор полемики, возникшей вокруг идей и книги Ильина о сопротивлении злу силой, отметим хотя бы следующее:

1) Оппоненты Ильина не были единомысленны. Они сходились в отвержении его идей и его самого, но расходились в очень многом. Хотя с внешней стороны действительно получился единый антиильинский фронт — как правило, от религиозного, философского и политического центра налево, и даже иногда далеко налево, — налицо были расхождения не только между отдельными лагерями — большевистским, республиканско-демократическим и религиозно-философским, но и внутри двух последних лагерей. И это как в общей позиции отдельных авторов, так и по ряду конкретных вопросов. Говоря о Степуне, принадлежавшем, как и Бердяев, к религиозно-философскому лагерю, мы отметили не только согласие, но и несогласие Степуна с Бердяевым и ближайшими сотрудниками Бердяева по религиозно-философскому журналу «Путь». Помимо вопроса о синтезе веры и свободы, о котором писал Степун, тут были и многие другие вопросы. Далеко не одинаково было отношение нападавших на Ильина авторов к вере и неверию, к Ветхому и Новому Заветам, к словам и деяниям Христа и к Апостольским посланиям и деяниям, к историческому пути христианства вообще и русской православной церкви в частности, в том числе и русской зарубежной церкви, к самому началу государства и власти и к русскому государству и его верховной власти, к монархии и республике, к русской революции, большевизму и белому движению, к Толстому, его учению и духу и к сопротивлению злу силой, войне, мечу и смертной казни и т. д. И когда Ильин писал о непротивленцах, то для него это было понятие родовое, включающее в себя много видовых оттенков. Имелся в виду весь спектр непротивленчества, или, как, пользуясь терминологией Ильина, правильно отметил в свое время Р. М. Зиле, «явные и еще чаще неявные, 'соблазнительно-скрытые

непротивленцы, полу-непротивленцы и не-то-что-непротивленцы — но-и-не-то-что-противленцы', обычно левой формации» («Наши задачи», II, 651).

2) В полемике приняли участие видные представители русской философии, науки, критики и общественности. Но полемика с самого начала пошла по линии не столько религиозно-философской, сколько политической. Во всяком случае, политика и идеология сильно примешались к философии и религии. Отчасти в этом «виноват» был сам Ильин, который был не только философом и ученым, но и публицистом и оратором. Противники его были виноваты, однако, уже по-настоящему: они не подождали выхода его философского исследования, а когда оно вышло в свет, то или вообще не потрудились его прочесть или прочли предвзято и поверхностно — и судили часто не о книге и ее философских идеях, а о публицистических выступлениях и политических взглядах автора, нередко эти взгляды искажая и иногда прибегая даже к прямой инсинуации. Критика была не на уровне книги, против которой была направлена.

3) Своим оппонентам из большевистского лагеря (Ильину была известна лишь статья Михаила Кольцова) Ильин не считал нужным отвечать. Но он по существу, конкретно и исчерпывающе ответил и республиканско-демократическому лагерю в лице милюковца И. П. Демидова, и религиозно-философскому лагерю в лице Н. А. Бердяева. В своих ответах — а еще больше в своей книге — Ильин, как это отметил П. Б. Струве, смог в точной форме поставить, до конца продумать и в определенном христианском смысле разрешить основную и роковую для христианского сознания проблему противления злу силой. Еще большее значение, чем поддержка таких выдающихся светских мыслителей, как П. Б. Струве и Н. О. Лосский, имела в этом религиозном вопросе поддержка (хотя, по понятным причинам, и не публичная) таких иерархов русской православной церкви, как выдающийся богослов митрополит Антоний, архиепископ (митрополит) Анастасий и епископ Тихон — который, как мы знаем, признал учение Ильина истиной, в течение веков существовавшей в православии в *чувстве* и в *воле*, но впервые выговоренной *разумом* и *доказанной*.

4) При всех ее недостатках, полемика вокруг идей Ильина о сопротивлении злу силой — значительный эпизод в истории русской мысли и русского Зарубежья. Что же касается книги Ильина, давно уже ставшей библиографической редкостью, но теперь выходящей вторым изданием¹⁵, то можно с уверенностью сказать, что к ней будет обращаться еще не одно поколение русской интеллигенции. И это тем более, что книга Ильина учительна и водительна не для одних только русских. Ибо проблема, которой книга посвящена, относится к разряду «проклятых» или «вечных», а решение проблемы принадлежит одному из самых религиозно, философски и научно компетентных и ответственных мыслителей XX века.

¹⁵ Второе издание этой книги проф. Ильина оказалось возможным благодаря поддержке издательства «Заря» и его директора С. А. Зауера, а также друзей и единомышленников покойного мыслителя. Всем им приношу мою искреннюю благодарность.

Текст настоящей брошюры печатается одновременно в качестве приложения ко второму изданию книги проф. Ильина.

ФИЛОСОФИЯ ФАШИСТСКОЙ СИЛЫ

Сила всегда правила, с того самого дня, когда грех вошёл в мир, и она будет править до тех пор, пока не возвратится Сам Христос.

К.Макинтайр

Ядовитый А.Невзоров, в одной из своих «телег», даёт как бы определение философии Ильина: **«забавный коктейль из гитлеровщины и русского расизма»**... На строго-научную дефиницию се, конечно, «не тянет», но будучи порождением специфической невзоровской публицистической ядовитой «образности», некую «истинность» в себе несёт. **Философия Ильина есть Философия Силы.** Фашистской Силы, ибо «Фашизм» в дискурсе Ильина есть **«Волевая Идея»**. Ильинское прочтение триединой формулы Русской Идеи (Православие-Самодержавие-Народность), оставляя каждый элемент Триады на «своём месте», добавляет к ним предикат: «волевой». **Волевой Национализм. Волевой Монархизм. Волевое Христианство.** «Переключка» с «гитлеровщиной» налицо: «Человек, любящий свой народ, должен иметь священную обязанность в рамках своего вероучения не только говорить про волю Божию, но и исполнять её, не допуская безчестия дела Божия. Ибо воля Божия была в том, чтобы дать людям их внешнюю форму, их природу и их способности. Тот, кто разрушает творение Бога, таким образом борется с божественным делом, божественной волей» (АГ). «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека... Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает всё Божественное... любовно сочувствовать одержимым растлителям душ», дополняет тезис «гитлеровщины» проф. Ильин...

Сказанное отнюдь не отменяет того, что **«исходным пунктом» философии Фашистской Силы является – Любовь...** Ведь Любовь может быть и суровой и требовательной. Не размягчённой, а твёрдой. Не «разслабленной», а сильной. Не безвольно-пассивной, а активно-волевой. Много говорилось о том, что концепцию Ильина (особливо его трактат «О сопротивлении злу силой») разделя-

ли и поддерживали все мало-мальски значительные иерархи За-
рубежной Церкви. В том числе её основатель – митр. Антоний
(Храповицкий). Приведём красноречивое свидетельство «второго
поколения» зарубежных архипастырей:

«Христианство есть действительно религия любви. Но эта хри-
стианская любовь ничего не имеет общего со слезливой сентимен-
тальной земной любовью, как понимает её большинство людей,
живущих вне благодати Божией. Христианство есть религия люб-
ви истинной, неразлучно связанной с Божественной Истиной Хри-
стова учения. А земная любовь, в её обычном понимании, так же
далеко отстоит от этой истинной любви, как земля от неба. Хри-
стианская любовь духовна и даётся лишь при содействии благода-
ти Божией, а земная любовь – чувство душевное и даже плотское.
Она – от повреждённого грехом естества человеческого. Вот поче-
му так ярко и сильно учивший о любви апостол любви увещевает
христиан: «Не любите мира, ни того, что в мире». Мало того: «Кто
любит мир, в том нет любви Отчей» (Ин. 1, 15). Не менее сильно
и решительно говорит об этом и святой апостол Иаков, брат Го-
сподень: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба
с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом
миру, тот становится врагом Богу» (Иаков. 4, 4). И это потому, что
«весь мир лежит во зле» (1 Иоан. 5, 19). Не ясно ли отсюда, что ис-
тинно христианская любовь не может простирается на всех и на
всё, без всякого разбора? Что она есть, прежде всего, любовь к
Богу и к тому, на чем лежит печать Божественной Истины, но не к
тому, что погрязает в богопротивной лжи? Мы, христиане, любя-
щие Бога и принесённую Христом Спасителем от Бога Отца Боже-
ственную Истину, тем самым не можем любить тех, кто восстаёт
против Бога и попирает Его Божественную Истину. Об этом ясно
и определённо учит Слово Божие. Сам апостол любви делает раз-
личие между «детьми Божиими» и «детьми диавола» и предосте-
регает нас от «антихристов», которые появились уже в его время,
как предтечи имеющего придти пред кончиною мира одного глав-
ного Антихриста. Он не учит нас о любви к ним, говоря, что «они
вышли от нас, но не были наши» (1 Иоан. 2, 19) и что мы не долж-
ны «всякому духу верить, но испытывать духов, от Бога ли они,

потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Иоан. 4, 1)» (Архиепископ Аверкий (Таушев)).

Одним из основных «предметов критики» проф. И.Ильина в его вышепомянутом наиболее знаменитом трактате, является Лев Толстой и его лже-учение, «толстовство»... «В ответ на заповедь Толстого «не противься злу силой» Ильин выдвигает максиму «противиться злу из любви» и разъясняет её: «...из любви отдавая всё своё, где это нужно; из любви понуждая и пресекая, где нужно; из любви уговаривая и из любви казня, и из любви не отдавай ничего своего, если это «твое» есть больше, чем твоё, если оно есть в то же время – Божие: святыня, церковь, родина...». Ильин жёстко критикует Толстого за то, что он называл защитников Родины такими же убийцами, как и обычных бандитов: *«Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и за-калаемый им дракон»*... Основное отличие в отношении к войне толстовца и христианина можно выразить так: толстовец осуждает войну и в ней не участвует, христианин также осуждает войну, но в ней участвует, добываясь тем самым, чтобы война не уничтожила ни христиан, ни толстовцев, ни кого-либо другого» (А.Скворцов, «Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века»).

Казалось бы, тезисы Ивана Ильина настолько убедительны и *очевидны* («очевидность», одно из излюбленнейших ильинских слов), что не вполне понятно, как можно сие «оспаривать». Как можно, образно говоря, не только признавать «равноправность» св. Георгия и Дракона, но и становиться «на сторону» Дракона, а не Святого-Змееборца? Однако, *опыт показывает*, что очень «даже можно». Причём, сторону Героя-Драконоборца преимущественно склонны занимать носители арийской крови, а сторону Дракона – евразийские метисы. Оппоненты Ильина довольно часто апеллировали к его наполовину германскому происхождению. Ежели отбросить все пристрастности и преувеличения, то факт влияния германской крови на философствование Ильина надлежит принять и должным образом понять. Ибо *Кровь определяет мировоззрение*. В сей связи преполоздно всмотреться в «фактор крови» у Л.Н.Толстого.

«МАТЁРЫЙ ЧЕЛОВЕЧИЩЕ» (ВЗГЛЯД ЧЕРЕПОМЕРА)

Толстой Лев Николаевич – русский писатель и мыслитель. Принимал участие в обороне Севастополя во время Крымской войны (1854-55), а также стал основоположником религиозно-морального течения – толстовства. Был четырежды номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Этническое происхождение: Украинское, литовское, немецкое, татарское, вероятно монгольское.

Цефальный индекс: Мезоцефалия ($\approx 76,8$)

Высотный индекс: Гипсикрания ($\approx 75,5$)

Лицевой индекс: Юрипросопия ($\approx 82,8$)

Носовой индекс: Мезориния ($\approx 76,1$)

Форма спинки носа: Прямая

Высота лба: Средняя ($\approx 34\%$ от общей высоты лица)

Форма лба: Слабо наклонённый

Наклон глазной щели: Горизонтальный

Скулы: Широкие

Челюсть: Широкая

Вертикальное профилирование: Альвеолярный прогнатизм

Подбородок: Слабо выраженный

Форма затылка: Выпуклая

Цвет глаз: Светлый оттенок, №9 по шкале Бунака

Посадка глаз: Глубокая

Цвет кожи: ≈ 12 по шкале Лушана

Толщина губ: Тонкие

Строение тела: Мезоморфное

Рост: Высокий (180 см)

Расовый тип: Айнуид со восточнонордическим влиянием

Расолог барон Эгон Фрайгерр фон Эйкштедт (Egon Freiherr von Eickstedt) об айнуидах: «Несомненно, речь идёт об отдельной ветви европеоидов, а не обломке одной из европейских расовых групп, ведь айны не имеют прямой похожести ни с одной другой европейской расой. Они являются более примитивными, нежели любая другая европейская раса, включительно с лаппидами. Тем не менее, связь не является полностью отсутствующей. К примеру, среди крестьян на землях России присутствуют представители

типа айнуидов, что имеют более менее выраженные характерные для айнов примитивные черты в структуре волос, строении лица и форме носа, однако айнуидные элементы проявляются также и в высших (то есть культуруносящих) прослойках общества в восточноевропейском пространстве, где по обыкновению преобладают нордические и туранские элементы. Классическим примером такого расового типажа является граф Толстой. Показательно здесь то, что подобные объединения типов наблюдаются как в дальневосточных, так и в ближневосточных пограничных и переходных расах европеоидов. Границу между ними образуют распространённые среди народов Сибири айнуидные типы» (Из работы фон Экштедта «Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit» («Расоведение и расовая история человечества»). Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1934).

Почитаешь эдакое, да и невольно почешешь репу: а ведь, бляхмуха, прав ещё один выдающийся «Монгол» в русской истории – *неслучайно означенный граф стал «зеркалом русской революции»* (ВИЛ).

В Евангелии содержится эпизод об исцелении Христом Спасителем некоего «разслабленного» (Ин. 5, 1-15), память сего Христова чуда вошла и в литургический цикл Православия, как «Неделя о Разслабленном», отмечающаяся в четвёртую неделю по Пасхе... Воспоминая Евангельского «разслабленного» небезуместно припомнить знаменитые слова К.П.Победоносцева из письма к Лёвке Толстому: *«Мой Христос – не ваш Христос... Своего я знаю Мужем Силы, исцеляющим разслабленных, а в вашем мне увиделись черты разслабленного, нуждающегося в исцелении»*... Сказано так, что впору «вырезать» сие на каменных скрижалях... Наш Христос – именно таков, Он – Муж Силы... «Разслабленный» в Евангельском событии обозначает собою человеческое естество, повреждённое «грехом», пребывающее в нездоровом состоянии, в «разслаблении»... На вопрос Спасителя: «хощеши ли цел быти», человеческая природа отвечает: *«Человека не имам»* (Ин. 5, 6-7). Вся «терминология» здесь исключительно точна: выздоровление для нашего «разслабленного» естества означает вновь «стать целым», *исцелиться – значит стать Человеком*

Целым... Для «человека перстного» (1Кор. 15, 47) чаемое исцеление означает воссоединение с **«Человеком Небесным»**, Койй есть Вышняя Сила, **«Господь с неба»** (1Кор. 15, 47). Лишь Сею Силою паки возставляется Целым наше человеческое естество, без «причастия» оной Силе оно обречено остаться «разслабленным»... Состояние «разслабленности» се всеобщий удел человеков... Все в той или иной мере «разслаблены». Но не все «желают целы быти», не все «имуть Человека»... Истинные Христиане желают «быти целы» и они, в отличие от Евангельского и толстовского «разслабленного», имеют дерзновение заявить: **«имамы Человека»!** Да пребудет с нами Сила Его!... «Идем же, и поведем неверным новейшим «июдеом», зовомы ль они «толстовцы» или как иначе, яко Иисус есть, иже ны сотвори целы» (ср. Ин. 5, 15). Поведим о сем и «Верным» Иисусовым, наипаче ежели зовомы они «Фашистами». Ибо «Верность» есть двойная добродетель: **добродетель «римской расы» и рода Христианского**. Римская верность (Fides), по слову Тита Ливия, есть то, что отличает Римлянина от Варвара. А первоначальное самоназвание «учеников Иисусовых» было даже не «Христиане», а «Верные»... Философия Ильина, сказано, есть «коктейль из гитлеровщины и русского расизма»... Но в русскоязычной среде далеко **не все «обладают расой»**. Гитлерианцы и граждане «Третьего Рима», понимаемые по-ильински, - обладают. Примечательно, что «это» понимал (но не желал принимать!) и Карлушка Маркс: «Представители «белой расы» се своего рода боги среди остальных людей и, разумеется, «благородные» семьи среди «белой расы», в свою очередь, составляют самый цвет этих избранных» (ПСС, т. 32, стр. 546). Ну, «разумеется», это так. Очевидно, так (как бы не негодовали марксята). **«Путь к сей Очевидности»** указывает нам Философия Фашистской Силы философа Белой Идеи, Германо-Руса Ивана Ильина...

ВЕРА И ВОЛЯ

В современном словоупотреблении «вера» чаще всего не ассоциируется с волевым началом. «Верить» чаще всего означает пассивно «признавать» существование «Высшего Существа» (Бога), и пассивно же «претерпевать» то, что оному «Высшему Существу» заблагоразсудится над «верующим» учинить... «Верующий» это тот, кто «терпит», «смиряется», «уничижается» и т.п., временами униженно что-то «клянчит» у Бога, но практически никогда – тот, кто активно действует, прилагает некие волевые усилия для утверждения своей Веры... Всё активное, целеустремлённое, процветающее, успешное в современном мире – вне круга «верующих». Исключение, пожалуй, составляют лишь чиновники да воры (чаще всего это одни и те же персоны). Но «вера» чинуш – весьма специфична: сегодня все «начальнички» выстаивают со свечками службу в православном храме, а завтра, ежели изменится «линия» партии власти – столь же дружно кверху жопами будут «молиться» в мечети... Остаются «братки»: они, вестимо, «покрепче-в-вере» будут и довольно пассионарны и активны – но для вселенского «Торжества Православия» сего как-то «маловато»... Меж тем, как в минувшие века дело обстояло совершенно иначе. О семантике слова «вера» в до-современном мире весьма точно высказался один англиканский автор: «Наше слово «верить» не имеет той силы, которой оно обладает в греческом языке. На самом деле оно означает вверить себя чему-то, рискнуть своей жизнью» (д-р Джон Винсент). Т.е. «просто» вера, не подкреплённая волевым импульсом, направленным на реализацию оной, мало того, что «не имеет силы», но вырождается в «пустой звук». Возьмём в рассмотрение такую «эпоху Веры», как Средние Века – все тогда «были верующими», но таких «верующих», как сегодня, тогда практически не наблюдалось. Все Христиане Средневековья – что люди войны, что люди молитвы, люди торговли, люди ремёсел и т.д. – все чрезвычайно активны и деятельны... Конечно, попрошайки и нищелюбы водились и тогда, но они, во-первых, занимали маргинальное положение в социальной иерархии, а во-вторых, не претендовали на то, чтобы быть репрезентантами преобладающего типа «верующих»... Нынешняя

ситуация с «верой» и «верующими» строго обратна Традиционной и попросту «нормальной»... Ergo: одной «веры» мало – необходима ещё «воля». Воля к тому, чтобы изменился «образ Веры» - с современного на традиционный, нормальный и Евангельский, ибо Евангелие утверждает, что только лишь «употребляющий усилие» восхитит Царство Небесное (Мф. 11, 12). И воля к тому, чтобы изменился тип «верующего»: из безсильного и безвольного терпилы и раба («раба» чаще всего не «Божия», а обстоятельств и человек!) в мужа Силы и Воли, друга и воина Дружины Христовой (Ин. 15, 15).

Игорь Лавриненко

МЫ - ПРОТИВ ВОЙНЫ

Русские патриоты-националисты уже изрядно напугали т.н. общественность своими призывами к войне и общей воинственности. Ныне русский патриот предстаёт в образе красно-коричневого ландскнехта с патологическим устремлением к своей смерти и желанием смерти всем окружающим несогласным с ним людям. Но этот образ не верен, как не верен образ Христа-разбойника. Но как Иисус был причтён к злодеям, так и русским патриотам, видимо, не избежать этого причтения.

Однако, на самом деле во всей России не найдётся никого, кто более чем русские патриоты-националисты был бы достоин звания миротворцев, ибо русские патриоты более чем чего-либо другого желают мира.

Мы - против войны!

Мы - против той необъявленной войны, которая давно уже идёт против русского народа.

Мы - против войны в Чечне, где гибнет цвет русской нации. Эта линия фронта проходит через сердце каждой русской матери.

Мы - против политической войны, которая привела к развалу великой русской державы, выбросила миллионы русских людей за новые границы России и ныне продолжает вести некогда русское государство к дальнейшей раздробленности.

Мы - против экономической войны, которую ведёт жидовское племя при помощи принятия выгодных для него и прогневшего Запада решений, и которое привело к подрыву российской экономики, к массовой безработице среди рабочих.

Мы - против войны, которую объявили русским крестьянам кавказские торгаши. Каждый рынок России - это раздавленные мозолистые ладони русских крестьян.

Мы - против финансовой войны, которую ведут еврейские банкиры, обворовывая русский народ. Пустые карманы русских людей - их достижение.

Мы - против той религиозной войны, которая спровоцирована демонизированным Западом, засылающим в Россию легионы сектантов жидо-протестантского и кришно-буддийского образца, отрывающих русский народ от родной Православной Церкви.

Мы - против войны, которую ведёт Российская ассоциация планирования семьи, обучающая детей и взрослых “безопасному сексу”, взячески добиваясь сокращения рождаемости русских людей.

Мы - против войны, которую ведут прожидовленные средства массовой информации, поставившие своей целью развращение и оболванивание русского народа.

Мы - против всех войн, которые ведутся против великой русской нации.

Мы - против дробления русской нации на классы-антагонисты, предлагаемое коммунистами. Мы - за мир и единение всех классов и сословий русской нации.

Мы - против деления русской нации на партии, навязанное нам демократами. Мы - за мир и единение русской нации во всех сферах жизни, которая не может и не должна действовать раздробленными частями, а только единым целым и на благо всего русского государства.

А война... Война нам не нужна. Вот только без боя нам, Русским, никто власть не отдаст.

ВОЙНА!

Война и политика служат выживанию народа, война есть высшее выражение народной воли к жизни. Поэтому политика должна служить ведению войны... Подобно тому, как мы не можем избежать смерти, мы не в состоянии избежать и войны. Это судьба всего живого.

Э.Людендорф. «Тотальная война», 1935

У группы «Гражданская Оборона» на альбоме 1988 г. «Война» была одноименная песня:

Мир или война?

Мир или война?

Мир или война?

Мир или война?

Война!

Бог или Смерть?

Бог или Смерть?

Бог или Смерть?

Бог или Смерть?

Смерть!

Любовь или страх?

Любовь или страх?

Любовь или страх?

Любовь или страх?

Страх!

Свобода или плеть?

Свобода или плеть?

Свобода или плеть?

Свобода или плеть?

Плеть!

...Конечно, мы не собираемся «вторгаться» в творчество чьё бы то ни было (тем паче, почитаемого нами Егора Летова), но «чисто гипотетически», на наш вкус, мы бы «поменяли местами» Плеть и Свободу, Страх и Любовь, Смерть и Бога, а вот «Войну» оставили

бы на своём месте... Известная формула Клаузевица «Война есть продолжение политики другими средствами», верна, но она будет ещё более верной, ежели прочесть её «наоборот». Политика – есть продолжение Войны. И не только политика, но и экономика, культура, религия... ибо Война имеет касательство ко всему и проявляется во всём. В этом мире (доколе он не преобразится в Царство Божие) всё происходит «под знаком Войны»...

Дабы наши утверждения сделать более наглядными, коснёмся кратко религиозного аспекта Войны. Применительно к Христианству, тезис Клаузевица мог бы звучать так: Христианство – есть перманентная война за Царство Божие, кое «силою берётся» (Мф. 11, 12). Псевдохристианский пацифизм, помимо прочего, вреден тем, что отдаёт сферы применения силы на поругание злу. Если культуру войны не просвечивает свет Евангелия, в ней устанавливают своё тираническое господство ненависть, злоба, жестокость, недостаток идеалов, которые поднимают человеческий дух. Даже в мирное время армия может стать питомником пороков, которые воспринимаются как что-то вполне нормальное. И их случается хвалить! Армия нуждается в мужских качествах. Но, если военные не воспитываются в духе высоких этических требований, сии качества приобретают извращённые формы. Возвышение порока до статуса нормы и даже подвига, бранное слово, нахождение идеала в хамстве – все эти чрезвычайно инфантильные вещи начинают изображаться как что-то такое, что является мерилom “истинного мужчины”.

Эта проблема не является новой. Как не является новым и призыв отвергнуть ошибочные представления и понять, что воинская служба не противоречит следованию путём этического и духовного совершенства. Ещё у св. Иоанна Златоустого читаем: «Ты выставляешь поводом (для избежания христианского жития) воинскую службу и говоришь: “Я воин и не могу быть набожным”. А разве Сотник не был воином? А он говорит Исусу: “Я недостойн, чтобы Ты пришёл в мой дом, скажи только слово, и выздоровеет мой слуга!”. И, удивившись, Иисус говорит: «Истинно говорю вам: даже среди всей Палестины, я не нашёл столь большой веры». Разве воинская служба послужила для него препятствием?». Воин призван к святости как и любой другой человек. Чуть выше Златоуст пишет:

“Говорю это, чтобы никто не выставлял поводом ни жены, ни детей, ни воинской службы, ни торговли, ни рабства, ни богатства, ни убогости. Это - отговорки, это - коварные рассказы дьявола”.

Существует популярное выражение о том, что на войне атеистов не бывает. Однако религиозность войны сегодня часто концентрируется на образе Бога-официанта, которого удобно вызывать в случае необходимости, но который не является центром жизни, не является предметом служения и поклонения. Бога можно просить уберечь от ранения, плена и смерти. А вот видеть в собственной воинской службе способа поклонения Ему не принято. А в этом-то и состоит суть «светлого и святого дела Войны» (Н.Гумилёв). У одного из клириков Катакомбной Церкви (можно сказать, из нынешних «святых отцов») в эссе «Священная Война» был несколько дерзновенный парафраз Евхаристической молитвы: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире и в войне приносить!» (см. подр.: Arthos. **Священная война. Что означает быть Правым.** М.-Рим, 2023 (Studiis Evoliani Russicum, т. 7. fontes additiones)).

Маркс назвал революции «локомотивами истории». С не меньшим основанием так можно назвать и войны (к тому же «войны и революции» связаны меж собою множеством факторов). А ещё Война может быть названа «ключом» к переходу в Новую Эпоху, Новый Эон. Не только Россия, или там Украина, но и мир в целом находится ныне в пространстве «интеррегнума» меж старым порядком (кой повсюду переживает жестокий кризис) и Новым Порядком, коему ещё предстоит сложиться в процессе «конвергенции катастроф» (Г.Фай). Отечественный геополитик полк. В.Петров в содержательной работе «К проблеме Русской субъектности и государственности» (2023) делает важный и верный вывод: «Начальный инструмент, условие и способ реализации проекта Северной Белой цивилизации это ВОЙНА! Причём совершенно необязательно вооружённая, кровавая, ракетно-ядерная... Война одно из важнейших состояний экзистенции человечества. Война активно навязывается мировой закулисой в собственных целях установления НМП и по своим правилам игры. Поэтому у нас должны быть свои цели, императивы и правила издревле присущие европейским и другим белым христианским народам всех континентов. Зада-

ча условиями своей, гибридной или как пойдёт, войны превратить насаждаемый Хаос в кристаллизацию Русской государственности, деокупацию Руси-России, Белой Евроатлантики, в конечном итоге, ликвидировать зловещие силы закулисного мирового управления чёрной/серой расы с сатанинско-инфернальной генетикой».

Приведём для «полноты» картины восприятие Войны как «ключача к Новому Эону» со стороны украинских Правых. Андрей Билецкий (он же «Белый Вождь») с пафосом (на наш взгляд, оправданным) провозглашает: «Наше новое понимание национальной идеи требует от нас полнейшей преданности и жертвенности. Мы создаём новую жизнь, новый порядок, нового украинского человека для Новой Украины. Мы традиционалисты в традиции и вере, мы прогрессисты в борьбе и науке. Наш образ - не фетиш, наши идеи - истинная жизнь. Патриот Украины - наш абсолют человека-воина, человека-рабочего, человека-вождя. С началом Золотой Зари началось пробуждение людей. Разрушаются последние опоры современной политической системы. «Святая» вера в демократию и либерализм умерла и уже начинает источать трупный смрад. Политическая система вместе с общечеловеческими ценностями умирает быстрее, чем можно было себе представить. Мы - счастливое поколение! Нам выпала возможность жить на переломе эпох, нам суждено быть убийцами старой и затхлой системы, и родителями Нового Порядка! Мы можем ныне строить мир по собственному усмотрению, согласно нашим убеждениям и нашей вере. А наша Вера-Свята, наши Идеи-безсмертны! Наши золотые знамёна - предвестники нового справедливого мира. Чёрный Тризуб на золоте знамён - символ Матери Земли, Матери нашей Нации, которая установит новый порядок и будет жить вечно! Здесь и сейчас начинается новый век – Золотой Век! Здесь и сейчас начинается новое государство! Здесь и сейчас начинается новая империя! Здесь и сейчас начинается новая война! Здесь и сейчас начинается новый мир! Здесь и сейчас начинается новый мир! Здесь и сейчас начинается новая вера! Здесь и сейчас начинается новая революция! Здесь и сейчас начинается новая власть!».

Пафос вышепомещённой декларации, конечно, существенно девальвируется тем, что возможности государства Украина вести войну полностью зависят от финансовой и военной помощи За-

пада. Соответственно, и при фиксации «результатов войны» (Победа? Поражение? Перемирие?) решающий голос будет принадлежать «коллективному Западу». И уж подавно, вряд ли Запад заинтересован в «нациократической» Украине... Но, как бы то ни было, в историческую полосу «военных действий» Украинское Национальное Движение вошло как довольно многочисленная и организованная сила. Оно получило в руки оружие. Его соратники прошли хороший «вишкіл» в боевых условиях. Т.о. на Украине имеются в наличии многочисленные «arditi», готовые у разі чого к «походу на Киев». Понятно, что нынче ненависть к «кацапам» зашкаливает, но как знать — энное количество лет спустя, возможно, украинским и русским ультраправым суждено оказаться «в одном окопе»...

Применительно к Русскому движению в России (понимать ли под этим его «останки» или «эмбрионы» Будущего) однозначно можно сказать, что это «не его война». Да, множество людей «поддержали» в руках оружие, прошли чрез боевые действия, но безо всякой «идейной мотивации»... Что-то на уровне «намёка» было в «Вагнере», но как показали недавние события, основная мотивация всё таки была материальной, а не идейной. Поэтому, применительно к Руси-России стоит сделать (по крайней мере «пока»!) больший акцент на том, что Война не обязательно «вооружённая, кровавая, ракетно-ядерная»... В окопы «вооружённо-кровавой» войны превесьма желательно, что б попадали уже идейно-«подкованные» бойцы. Хотя, скажем, есть любопытное утверждение Н.Бердяева: «В «Бхагават-гите» откровение происходит во время боя. Во время боя можно решать последние проблемы о Боге и смысле жизни, но трудно заниматься гносеологам анализом. И в наше время мысль работает во время боя» («Предсмертные мысли Фауста»). Сам Бердяев, напомним, в «окопах» не сиживал, и в боях не участвовал. В «бою», действительно, можно получить «откровение», но выработать цельное міровоззрение или же геополитическую модель там затруднительно... Посему, то время, кое «отпущено нам» (ежели оно, конечно, отпущено) крайне желательно потратить на то, чтобы «в бой» шли бойцы с надлежащей идейно-политической подготовкой...

Мы согласны с тем, что желаемый «для нас» Новый Порядок, на выходе из «интеррегнума», должен быть порядком Белой Цивилизации Севера. Примечательно, что близкий проект был выдвинут выдающимся отечественным геополитиком (ныне покойным) Вадимом Цимбурским в далёком 1991 году в работе «Генотип европейской цивилизации» (Полис №1'991). Тогда был ещё Горби, отношения с Западом были распрекрасными, какие-то либеральные и «демократические» иллюзии ещё не развеялись, поэтому, у Цимбурского речь шла о «демократическом кольце стран Севера», призванном сковать хаотизирующийся мир союзом России, США, Европы и Японии. Впоследствии, Цимбурский перешёл на своеобразные «евразийские» позиции (отличные, правда, от «евразийской» модели А.Дугина), но это «уже совсем другая история»... Тем не менее, идея геополитического «кольца стран Севера» с тех пор стала лишь императивнее... Конечно, для её реализации существенные трансформации должны претерпеть все вышеназванные «страны Севера», не только Россия... Но – над этим стоит работать, за это – стоит побороться. Ибо устрашающей альтернативой Северному Порядку может быть лишь «южный», цветной хаос, в который на наших глазах всё стремительнее погружается некогда Белый, Христианский мир... Это – та самая «слизь, подлая слякоть», в кою «проваливается мир без войны», по образному речению из «Дневника Писателя» Ф.М.Достоевского.

Мир или война?

Мир или война?

Мир или война?

Мир или война?

Война!

ПОСЛАНИЕ

Смиренного АМВРОСИЯ, Архиепископа Готфского и всех Северных Земель Русской Катакомбной Церкви Истинных Православных Христиан в заключениях сущим

Благодать Господа нашего Иисуса Христа буди со всеми Вами
всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь!
Мир Вам!

Ко мне обратились с одними и теми же вопрошениями разные по положению, но одинаковые по искренности, люди, отчего я составил сие Послание, дабы ни у кого не оставалось недоумений по существующим неясностям, а также имелось подтверждение нашей правдивости.

Как мне указывали, – многим необходимо более подробное объяснение моего прежнего (от июня 1999 г.) духовного напутствия верным истинно-православным христианам. Исполняю сие желание. Итак, я писал: *“отрицайтесь внешних, отменяйте ублюдков, презирайте еретиков и иноверцев, искореняйте предателей; приготовляйте вещественное оружие, забирайте деньги, убивайте врагов Божиих, – в общем продолжайте Священную Войну со злом и его носителями...”*. Толкование: **“отрицайтесь внешних”** – “внешними” Библия зовет всех нехристей и отъятых из церковной среды и ап.Павел по сему вопросу дает прямое указание: *“внешним же Бог судит, и измете злаго от вас самех”* (1 Кор.5:13); **“отменяйте ублюдков”** – “ублюдок” есть во-первых рожденный вне библейских нравственных норм, кой не может войти в общество Господне (Втор.23:2), во-вторых есть извращенец или нравственно опустившийся; **“презирайте еретиков и иноверцев”** – по словам царя Соломона развращенный сердцем будет в презрении (Пр.12:8), а мы знаем, что еретики и иноверцы имеют развращенное демоном сердце, более того, – по словам же св.императора Иустиниана Великого их следует даже не презирать, а *ненавидеть* (Novella XLV Praef.), но мы проявляем к ним милость; **“искореняйте предате-**

лей” – ап.Павел упоминает, что многие люди станут предателями, и призывает: *“и сих отвращайся”* (2 Тим.3:4-5), а искоренять вероломных (т.е. предателей) нас научает Премудрый (Пр.2:22); **“приготовляйте вещественное оружие”** – по слову Самого Христа сами свв.апостолы носили **мечи**, ибо им заповедано: *“продай одежду и купи меч”* (Лк.22:36), например, ап.Петр таким мечем отсек ухо рабу Малху, когда арестовывали Христа (Лк.22:49-50; Ин.18:26); **“забирайте деньги”** – по указанию Самого Бога народу Божьему было предписано взять (в качестве компенсации за страдания в рабстве) всё, что можно было унести (Исх.3:21-22; 12:35-36); **“убивайте врагов Божиих”** – предписано во всей Библии (в отличии от личных врагов), например, *“возвеселится праведник, егда видит отмщение, руце омые свои в крови грешника”* (Пс.57:11); **“продолжайте Свящ.Войну со злом и его носителями”** – основное содержание всей священной истории Библии, ибо борьба между сынами света и сынами тьмы ведется от начала, и как нет ничего общего между светом и тьмой (2 Кор.6:14), так нет ничего общего между сынами света и сынами тьмы (Еф.5:6-13), а **христиане есть сыны света** (1 Фес.5:5), кои в конце истории и должны вступить с силами тьмы в сражение при Армагеддоне (Апок.16:16). Если человек может лично следовать моим напутствиям, – прекрасно. Но если не может по тем или иным причинам, то пусть даст помощь (пристанище, пищу, деньги и т.п.) тем, кто так действует.

Некоторые скептики и невежды на сие возражают, что ветхозаветные установления отменены Новым Заветом, ибо Сам Христос призывает “подставить щеку” и “возлюбить друг друга”, а не мстить (Мф.5:38,43-44). На сие отвечаю, что всякий отвергающий Ветхий Завет – еретик и проклят, ибо всё, что Он заменяет, Христос перечисляет, например, кровавую жертву на безкровную, обрезание на Крещение и т.д. Однако, всё остальное сохраняется в силе, более того, – христиане есть Новый Израиль (Гал.6:16) и по-сему всё непрерывно продолжается от Ветхого Израиля, как, например, Заповеди. Но 10 Заповедей, объявленные на Синае прор. Мойсею, даны не всему человечеству, а исключительно народу Божьему, – т.е. **нам**, – на внешних же они не распространяются и потому выполняться не могут. Христос, призывая Своих учеников *“аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и дру-*

гую” (Мф.5:39; Лк.6:29), Сам первый же исполняет ее *так*, как сие должны делать и мы: когда Иисуса приводят на несправедный суд Кайафы, то Его тотчас ударили по щеке, на что Спаситель отвечал: *“аще зле глаголах, свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя биеши”* (Ин.18:23), – т.е. Он тотчас *обличает*. Смысл исполнения слов Спасителя таков: когда свои же нас бьют за дело, то мы должны подставить и левую щеку, но если сие несправедливо, то следует (по меньшей мере) обличить, а всем внешним на их нападения необходимо ответить с возмездием, ибо сие обетовано: *“доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крове наша от живущих на земли”* (Апок.6:10). И, конечно, даже подставляя свою щеку, мы не можем подставлять щеку нашего ближнего, ибо наш *личный* выбор может не быть выбором близких. Никакого непротивленчества быть не может даже в принципе; так непротивление можно рассматривать в личном аспекте, как **самоубийство**, а в метафизическом еще ужаснее – оно становится **непротивлением злу**, что по существу является дьявольским учением. Мы должны иметь смирение перед Богом и Его праведниками, но не перед разными людьми, и уж во всяком случае не перед злом.

Несколько слов о так называемых **“понятиях”**, принятых в “криминальной” среде. С прискорбием надо констатировать, что ныне они не обладают той силой, как прежде. А возникновение их таково. В 1920-е г.г. “уголовные” преступники считались большевиками “социально-близкими”, но сидели они в одних и тех же концлагерях с “бывшими” и религиозниками. От последних, точнее, от непримиримых истинно-православных христиан (И.П.Х.) и были почерпнуты сии, вполне оформившиеся, “понятия”, ибо они имели в себе чисто библейскую подоснову. По сим “понятиям” ИПХ старались жить всегда, отчего их авторитет среди других заключенных страдальцев был весьма высок. Изменения произошли в 1940-60-е г.г., во время так называемой “войны сук и воров”. Тогда ИПХ полностью стояли на стороне “воров” и потому истреблялись лагерной администрацией. Когда большинство *настоящих* “воров” было уничтожено, то сильнейшее давление в концлагерях оказали и на ИПХ. Но, выжившие в те суровые годы, “воры” не только были часто укрываемы в тайных общинах, но и навсегда оставались прихожанами Катакомбной Церкви ИПХ.

(Кстати, необходимо напомнить, что по церковно-славянски **ворь** обозначает **разбойника**, а те, кого теперь называют в обиходе **ворами**, есть **тати**.)

Как тогда, так и сейчас для находящихся в узах открыт вход в Церковь Христову. Сам Христос-Спаситель обетовал *благоразумному разбойнику* Дисме: “*аминь, глаголю тебе, днесь со Мною будеши в раи*” (Лк.23:43). По усердной молитве разбойника пред иконою Божьей Матери, Она отпустила ему грехи и даже икона, ныне весьма почитаемая, получила наименование “**Утоли моя печали**”. Если у Вас имеется вера в Бога, ревность в Его исповедании, твердое нравственное чувство и жажда покаяния, – то мы будем духовно помогать, как то делали многие годы. Освященный Собор 2000 г. даже решил учредить особое “Тюремное служение”, дабы все находящиеся в заключениях и пришедшие ко Христу, послужили Ему каждый на своем месте как может, а по выходу на волю не совратился на бесовские прельщения, но последовал бы далее путем Христовым, как то сделал прежде святой Дисма – благоразумный разбойник.

Да поможет Вам Бог!

13 (26) июня 2000 г.

Неделя Всех Святых

АМВРОСИЙ Архиепископ Готфский И.П.Х.

<https://russianorthodox.narod.ru/rusorth/archiv/3-zakl.html>

Р.С.: В первом Выпуске «Ильинского» Сборника была затронута тема: «Иван Ильин и Катакомбная Церковь». Вышеприведённый текст Обращения вл. А., а также и нижеследующий текст о.Р. можно рассматривать как некие опыты «рецепции Философии Силы» со стороны идеологов и клириков ИПХ.

БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

*Как можно меньше думай,
Как можно большей бей –
Обломком арматуры
Иль звеньями цепей.*

Сергей Яшин

Существует такая шутка: «битие определяет сознание», пародирующая философическое «бытие»... Но, поелику «в каждой шутке...» имеется нечто «большее-нежели-шутка», краткословно выскажемся о **«философии битья»**... «Бить иль не бить – вот в чём вопрос?». Сталкиваясь с явным, да ещё и агрессивным злом, ответ однозначен – **бить!** Виднейший Русский философ Иван Ильин, коему принадлежит нарочитый трактат с обоснованием «Сопротивления злу силой», набросал, между прочим, и тезисы к «философии битья». Ильин утверждает: «Тело человека не выше его души... И если неизбежно и допустимо, чтобы человек человеку выражал сочувствие, одобрение и приятие, то столь же неизбежно и допустимо, чтобы люди телесно передавали друг другу несочувствие, неодобрение и неприятие... И вот физическое воздействие может оказаться единственным духовно-точным и духовно искренним словом общения между людьми» («Путь к очевидности», 1957). Говоря проще, **«дать в морду»** может быть гораздо более **духовно-точно**, нежели «препираться о словах» (желательно лишь, «вдарить поточнее»). В «святые девяностые» знавали мы одного **«духовно-искреннего»** персонажа, кой одно время послушничал в Оптиной Пустыни. Воспроизведём его рассказ, претендующий, на наш взгляд, на приточный статус: «Еду в электричке, значить... И тут подкатывает какой-то голимый сектатор (в 90-е их было немерянно), типа «свидетель йоговы» и чёй-то лепит про свою «йогову»... Аз же со всем смирением отвечаю ему **по-оптински**: «ты чё, в морду хочешь – ну так и скажи!...»». Притча сия показывает, что у «бития» имеется не только философский, **но и богословский** коннотат... Покойный Гейдар Джемаль (видный идеолог «политического ислама») на одном из своих выступлений привёл следую-

ший хадис: «Каждый верующий должен противостоять злу рукой, если не может – словом, если не сможет и словом – хотя бы в своём сердце. Хотя это самая слабая степень веры». Самая «сильная», стало быть – это противостояние «рукой», *«битие»*... Из сказанного не следует, что «думать не надо», а только «бить»... Это значит лишь, что тех, кто «призван бить» заведомо больше, нежели тех, «кто призван думать». *Правильно «думать» способны далеко не все*... «За нас Фюрер думает», сия фраза тоже воспринимается как «шутка», но в ней – глубочайший смысл... Согласно концепции НС, помимо «Верховного Вождя»-Фюрера, в каждой области должен быть *свой «фюрер»*, обладающей в своей сфере полнотою власти, но и полнотой ответственности. В том числе – и в области философии. Так, подобным «führer der philosophie» воспринимал себя Мартин Хайдеггер, один из значительнейших философов XX века, связавший свою мысль и судьбу с НС-Движением. Имеет смысл привести несколько высказываний Хайдеггера в поддержку Führerprinzip... «Не позволяйте утверждениям и «идеям» быть правилами вашего бытия (Sein). Только фюрер является настоящей и будущей немецкой реальностью и её законом. Научитесь ещё глубже осознавать: отныне каждая вещь требует решения, а каждое действие – ответственности» («Немецкие студенты», речь, произнесённая 3 ноября 1933 года во Фрайбургском университете). В лекции «О сущности и концепции природы, истории и государства» Хайдеггер говорит, подразумевая «и себя в том числе под фюрером»: «...Происхождение всех политических действий не в знании, а в бытии. Каждый фюрер является фюрером, *должен быть фюрером*, в соответствии с отпечатком в его существе, и одновременно, в живом раскрытии своей истинной сущности, он понимает, думает и претворяет в жизнь то, что представляют собой народ и государство». В своём курсе по Гёльдерлину в 1934 году Хайдеггер утверждает: «Истинный и единственный фюрер делает своим существом знак в сторону области [берейх, империи] полубогов. Быть фюрером - это судьба ...», etc.

Итак, «существуют пассионарии тела и пассионарии ума. К сожалению, эти качества редко соединяются в одном человеке. Допустим, революционные кронштадтские матросы – пассионарии тела, а Ленин и Троцкий – пассионарии ума» (Г.Джемаль). «Джихадыч», он, конечно, «исламский троцкист» и вражина, но ежели

подставить в его сентенцию вместо «ленино-троцкого» Гитлера и Хайдеггера, а вместо ревматросов – штурмовиков, то «всё встанет на свои места»... *Пассионариям ума приличествует думать, а пассинариям тела – бить.* Но и «думать», и «бить» необходимо «правильно». Православно. По-оптински...

P.S.: Приводя примеры «рецепции Философии Силы» со стороны «катакомбников», дополним их ещё и выразительным примером ИПХ-поэзии (Николай Боголюбов):

СИМ ПОБЕДИШИ !

На земле и на Небе,
Наяву и во сне
Будем петь о Победе,
О Пасхальной весне!!
Тьма проносится мимо,
Как ни скалится дым,
Вертикаль негасима,
Горизонт неделím!
Под рубахой крестильной
Дышит вечный Рассвет!
Ты обязан быть сильным,
Просто выбора нет!
Просто жизнь — это бритва,
Кровью так запеклось —
Прорезается в битвах
Наша Белая кость!
Вековечный фундамент —
Огневой монолит.
Бесогонный орнамент —
Наш молитвенный щит.
Свят Господь Вседержитель,
Зарубите рубец —
Бог не только Спаситель,
Но ещё и Боец!
Это — Истина свыше,
На калёном мосту́
Только Сим Победиши!
Слава Спасу Христу!!

ЧЕСТЬ КАК ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Береги платье снову, а честь смолоду.

Русская пословица

Русский писатель-пророк Ф.М.Достоевский был прав, когда предрёк, что революционные «бесы» всего вернее соблазнят русский народ «правом на безчестье». Се – не единственная, конечно, причина погубившей Православную Царскую Русь революционной катастрофы, но и – онюдь «не последняя» в чреде «причин». «Ты готов пожертвовать жизнью ради чести... Будь готов пожертвовать честью ради спасения души», - так учил лукавый «падре» Хосемария Эскрива де Балагер, создатель «Опус Деи» (Борозда, п. 614). Не зря пыльные Фалангисты прозвали его детище «Опус Худеи» (в испанском се игра слов: «Опус Худеи» / «Жидовское дельце»). То, что для рыцарей-фалангистов Честь была одной из основных Христианских добродетелей, а для гишпанского «попа» - нет, в какой-то мере «норм». Добродетели у каждого «сословия» - свои, и то, что Честь для «святоши» пустой звук, - не столь уж «плохо», но «плохо» будет, ежели Рыцари «преклонят слух» к поповской проповеди «права-на-безчестье». В испанском случае сего не произошло, хвала Всевышнему, и в немалой степени из-за этого тамошние Белые победили в ихней Гражданской войне. А русские духовные пастыри, также пренебрежительно в преимущественно «дворянской» (а значит, рыцарской) Российской Империи XVIII-XIX вв., отзывавшиеся о Чести (обличая «дуэли» и т.п.), вне сомнения, подготовили «почву» для бесовской проповеди «права-на-безчестие»... Не станем «всё валить на попов», но вынесем «урок»: понятие о «Чести как Христианской добродетели» необходимо вернуть в Православное веро- и нравоучение, и не просто вернуть, но и всячески «подчёркивать» оное...

Некие «обнадеживающие примеры» сего наблюдаются в среде нынешних правых христианских интеллектуалов. For example: «При попытке осмыслить происходящие церковные события невольно приходит на ум понятие Чести. Само это слово многозначное, в нём соединяются добрые и злые стороны. Но если вдумать-

ся, это слово, действительно, окажется ключевым при оценке сложившейся ситуации. Под честью иногда понимают чувство собственного достоинства, и в таком смысле честь носит явно отрицательный характер. Об этом много писал Митр. Антоний, особенно возмущавшийся, что за оскорбление такой чести, то есть личного достоинства, человеческая гордыня требует порою недопустимых возмещений. Честь в таком “дуэльном” понимании и мы не можем признать добродетелью. Но есть у этого понятия и иной смысл, вполне положительный. Честь — это чувство благодарности и ответственности за некий полученный драгоценный дар, не имеющий материального выражения. Честь — это сознание принадлежности к некоему обществу людей, особо объединённых светлой идеей и возвышенным служением. И это чувство чести, чувство такой ответственности, не позволяет человеку совершать целый ряд поступков, могущих привести к обмену отстаиваемого идеала на какие-либо материальные эквиваленты. Так возникает понятие рыцарской, а затем офицерской чести. Защитнику христианского государя и государства, защитнику богоданной и нравственно ответственной власти не дозволяются поступки не просто безнравственные (жестокость, злоба, корыстолюбие), но и такие, которые обывателю вполне привычны и за которыми не видится особого греха. Обыватель может продать свой зипун, офицер не может заложить свой мундир. Обыватель может где-то что-то ненароком подслушать и где-то посплетничать, рыцарю доносительство абсолютно чуждо и недопустимо. Обыватель пинает и лежащего, рыцарь до такого деяния опускаться не должен. Честь как добродетель тесно сопряжена с самоотвержением вплоть до полного самопожертвования. Это неоднократно проявлялось в рыцарскую эпоху. Например, известен подвиг тридцати французских рыцарей времён Столетней войны с Англией в битве за Нормандию. По взаимному соглашению сторон участь провинции Нормандия была решена в поединке тридцати французских рыцарей против тридцати английских, которые должны были биться до последнего живого бойца. Участники поединка сознательно принесли себя в жертву за честь своего короля и своей родины, избавив от смерти в бою многих своих соотечественников. И позднее в рыцарстве не переводились подобные герои, для которых нематериальное по-

нятие чести стояло выше материальных благ и самой жизни. Подчеркнём: чести не столько личной, сколько чести того, кому они служили: христианского монарха и христианской родины. К таким людям справедливо относился девиз знаменитого французского рыцаря XV века Баярда: “без страха и упрёка”. Понятие чести развивало у человека чувство личной ответственности за своё поведение. Человек чести никогда не следовал с большинством на зло, не поддавался стадному чувству, не растворялся в греховном коллективе — толпе. А. Дюма в романе “Двадцать лет спустя” приводит поступок старого гвардейца, который среди ревущей толпы отдал честь идущему на эшафот своему королю Карлу I и за свою публично выраженную верность государю был растерзан чернью. При этом человек чести, служа монарху, не способен был к чело-векоугодию и подхалимству. У того же Дюма Атос говорит, что он служит королю единственным образом и другого не знает. Это служение заключается в том, чтобы говорить королю правду, а не лезть. Д’Артаньян, узнав о несправедливом аресте Атоса, и сам добровольно отправляется в тюремное заключение. При этом он произносит перед королём Людовиком XIV резкую обличительную речь, напоминая ему о его королевском достоинстве, которое должно гнушаться льстецами и интриганами, а опираться на людей чести и долга» (https://vk.com/wall-147955088_3449).

Идея Рыцарства (а с нею и идея Чести) в Европе (как и множество сопутствующих традиционных идей) была основательно подорвана «Великой» Французской Революцией. «Век рыцарства прошёл. За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков, и слава Европы угасла навсегда. Никогда, никогда больше мы не встретим эту благородную преданность рангу и долгу; этого гордого смирения, повиновения, полного достоинства, подчинения сердца, которое в рабстве сохранило восторженный дух свободы. Щедрость, защита слабых, воспитание мужественных чувств и героизма - всё разрушено. Они исчезли - эта чувствительность к принципам, строгость чести, которая ощущала пятно, как рану, которая внушала отвагу и в то же время смягчала жестокость, которая оживляла всё, к чему прикасалась, и при которой даже порок утрачивал половину зла и грубости. Чувства и мысли, составившие целую нравственную систему, коренились в древнем

рыцарстве; сам принцип внешне претерпевал изменения, ибо менялись условия человеческой жизни, но он продолжал существовать и оказывал своё влияние на длинный ряд поколений, сменяющих друг друга, вплоть до нашего времени. Если он полностью исчезнет, то, боюсь, потеря будет огромной. Именно он был отличительной чертой современной Европы» (Эдмунд Бёрк, «Размышления о революции во Франции»). Впрочем, мы неслучайно выше упомянули «рыцарей» Испанской Фаланги. XX век видел, в лице т.наз. Фашистских движений, своеобразное возрождение Европейского Рыцарства и его Идеала Чести... Возможно ль «повторить»? С Божией помощью, всё возможно, тем паче, что истоки традиций Европы неуничтожимы, надобно лишь «прикинуть» к сим «истокам», дабы «почерпнуть» оттуда Силу, Честь и Славу...

В Северной Традиции имеется примечательное упоминание об «Колодце Норн», как о «Колодце Чести». Приведём некое «свидетельство» на сей счёт, позаимствовав его у «язычника» Варга Викернеса, довольно глубоко проникнутого ведением германоскандинавских традиций:

Зов Валгаллы

Жертвенное дерево растёт на кургане, его корни врастают в Колодец Урд. Прорицание Вёльвы, строфа 19:

«Ясень, знаю я, стоит, называется он Иггдрасиль,
Высокое дерево, посыпанное блестящими каплями:
Сверху идёт роса, падающая в долинах:
Он всегда стоит зелёным над колодцем Чести».

Чтобы учиться у Норн, человек должен посетить мёртвых, он выдаёт себя за бледного бога мёртвых, Одина, бога, который сопровождает мёртвых в Хель, а на Хэллоуин приносит тело мёртвого (омелу белую, тело Бальдра), чтобы получить доступ. Золотая ветвь, жезл, используется, как ключ, для открытия могил. Он несёт *tamsvöndr*, жезл для укрощения (назван этим именем в Речах Скимира, строфе 26), который пропускает внутрь. Он входит...

Речи Высокого, строфа 109:

«Время говорить с сидения Мудреца:
Близкого к Колодцу Чести,
Я смотрел и молчал, Я смотрел и размышлял,

Я слушал речь людей»

Прорицание Вёльвы, строфа 20:

«Есть Девы, знающие всё,

Три в зале, что под Деревом.

Первую зовут Честь, вторую – Пришествие –

Гравировать на доске – будет третья.

Они сделали закон, они выбирают жизнь,

Они говорят о гибели сыновей людских»

Он встречает антропоморфизированную Честь, играемую актрисой (волшебницей), и её сестёр: Что есть и Что будет. Он должен решить их задачи, должен ответить на их загадки, понять их секреты и знать истинное значение священных строф. Он должен быть Избранным ими, чтобы переродиться. Чтобы по праву претендовать на Честь, хамингью, мёртвой Знати, покоящейся внутри. Если у него получится, он родится заново. Сама Мать Земля даёт ему жизнь, как он покидает её утробу (курган), крича, дрожа, как только Солнце встаёт в первый день месяца Valaskjálfir (“дрожи избранных/павших”). Он больше не человек, он бог, Váli (“избранный/павший”), и он стал Знатью из могилы. Сейчас он может по праву претендовать на ценности кургана и имя мёртвого. Теперь он по праву может претендовать на хамингью!

Мужчина или женщина, а чаще мальчик или девочка, ничто перед тем, как он или она проходят этот ритуал принятия. У него или неё нет чести: нет прошлого, нет настоящего и нет будущего. Чтобы стать частью хамингьи вашей родни, вы должны пройти через этот ритуал, чтобы связать себя с вечностью. Те, у кого не получается, сметены в забвение Норнами, Валькириями (“теми, кто выбирает павших”, т.е. “теми, кто определяет, достойны ли быть избранными или нет”). Те, у кого не получаются, не обретают имя для себя: нет хамингьи, нет Чести. Они остаются простыми смертными.

Когда он становится избранным, он может покинуть (переродится) Валгаллу (погребальную камеру) каждый день (1) (=каждый период, продолжающейся жизни), сражаться, чтобы быть убитым, без других последствий, кроме перерождения на следующий “день” (следующий раз, как родственник будет принят, станет им в новой жизни, новой форме), быть способным встать с сражаться

снова. Нет истинной смерти для него, только перерождение. Он должен стать бессмертным! Бог, Избранный, потому что его избрали Норны, которые дали ему прошлое, настоящее и будущее. Хамингью.

Валгалла и Асгард (“сад духов”) не “Райские Мiры”, они находятся на Земле, среди нас, но они доступны только для тех, кто стал богами или богинями. Они доступны только для тех, кто из родни Ярла (Европейской расы). Они доступны только для людей с хамингьей.

Таково значение судьбы в Скандинавской мифологии. Это то, что Норны, богини судьбы (2), говорят нам. Паутину, говорят, они плетут, нити жизни, то, что делает хамингью: честные дела, славные достижения, смелые решения, принятые в жизни, храбрые акты, Знатная жизнь, божественная мудрость: духовный свет испускается от вашего духа к другим. Норны используют воду из этого колодца памяти, чтобы поливать Иггдрасиль, дерево жизни. Жизнь растёт и становится сильнее и лучше благодаря Чести человека. Слава Вотану!

(1) День (по-норвежски dag) от dagr (“день”), первоначальное значение не просто “день”, а “жизнь”, “предел”.

(2) Судьба в Скандинавии не та судьба, которая мстит индивиду (как Немесида) и которая вмешивается в удачу человека: вместо этого она широкая, свободная жизненная сила, оставленная разрабатывать себя в жизни мiра. Она не знает законов, кроме следствия, не подчиняется ничему, кроме природы. Она воспроизводит события жизни неизбежными, как восход Солнца.

Varg Vikernes

(<https://telegra.ph/Zov-Valgally-05-22>)

Возвращаясь, к Арио-Христианству, должно заметить: во главе Христианской Чести стоит Белый Христос. А Честь – есть один из Его атрибутов, наряду с Силою и Славою... В православных церквях на службах очень часто встречается возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь, и поклонение». А «источник Чести» обретается в Евхаристической Чаше. В самом слове «Причастие» можно найти созвучие со словом «Честь». Душа-Христианка, при-

чащаясь Христу, обретает и поддерживает своё Благородство. Христос-Господь живёт в сердце Христианина. И для доброго Христианина крайне важно пребывание в нём Христа, он ощущает это как честь и достоинство. А ежели он согрешает, ежели нарушает закон Божий, то теряет Его и эту честь быть с Ним. Как потерял свою Честь русский «народ-богоносец», прельстившись на бесовско-революционное «право-на-безчестие»... «Мы можем быть уверены: если в России возобладает дух чести, служения и верности, то она станет монархией» (Иван Ильин).

МИР САГИ: «ЧТО – ДОБРО И ЧТО – ЗЛО?»

Безпристрастный наблюдатель истории нравов признает, что переход от самопомощи, характерной для древних германцев, к государственной системе наказаний был куплен ценой крупной потери в нравственной энергии.

Андреас Хойслер

Каким бы объективным ни было описание событий, оно всегда подразумевает определенные этические представления, с точки зрения которых события описываются. Конечно, и в сагах об исландцах выражены определенные этические представления, и они существенно отличаются от представлений современного человека, как и следовало ожидать. Отличие это всего существеннее, по-видимому, в представлениях об убийстве. Вместе с тем, пожалуй, именно в представлениях об убийстве всего отчетливее проявляется сущность этических представлений, характерных для саг об исландцах.

В сагах об исландцах довольно часто встречаются описания убийств в бою. Но масштабы сражений в этих сагах, а следовательно, и потеря настолько ничтожны по сравнению с масштабами сражений, которые происходят во время настоящих войн, когда сражаются целые армии, – в сущности, в сагах сражения просто поединки, а военная техника, применяемая в этих сражениях, – всего лишь мечи, секиры и копья! – настолько примитивна по сравнению с военной техникой наших дней, что убийства, совершаемые в этих сражениях, производят на современного читателя часто не больше впечатления, чем убийства, совершаемые игрушечным солдатиком в кукольном театре.

Напротив, современного читателя в сагах об исландцах не могут не поразить убийства, совершаемые не в бою и не в состоянии аффекта, но тем не менее так, как будто они и для того, кто их совершает, и для того, кто их описывает, не преступления, а нечто

вполне естественное и законное. Может быть, однако, дело здесь не в изменившихся представлениях об убийстве, а в изменившейся природе человека, т. е. просто в том, что люди были более жестокими и поэтому им было легче убивать? Так может показаться современному читателю, когда он встречается в сагах об исландцах сообщения об убийстве, подобные приведенным ниже.

Он [Коль] сошел с коня и стал ждать в лесу, пока не снесут вниз нарубленное и Сварт не останется один. Затем Коль бросился на Сварта и сказал: «Не один ты ловок рубить!». И, всадив ему секиру в голову, убил его наповал, а затем поехал домой и сказал Халльгерд об убийстве (Сага о Ньяле). Эльдгрим хотел на этом кончить разговор и погнал коня. Однако, когда Хрут это увидел, он взмахнул секирой и ударил Эльдгрима между лопаток так, что кольчуга лопнула и секира рассекла спину и торчала из груди. Эльдгрим упал мертвый с коня, как и следовало ожидать. Затем Хрут засыпал труп землей. Это место называется теперь холм Эльдгрима. После этого Хрут поехал в Камбснес и сказал Торлейку о случившемся (Сага о людях из Лососьей Долины). Эгиль бросил рог, схватил меч и обнажил его. В сенях было темно. Он пронзил Барда мечом, так что конец меча торчал из спины. Бард упал мертвый, и из раны хлынула кровь. Упал и Эльвир, и его стало рвать. Эгиль же выскочил из дома (Сага об Эгиле). Гаут проснулся, вскочил и хотел схватить оружие. Но в это мгновение Торгейр нанес ему удар секирой и рассек ему лопатки. Гаут умер от этой раны. Торгейр ушел в свою палатку (Сага о названных братьях). Он [Атли] не увидел никого снаружи. Шел сильный дождь, и поэтому он не вышел из дому, а, расставив руки, оперся ими о дверной косяк и озибался. В это время Торбьёрн вдруг появился перед дверью и вонзил двумя руками копьё в Атли, так что оно проткнуло его насквозь (Сага о Греттире). Бьёрн поскакал за ними [двумя объявленными вне закона], нагнал их к ночи, прежде чем они успели перейти реку и, коротко говоря, убил их обоих. Затем он подтащил трупы под обрыв и засыпал их камнями (Сага о Бьёрне). Затем он [Храфнкель] соскочил с коня и ударом секиры убил его [своего пастуха Эйнара]. После этого он поехал в Адальболь и сказал о случившемся (Сага о Храфнкеле). Подобные описания убийств нередко встречаются в сагах об исландцах. Конечно, ситуации ва-

рыруют, но из контекста, как правило, очевидно, что убийство совершено не в состоянии аффекта и тем не менее описывается как нечто вполне естественное.

В сагах об исландцах иногда совершают подобные убийства и малолетние. В Саге о названных братьях так описывается убийство, совершенное одним из героев, когда ему было пятнадцать лет. Торгейр стоял не очень близко от двери. В правой руке у него было копье, направленное острием вперед, а в левой секира. Ёдуру и его людям было плохо видно, так как они вышли из освещенного помещения, и Торгейру было лучше видно тех, кто стоял в дверях. Внезапно Торгейр подходит к двери и вонзает копье в него [Ёдура], так что оно протыкает его насквозь, и тот падает в дверях на руки своих людей. Торгейр скрывается в темноте ночи. В Саге об Эгиле рассказывается о том, как семилетний Эгиль убил мальчика, которому было лет десять-одиннадцать. Торд дал ему [Эгилю] секиру, которую он держал в руках... Они пошли туда, где играли мальчишки. Грим в это время схватил мяч и бросил его, а другие мальчишки бросились за мячом. Тогда Эгиль подбежал к Гриму и всадил ему секиру глубоко в голову. Затем Эгиль и Торд ушли к своим. В той же саге девятилетний внук Эгиля Грим убивает двенадцатилетнего мальчика. Правда, это происходит в то время, когда их взрослые родичи сражаются между собой, и сам Грим получает тяжелое ранение. А в Саге о битве на хейди Снорри Годи так натравливает своего малолетнего сына Торда по прозвищу Кошка на девятилетнего сына своего врага: Видит ли кошка мышь? Молодой должен убивать молодого!

Убийства не в бою и не в состоянии аффекта в сагах об исландцах совершают или подготавливают и одобряют (если не могут сами совершить их) и самые миролюбивые люди. Так, когда Ньяль – а он, несомненно, один из самых миролюбивых героев саг об исландцах – узнает от своих сыновей, что те убили Сигмунда и Скьёльда, то он говорит: Да будут благословенны ваши руки! А узнав об убийстве Гуннара, он говорит сыновьям Сигфуса, что необходимо убить несколько человек в отместку за Гуннара, что и выполняют сын Ньяля Скарпхедин и сын Гуннара Хёгни. Позднее он учит своих сыновей, как сделать, чтобы они оказались достаточно оскорбленными Траином в глазах людей и таким образом полу-

чили бы право убить его. Наконец, свой отказ выйти из горящего дома и спасти свою жизнь Ньяль мотивирует тем, что, поскольку он не сможет сам убить тех, кого он считает себя обязанным убить (т. е. убийц своих сыновей), ему не имеет смысла жить.

И все же заключать из всего этого, что люди тогда были более жестокими, чем в наше время, было бы совершенно ошибочным. Прежде всего, как это всегда очевидно из широкого контекста, убийства, о которых идет речь, были, как правило, не самоцелью, а выполнением моральной обязанности, долга. Правда, содержание долга – это в данном случае обычно та или иная форма мести, – то ли месть за родича, то ли месть за самого себя, то ли, в случае убийства Эйнара Храфнкелем, месть за своего коня, т. е. совсем не то, что представляется его нравственным долгом современному человеку. Но отсюда отнюдь не следует, что долг навязывал себя человеку с меньшей силой, чем в наше время. Из того, что рассказывается в сагах о том, как выполняли долг мести, как, не колеблясь, шли на любой риск и любые жертвы, чтобы его выполнить, очевидно, что сила эта была тогда большей, чем в наше время. И то, что убийства совершались не в состоянии аффекта, свидетельствует вовсе не о жестокости, а только о силе, с которой долг мести навязывал себя человеку. Убийства о сагах об исландцах не свидетельствуют о жестокости еще и потому, что они никогда не сопровождаются мучительством убиваемого или надругательством над его трупом. Отрезание головы убитого, которое иногда упоминается в сагах об исландцах, символизировало победу над врагом. Оно не имело целью надругательство над его трупом. В сущности, в языке саг даже нет слов жестокость или жестокий в смысле умышленного причинения мук. Попытки упоминаются только в сагах о королях: их применяли норвежские короли, чтобы убедить язычников в истинности христианской религии. В сагах об исландцах попытки неизвестны. Вообще хотя убийство могло происходить и не в бою, как в примерах, приведенных выше, оно было все же всегда в чем-то аналогично бою: убивались, как правило, только мужчины, но не женщины и дети, убийство всегда происходило днем, удар обычно наносился открыто, не со спины или из прикрытия, и было принято, чтобы совершивший убийство сразу же объявлял о случившемся кому-

нибудь, Не случайно древнеисландское слово, которое значит убийство (víg), значит также и бой.

Остается все же фактом, что в сагах об исландцах убийства упоминаются довольно часто, и современному читателю может показаться, что это свидетельствует о повышенном интересе к убийствам, т. е. о жестокости.

Но такое заключение тоже было бы совершенно ошибочным. Современный человек всегда невольно приписывает людям других эпох то, что в действительности свойственно ему самому. Это в наше время нездоровый интерес к убийствам обусловил их обязательность в самом популярном из современных литературных жанров – детективном романе. В сагах об исландцах убийства упоминаются вовсе не потому, что к ним существовал нездоровый или повышенный интерес, а просто потому, что мирная жизнь не осознавалась вообще как тема для рассказывания. Только нарушения мира, т. е. распри, осознавались как тема для рассказывания, а распри, естественно, сопровождалось и убийствами. Вместе с тем саги об исландцах – это синкретическая правда, так что убийства в них – это не литературный вымысел, как в детективных романах, а факты, навязанные сагам действительностью. Однако именно потому, что саги эти не о мирной жизни, а о нарушениях мира, они отражают действительность очень однобоко. У современного читателя может создаться впечатление, что в век саг, т. е. в то время, когда происходили события, описываемые в сагах об исландцах, убийства происходили особенно часто. Между тем если учесть, что в этих сагах сохранились сведения о большей части убийств, которые произошли в стране примерно за сто лет (ведь убийства происходили именно во время распрь, а в сагах об исландцах рассказывается о большей части распрь, которые происходили в течение века саг, только о части распрь сведения, по-видимому, не сохранились, но едва ли эта часть была значительной), то придется заключить, что в век саг произошло совсем не так уж много убийств. Количество убийств на душу населения за сто лет в современном обществе, особенно если учитывать убийства в войнах (а не учитывать эти убийства нет никаких оснований), оказалось бы, конечно, неизмеримо большим.

По-видимому, общераспространенное в исландистике представление, что так называемая эпоха Стурлунгов, т. е. эпоха, когда начали писать саги об исландцах, была особенно жестокой, тоже недоразумение. Эпоха эта кажется жестокой в основном потому, что Сага о Стурлунгах – она основной источник наших сведений о ней, – принимается за историю в современном смысле этого слова. Между тем и эта сага отражает действительность очень однобоко: и в ней рассказывается только о расправах. Наверное, не менее превратное представление сложилось бы у людей будущего от нашей эпохи, если бы от нее не сохранилось никакой другой литературы, кроме сообщений о военных действиях и протоколов судебных следствий по уголовным делам. Правда, распри приняли в эпоху Стурлунгов несколько другой характер в Исландии по сравнению с веком саг в связи с увеличившимся экономическим неравенством и усилившимся влиянием церкви. Однако отличие Саги о Стурлунгах от саг об исландцах в большей мере объясняется тем, что она была написана по свежим следам событий, которые поэтому меньше подверглись эпической стилизации.

Но если неверно, что в век саг, так же как и в эпоху Стурлунгов, люди были более жестокими, чем в наше время, то остается предположить, что отличными от наших были в те времена представления об убийстве. Считалось убийство чем-то вообще плохим, достойным осуждения? Очевидно, нет. Очень часто оно явно рассматривалось как подвиг, выполнение высшего долга, нечто, поднимающее человека в глазах других людей и достойное похвалы. Не случайно прославление убийства и похвальба убийством занимают такое большое место в поэзии скальдов. Но тогда, может быть, убийство считалось чем-то вообще хорошим и достойным похвалы? Тоже, очевидно, нет. Во многих случаях оно явно рассматривалось как поступок, заслуживающий осуждения и порочащий того, кто его совершил.

Современному человеку непременно хочется находить общие понятия у людей прошлых эпох там, где были только более частные понятия. Из данных древнеисландского языка очевидно, что у людей, говоривших на этом языке, не было понятия убийство вообще. Были только понятия об убийствах определенного характера. Как уже было сказано выше, древнеисландское слово *víg* зна-

чило не только убийство, но и бой, битва. Эти два значения в ряде случаев как бы совмещались, например в сложных словах типа *víghugr* 'воинственное настроение', 'желание убивать'. Однако слово *víg* подразумевало не всякое убийство, а только убийство в бою или открытое убийство, а как юридический термин – убийство, о котором совершивший его объявлял немедленно, не дальше, чем у третьего дома, и таким образом мог быть преследуем по закону и в случае согласия другой стороны мог откупиться вирой. Если же совершивший убийство не объявлял о нем так, как полагалось, то оно уже было не *víg*, а *moð* и совершивший его считался вне закона. Словом *moð* называлось также убийство спящего, убийство ночью и вообще убийство, совершенное неподобающим образом. Впрочем, в поэзии слово *moð* употреблялось и как синоним слова *víg*. В Саге о Гисли упоминается еще одна разновидность убийства: *launvíg*, нечто среднее между *víg* и *moð*. Убийца в этом случае не объявляет о том, что он совершил, но оставляет свое оружие в ране. Если *moð* – это всегда нечто достойное осуждения, то *víg* – это как нечто плохое (например, если убийство не спровоцировано и при этом убийца еще и отказывается платить виру), так и нечто хорошее (если убийство – это выполнение долга мести). По-видимому, в дохристианское время не считалось достойным осуждения и так называемое вынесение (*útburðr*), т. е. оставление своего новорожденного ребенка на съедение диким зверям в случае, если родителям было нечем его прокормить, – обычай, широко распространенный у народов земного шара и, например, в Китае, существовавший еще в XX в. Но закон, разрешавший вынесение, был отменен вскоре после того, как христианство стало официальной религией в Исландии. В сагах об исландцах обычай вынесения упоминается не раз, но обычно с осуждением.

Таким образом, как ясно из данных языка, не было представления об убийстве вообще и о том, что убийство – это всегда зло. Но, следовательно, не существовало и того противоречия, которое стало неизбежным с возникновением государства, когда обычным стало, с одной стороны, осуждение, лицемерное в сущности, всякого убийства, а с другой стороны – оправдание убийств, необходимых для защиты государства от его внешних и внутренних врагов, т. е. убийств в гораздо более крупных масштабах и гораздо

более жестоких, чем те, которые происходили в обществе, где не было представления, что убийство – это всегда зло. Русское слово убийство (как и соответствующие ему слова в других современных европейских языках) всегда подразумевает это представление, так что, употребляя это слово для перевода слова *víg* в сагах об исландцах, их героям приписывают наши современные представления в этой области. Убийствами в современном значении этого слова можно было бы скорее назвать то, что в сагах называется словом *morð*.

Как уже говорилось, убийства в сагах об исландцах – это обычно убийства из долга мести. Так что представления об убийстве, характерные для этих саг, очевидно, обусловлены той ролью, которую долг мести играл в жизни общества. В работах, посвященных этике в сагах об исландцах, много говорится о чести как основе этого долга, причем честь (в работах немецких ученых она нередко называется также германской честью) понимается то как нечто внешнее по отношению к человеку, как некое благо, получаемое им от других людей, то как нечто внутреннее, своего рода самоуважение, то как нечто и внешнее, и внутреннее. Но характерно, что в древнеисландском языке нет сколько-нибудь точного эквивалента современного слова честь, но есть множество слов, которые можно с большей или меньшей натяжкой перевести этим словом, а именно *sømd*, *virðing*, *sómi*, *metnaðr*, *vegr*, *frami*, *metorð*, *vegsemð*, *heiðr*, *mæti*, *höfuðburðr*, *drengskapr*. По-видимому, во всех случаях, когда современному слову, обозначающему что-либо из области духовного мира, в древнем языке соответствует несколько или множество слов (так обстоит дело, например, тоже в отношении слов слава, душа или счастье), различие между современными и древними представлениями настолько велико, что бесполезно пытаться выразить посредством современного слова древние представления.

Люди того общества, в котором долг мести играл такую важную роль, конечно не отдавали себе отчета в том, что лежало в основе этого долга. Огромная сила, с которой он навязывал себя людям, объясняется, очевидно, тем, что он был обусловлен не системой понятий (таких как честь, долг и т. п.), привитых воспитанием, но непосредственно вытекал из социальных условий, в кото-

рых человек жил, и в результате многовекового социального опыта стал как бы автоматической реакцией. В обществе, в котором не было государственных институтов, обеспечивающих безопасность отдельных его членов, не было полиции, тюрем, судей и т. п., некому было защитить отдельного человека от его врагов. Ему приходилось защищать себя от своих врагов самому с помощью своих родичей и друзей, т. е. прибегать к мести, и в частности ее наиболее эффективной форме – убийству. Ущерб имуществу или другие формы ущерба, наносимого отдельному человеку, членовредительство или убийство влекли за собой в таком обществе, как правило, месть. С возникновением государственных институтов месть, или самопомощь, уступила место государственной системе наказаний. Враг стал преступником.

Но в Исландии еще и в XIII в. государственные институты существовали только в зародыше. В век саг их не было и в помине. Самопомощь господствовала, и основной ее формой была месть, т. е. всего чаще убийство. Подсчитано, что в расправах, упоминаемых в «сагах об исландцах», было 297 актов мести, большей частью кровавой, т. е. убийств, 104 мирowych без тяжбы и только 119 тяжб, из которых, однако, 9 были сорваны участниками, а 60 кончились мировой. Но и тяжбы, как они описываются в сагах об исландцах, были, по удачному выражению Хойслера, их лучшего исследователя, лишь стилизованной местью. Тяжбу вел не судья, не представитель государства – такого представителя и не могло быть, а сами тяжущиеся стороны. Поэтому исход тяжбы обычно определялся реальным соотношением сил тяжущихся, присутствующих на тинге, а не большей или меньшей обоснованностью иска. Не случайно тяжба на тинге иногда превращалась в настоящее сражение, как это произошло во время знаменитой тяжбы на альтинге, описываемой в «Саге о Ньяле». Наконец, привести приговор в исполнение должен был сам истец или тот, кто за это по тем или иным причинам брался, иначе приговор оставался пустым словом. Таким образом, самопомощь господствовала и в тяжбе. Социальные условия, в которых выработался долг мести, еще сохранялись в Исландии в век саг. Они не были изжиты и в эпоху, когда саги об исландцах писались.

Для того чтобы кровавая месть была эффективной формой самопомощи, она должна быть долгом, т. е. осуществляться независимо от чувства человека, его симпатий или антипатий, любви или ненависти, чувства обиды, гнева или даже чувства справедливости. Поэтому убийство в силу долга мести – это совсем не то, что месть в современном понимании этого слова. Выполняя долг мести, человек, не задумываясь, рисковал собственной жизнью или жизнью близких, совершал далекие и трудные поездки, проявлял огромную выдержку, выжидая удобного случая иногда в продолжение многих лет. В сагах об исландцах описывается много случаев такой затянутой мести. Быстрое осуществление мести или ее осуществление в состоянии аффекта считалось плохим выполнением долга. Напротив, чем более долгим было выжидание удобного случая, чтобы осуществить кровавую месть, чем больше выдержки проявил при этом человек и тем самым чем меньше он был в состоянии аффекта во время ее осуществления, тем лучшим было выполнение долга. Исландская пословица, известная по Саге о Греттире, гласит: Только раб мстит сразу, а трус – никогда. Другими словами, только тот, у кого нет чувства долга, мстит в состоянии аффекта. Когда аффект отсутствует, выполнение долга выступает, так сказать в чистом виде.

Раз убийство из мести осуществлялось независимо от чувств того, кто убивал, или даже вопреки им, кровавая месть могла быть направлена не на самого обидчика, а на его родича или домочадца. При этом выбор того, кто становился объектом кровавой мести, определялся не его участием в нанесении ущерба, а его весом в глазах других людей, его опасностью в будущем или просто случайностью. Таким образом, кровавая месть могла быть направлена на человека, по отношению к которому у того, кто ее осуществлял, не могло быть никакого чувства обиды, гнева или ненависти. Типично в этом отношении убийство Эйвинда Храфнкелем в «Саге о Храфнкеле». Брат Эйвинда, Сам, унизил могущественного Храфнкеля, добился его объявления вне закона, заставил его оставить свои владения и переселиться в другую местность. Но в отместку Храфнкель убивает не Саму, а его брата Эйвинда, который только что вернулся в Исландию после семилетнего отсутствия и не

имеет никакого отношения к тому, что произошло с Храфнкелем, тогда как Сама, когда тот попадает в его руки, Храфнкель щадит.

Таким образом, если убийство в распре было местию за убийство, то убитым из мести мог оказаться не сам убийца, а его родич или сторонник. Важно было, чтобы общее количество убитых в распре оказалось с той и другой стороны одинаковым. Поэтому, если распря кончалась мировой, то производился расчет: убийство такого-то идет за убийство такого-то, рана такого-то за рану такого-то и т. д. Разность в убитых или раненых могла быть компенсирована вирой. Любопытный пример того, насколько сильно сознавалась необходимость уравнивания потерь в распре, содержит «Сага о людях с Песчаного Берега». Произошла битва между сыновьями Торбранда и Стейнтором и его людьми, причем один из сыновей Торбранда был убит, а у Стейнтора никто не был убит, только его младший брат Бергтор был тяжело ранен и оставлен в корабельном сарае. Другой его брат, Тормод, был женат на Торгерд, сестре сыновей Торбранда, врагов ее мужа. Говорят, – рассказывается в саге, – что Торгерд не захотела в этот вечер лечь в одну постель с Тормодом, ее мужем. Но в это время пришел человек снизу, из корабельного сарая, и сказал, что Бергтор только что умер. После того как он это сказал, Торгерд легла в постель с мужем, и не говорится, чтобы между супругами был после этого какой-нибудь разлад.

Поскольку кровавая месть была долгом, то естественно, что она представлялась благом и подвигом. Она была лучшим удовлетворением оскорбленного и лучшей почестью убитому. Убийства из мести воспевались в стихах, и они – одна из главных тем саг. Но естественно также, что в силу этого обязательным для мужчин и общераспространенным было владение оружием и высоко ценились воинственность, храбрость, а следовательно, и умение убивать. Поэтому хотя не существовало представления, что вообще убийство – это благо и подвиг, все же иногда, по-видимому, убийство могло быть совершено только для того, чтобы показать свое умение убивать. В Саге о названных братьях Торгейр Хаварссон геройски убивает убийцу своего отца (рассказ об этом приведен на с. 83) и совершает ряд других геройских убийств, но однажды он отрубает голову у одного пастуха только потому, что тот стоял,

удобно подставив шею для удара. А в «Саге о людях с Болота» мальчики сговариваются между собой, что не примут в игру того, кто не убил какое-нибудь животное. Торгильс Тордарсон, которому было тогда пять лет, не спит ночью и обдумывает, как бы сделать так, чтобы не оставаться больше вне игры. Он встал, взял уздечку, вышел из дома и увидел коня Иллинга у двора. Он направился туда, взял коня и повел его к какому-то дому. Затем он взял копьё в руку, подошел к коню, проткнул ему копьём живот, и конь упал мертвый. А Торгильс лег спать. Представление, что в убийстве есть что-то геройское, даже если оно не спровоцировано и заслуживает осуждения, находит отражение и в языке саг. Люди будут называть это и большим делом (stórvirki) и злым делом (illvirki), – говорит Флоси, глава поджигателей, о сожжении Ньяля. Всякое убийство было большим делом (stórvirki) или большим предприятием (stórræði). Впрочем, представление, что в убийстве есть что-то геройское, нередко дает о себе знать и в наше время и не только в мальчишеских играх, но обычно принимает более лицемерную форму.

Очень много было написано о том, в какой мере язычество и христианство отражено в сагах об исландцах. В последнее время принято утверждать, что, хотя христианский культ отражен в этих сагах очень скудно, в основном они выражают христианское мировоззрение, представления верующего христианина и т. д. Раньше, напротив, принято было утверждать, что, хотя языческий культ отражен в этих сагах очень скудно, в основном они выражают языческое мировоззрение, языческую мораль, языческий дух и т. д. Но, по-видимому, и в тех и других высказываниях сильно преувеличивается роль официального культа в формировании человеческой психики. Официальные культы наслаиваются в силу тех или иных исторических условий на глубинные, подсознательные представления, лежащие в основе поведения человека и его восприятия мира, но отнюдь не обязательно выражают эти представления. Правда, в письменной литературе, возникающей в условиях развитой государственности, официальный культ, его догмы, его мифология и фразеология обычно в большей или меньшей мере заслоняют эти глубинные представления. Одно из огромных преимуществ саг об исландцах перед всей остальной средневе-

ковой литературой заключается в том, что официальные культы, как языческий, так и христианский, очень скудно отражены в этих произведениях. Поэтому саги об исландцах представляют собой исключительно благоприятный материал для изучения представлений, коренящихся в человеческой психике более глубоко, чем культовые идеалы и догмы (32).

То, что принимается за христианское в сагах об исландцах, обычно христианское только в том смысле, что оно существовало и после введения христианства. Вместе с тем, когда полагают, что саги об исландцах должны выражать христианское мировоззрение, то, по-видимому, представляют себе, может быть безотчетно, обращение в христианство так, как его представляли себе христианские миссионеры, т. е. как автоматическое и мгновенное превращение в качественно нового человека с качественно другим сознанием: раз люди стали христианами, то, значит, и душа у них стала христианской, – так, очевидно, представляют себе христианизацию. Такая вера в чудодейственность обращения в новую религию понятна, конечно, у миссионеров, но она кажется странной у современных ученых. По-видимому, для них сознание язычника отличается от сознания христианина той же эпохи неизмеримо больше, чем средневековое сознание от сознания современного человека. Другими словами, в понимании духовного мира человека у этих ученых господствует не историческая, а конфессиональная точка зрения. В действительности смена одной официальной религии другой, особенно если, как это было в Исландии, такая смена не сопровождалась никакими существенными изменениями социального строя, не могла привести и к существенным изменениям в сознании человека. Это особенно очевидно в случае представлений об убийстве, отраженных в сагах об исландцах, произведениях, написанных спустя не меньше двух веков после принятия христианства в Исландии. Эти представления непосредственно вытекали из социальных условий, существовавших как до, так и после христианизации. Естественно поэтому, что она не привела ни к каким существенным изменениям в этих представлениях. Для верующего христианина, как и для верующего язычника, совершить убийство из мести было подвигом, а не совершить его – позором.

Но те, кто утверждали, что саги об исландцах выражают в основном языческие представления, тоже преувеличивали роль религии. Языческие эти представления, как правило, тоже только в том смысле, что они существовали и во времена язычества. Если, однако, они сохранились и после христианизации, а иногда и до нового времени, как, например, представления о живых мертвецах, отраженные и в сагах об исландцах, и в исландских народных сказках нового времени, то они явно коренятся в человеческой психике более глубоко, чем те или иные официальные культовые идеалы.

Но все это, конечно, не исключает того, что представления, коренящиеся в человеческой психике глубже, чем культовые идеалы и догмы, могли в какой-то мере приспособиться к официальному культу. Так, в языческую эпоху представления об убийстве, описанные выше, могли связываться с культом Одина как бога войны и смерти, которому посвящались убитые. В христианскую эпоху эти представления могли связываться с культом христианского Бога. В сагах об исландцах неоднократно рассказывается о том, как тот, кто собирался совершить убийство из мести, обращался к христианскому Богу и получал от него помощь. В «Саге о Ньяле», например, рассказывается следующее. Слепой Амунди обращается к Лютингу, который убил его отца, с требованием виры, но тот отказывает ему. Тогда Амунди обращается к Богу и сразу же прозревает. Хвала Богу, Господу моему! Теперь я вижу, чего он хочет, говорит он и ударом секиры по голове убивает Лютинга, после чего снова становится слепым. В той же саге Хильдигунн заклинает Флоси всеми чудесами Христа отомстить за убийство ее мужа Хёскульда. В «Саге о Хаварде» пожилой и хилый Хавард дает обет принять христианство, если бы ему удалось убить могущественного Торбьёрна, убийцу его сына. И тут же Хаварду удается его убить благодаря тому, что тот поскользнулся и камень, которым он хотел убить Хаварда, падает на грудь ему самому. Впоследствии Хавард едет в Норвегию и принимает там христианство. А в «Саге о названных братьях» так прославляется христианский Бог за то, что он помог пятнадцатилетнему Торгейру осуществить кровавую месть за убийство отца (см. с. 83): «Все, кто слышал эту новость, казалось удивительным, что юнец убил такого воинственного хёв-

динга и такого доблестного воина, как Ёдур. Однако это не было удивительным, ибо творец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое безстрашное и твердое сердце, что он ничего не боялся и был так же безстрашен во всех испытаниях, как лев. И поскольку все хорошее создано Богом, то и безстрашие создано им и вложено в грудь храбрецам вместе со свободой делать, что они хотят, добро или зло. Ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он награждает всех по заслугам».

Впрочем, такое отношение к кровавой мести не типично для официальной христианской идеологии. Ведь одним из ее краеугольных камней считается заповедь не убий. Было ли, однако, христианское не убий чем-то более гуманным, чем представления об убийстве, господствующие в сагах об исландцах? В условиях, в которых происходила христианизация в средневековой Скандинавии, когда государственная власть в лице короля и церкви брала в свои руки права и обязанности, которые раньше были прерогативой отдельного члена общества, другими словами, когда самопомощь, господствовавшая раньше, уступала место государственной системе наказаний, христианское не убий было, конечно, величайшим лицемерием. Право наказывать и, в частности, убивать переходило от отдельного человека к государству, чтобы быть использованным этим последним в гораздо более крупных масштабах, чем те, которые были возможны для отдельного человека. Но теперь убивали не в отместку за себя или своих родичей и друзей, а по приказу свыше или по велению Бога, идеального прообраза государственной власти. Каждый человек становился, таким образом, потенциальным наемным убийцей или палачом. При этом узаконивалось лицемерное отношение к убийству, поскольку одновременно проповедовалась заповедь не убий, т. е. осуждалось убийство вообще, хотя истинным смыслом этой заповеди было: не убивай твоего врага, но убивай врагов короля и Бога. С введением христианства вошли в употребление пытки. Людей пытали и казнили за отказ принять христианство, т. е. стали возможными убийства во имя идеи, нечто, неизвестное раньше и делавшее возможным убийства в неслыханных раньше масштабах. Вместе с тем уступка своих прав и обязанностей государству или карающе-

му и награждающему Богу с его адом и раем была ограничением независимости и самостоятельности отдельного человека, уменьшением его моральной ответственности, уроном его самоуважению и достоинству и тем самым предпосылкой для развития в нем комплекса неполноценности.

Часть 2. Закулиса

«МИРОВАЯ ЗАКУЛИСА»: ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ

«Мировая закулиса» – одно из ключевых понятий политического языка постсоветской России. Нередко оно рассматривается как синоним «мирового правительства» (global state, world state). Однако в русскоязычном дискурсе эти понятия далеко не равнозначны.

Концепция «мирового правительства» предполагает существование наднациональной правящей элиты, прежде всего финансовой, преследующей цели, не совпадающие с целями национальных правительств. Эта концепция возникла в США в кругу правых антиглобалистов, хотя ныне разделяется и частью левых антиглобалистов.

Между тем главный отличительный признак «мировой закулисы», помимо её тайного характера, – антироссийская направленность, вплоть до стремления расчленить Россию. Это понятие имеет вполне определённого автора. Концепция антироссийской «мировой закулисы» была сформулирована в послевоенной публицистике эмигрантского философа Ивана Александровича Ильина (1882-1954).

Происхождение

Неологизм «закулиса» возник из более раннего «закулисье», которое, в свою очередь, восходит к обороту «за кулисами». Ранний пример употребления этого оборота в переносном значении встречается в очерке Фаддея Булгарина «Философический взгляд за кулисы» (1825). Здесь развёрнуто уподобление мира (человеческого общества) театру, обычное со времён античности: «Загляните за кулисы большого света <...>»; «За кулисами большого света я постигнул великую тайну самых тонких искателей и интригантов»[1].

Слово «закулисье», вошедшее в обиход на рубеже XIX-XX веков, чаще всего относилось к закулисной жизни театра, но употреблялось и в более широком контексте, например: «...Люди,

более знающие закулисье [военного] штаба района, разъяснили дело просто»[2]. Единственный известный нам случай употребления слова «закулиса» до Ильина встречается в дневнике Зинаиды Гиппиус за январь-май 1933 года. Здесь речь идёт о «закулисье» эмигрантской литературной жизни и Ходасевиче как одном из его «режиссёров»: «Зная все “за-кулисы”, зная, что весь Ход<асевич> – “за-кулиса” <...>»[3]. Само написание «за-кулиса» указывает на то, что слово употреблено в качестве окказионализма.

В 1948-1954 гг. Ильин написал серию программных статей, адресованных членам Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) – крупнейшей эмигрантской монархической организации. Они печатались в виде отдельных бюллетеней под заглавием «Еженедельный листок» с подзаголовком: «Только для ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ». Автор, живший в Швейцарии, отправлял свои статьи в Париж генералу Алексею фон Лампе, заместителю председателя РОВС Алексея Архангельского. Ряд статей обсуждался с фон Лампе по переписке, а затем они посылались в Брюссель Архангельскому, после чего распространялись среди членов РОВС без подписи автора. Сборник этих статей – двухтомник «Наши задачи» – генерал фон Лампе опубликовал после смерти Ильина[4]. Именно здесь появился политический термин «(мировая) закулиса». Ильин использовал его многократно, причём в двух существенно различных – хотя отчасти пересекающихся – значениях.

Два значения термина

В первом значении «мировая закулиса» – тайные пособники коммунизма и СССР. В статье «Мировой самообман» (1949) читаем: «...Умственная лень, застарелая предубеждённость против России, экономическая и торговая заинтересованность, полное незнание русской истории и тайная прокоммунистическая пропаганда, ведшаяся повсюду (и коммунистами и полуреволюционной “закулисой”), затмили политическую дальнорочность, возобладали над трезвым разумением и привели великие и малые державы к целому ряду грубых (политических, экономических и стратегических) ошибок». «Закулиса» – это «прокоммунистическая печать и полуреволюционные закулисные организации», которые делают всё возможное, чтобы «отвести влиятельным политикам глаза». К

подобным организациям Ильин относит «так называемый Комитет борьбы за демократию (“закулиса”!)[5]». Упомянутого здесь «Комитета» в реальности не существовало; вероятно, имелся в виду Союз борьбы за освобождение народов России, созданный в 1947 г. в Мюнхене. Эта организация, считавшая себя преемницей власовского движения, обращалась к наследию Февральской революции и выступала за демократическую федеративную Россию.

После смерти Сталина, когда на повестке дня встал вопрос о «мирном сосуществовании», Ильин резко осудил этот лозунг, увидев в нём продолжение пагубного внешнеполитического курса Франклина Рузвельта. «Рузвельт <...> выслушивал кое-каких, подобранных для этого из-за кулисы, советников. <...> ...“Кулиса”, помогавшая ему “информацией”, “освещением” и тому подобными способами, втайне сочувствовала русской революции <...>» («О мирном рядомжительстве», 1954)[6]. «...Мирное рядомительство <...> состоит прежде всего в наводнении свободных стран коммунистической агентурой: эти агенты разведывают, пропагандируют, подкупают, <...> организуют рабочих, соблазняют детей, невежественную молодёжь и женщин, усиливают брожение в колониях, пробираются в буржуазную печать, связываются с “салонными” коммунистами <...>, нанимают безпринципных “учёных” и всегда состоят в тайном контакте с деятелями “мировой закулисы”»[7]. Коммунизм, согласно Ильину, выработал особые формы «неуловимости», а именно: «криптокоммунизм», «салонный коммунизм» и «левую социал-демократию»; если же попытаться вывести их на чистую воду, «закулиса начинает самую отчаянную оборону “свободы”, “демократии” <...>»[8].

«Злобная клевета “мировой закулисы”» обрушилась на «спасителя Испании» Франко. Антикоммуниста Макартура устроили руками Трумэна, а остальные «боятся остаться в меньшинстве на выборах; боятся не угодить закулисе». Антикоммунистическую чистку сенатора Маккартни «мировая закулиса» встретила «поток ненависти, озлобленной клеветы и личной пакотни <...>, который разлился по всей “демократической” прессе Европы»[9].

Во втором значении «мировая закулиса» в «Наших задачах» – правящие круги Запада, относящиеся к России со страхом и ненавистью. Ильин, следуя в русле неославянофильства, цитируя

Достоевского и Данилевского, рассуждает о коренной чуждости России и Запада (притом что «наша душа открыта для западной культуры») («Без карьеры», 1948)[10]. Речь идёт уже не о пособниках коммунизма, но об исконной русофобии Запада. Нерасчленимой православной России враждебны «народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди»[11]. Исключение делается (пока что) только для Соединённых Штатов, которые «инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платёжеспособного покупателя» («Против России», 1948)[12].

В статье «О расчленителях России» (1949) Ильин выделяет пять категорий недоброжелателей России:

«противники – в силу слабости, опасения и неосведомлённости» (соседние малые государства);

«недоброхоты – по морскому и торговому соперничеству»;

«враги – из зависти, жадности и властолюбия» (главным таким врагом в «Наших задачах» выступает Германия с её, как полагает Ильин, извечными и неустрашимыми завоевательными притязаниями);

«недрузи – из [религиозного] фанатизма и церковного властолюбия», т.е. католический мир;

«зложелатели – закулисные, идущие “тихой сапой” и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему (“несколько пересаливающему”) авангарду»[13].

Развёрнутый прогноз действий «мировой закулисы» после грядущего падения большевизма содержался в статье «Что сулит миру расчленение России» (1950), занявшей целых пять выпусков «Еженедельного листка». Здесь «мировая закулиса, решившая расчленить Россию», по сути, охватывает весь Запад, не исключая «американских держав»: «...Державы всего мира (европейские, азиатские и американские) <...> будут соперничать друг с другом, добиваясь преобладания и “опорных пунктов”; мало того – выступают империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое “аннексирование” неустроенных и незащищённых новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию,

Япония – на дальневосточные берега и т.д.)»[14]. Нации Запада видят в едином русском государстве «плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения», а потому «собираются разделить всеединый российский “веник” на прутьи, переломать эти прутьи поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь своей цивилизации. Им надо расчленив Россию, чтобы провести её через западное уравнивание и развязание и тем погубить её: план ненависти и властолюбия»; «міровая закулиса хоронит единую национальную Россию»[15].

Временами Запад у Ильина оказывается едва ли не столь же враждебен христианско-консервативным ценностям, как коммунизм: «Мы увидели истинное лицо Запада: сначала в советском коммунизме, потом в европейском социализме и, наконец, в том, что называется “свободным строем”, в действительности руководимым из-за кулисы» («Русскому народу необходимо духовное обновление», 1952)[16]. «Общественное мнение Запада, руководимое міровою закулисою», неспособно «отличать Россию от Советии и русских людей от коммунистов» («Надежды на иностранцев», 1952)[17]. Как видим, и здесь «закулиса» – не пособники коммунизма, а некие исконные антирусские силы.

Наконец, в статье «Почему сокрушился в России монархический строй?» (1952) «закулиса» оказывается синонимом течений, вдохновляемых идеями Великой французской революции, чем-то вроде двухвекового республиканско-масонского заговора: «Монархическое правосознание <...> было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета – анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися міровою закулисою с самой французской революции <...>»[18].

«Міровая закулиса», по Ильину, пыталась «связать государственную волю» русского государя («О Государе», 1954), а в 1919 г. осуществила «операцию расчленения Европы». Ныне «снова идеи “свободы”, “демократии” и “прогресса” связываются с планами расчленения государств», только речь идёт уже о России («Германия возрождается», 1953)[19].

Новая жизнь понятия

Цикл «Наши задачи», сколько можно судить, не стал предметом оживлённого интереса в эмигрантской среде и упоминался преимущественно историками эмиграции. Идея посткоммунистической «национальной диктатуры», которая займётся построением православно-корпоративного государства, во второй половине XX в. должна была восприниматься как архаическая. Конспирологический по своей сути термин «міровая закулиса» вплоть до конца 1980-х гг. не был востребован ни в эмигрантской публицистике, ни в публицистике правого крыла самиздата. Его обошёл вниманием даже Игорь Шафаревич, памфлет которого «Русофобия» (1982) близко касался тех же сюжетов, что и послевоенная публицистика Ильина.

Положение изменилось лишь с появлением признаков распада СССР. Статья «Что сулит міру расчленение России» была опубликована в «Литературной России» 12 мая 1990 г., а затем в декабрьском номере журнала «Кубань» за тот же год. В 1992 г. в Москве вышел небольшой сборник статей Ильина под тем же заглавием тиражом 200 тыс. экземпляров. Год спустя цикл «Наши задачи» был полностью опубликован в России.

С этого времени «міровая закулиса» становится дежурным оборотом языка державников-патриотов всех оттенков, от монархического до сталинистского, причём, в отличие от Ильина[20], подавляющее их большинство рассматривают СССР как продолжение императорской России. В 1992 г. петербургский автор мюнхенского журнала «Вече» писал: «Міровая закулиса, развалив изнутри с помощью предателей державу, армию и экономику, взялась разваливать (тоже изнутри и сверху) и Православие – последнюю духовную скрепу, которая ещё соединяет славянское население страны»[21].

В том же духе высказывался один из лидеров державно-патриотического лагеря Александр Руцкой: «Ценой огромных людских потерь и невероятных страданий русский народ сумел всё же восстановить свои многовековые державные традиции, возродив после Победы 1945 года историческую преемственность Российской империи в новой государственной форме Советского Союза. Именно тогда “міровая закулиса”, не на шутку испуган-

ная перспективой национально-патриотического перерождения “коммунистической империи” СССР, приняла решение о необходимости любой ценой остановить процесс “разрастания советской угрозы”. Решение это было реализовано через четыре с половиной десятилетия. В результате упорнейшей борьбы, провокаций западных спецслужб и предательства выродившейся номенклатуры Союз распался, отбросив геополитическое развитие России ко временам Ивана Грозного»[22].

В последнее десятилетие подобные взгляды высказывают уже идеологи, близкие к политическому мейнстриму.

Примечания:

[1] Булгарин Ф.В. Философический взгляд за кулисы: [Очерк] // Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений. СПб., 1844. Т. 7. С. 41, 43.

[2] Ларенко П. [Лассман П.П.] Страдные дни Порт-Артура: Хроника военных событий... СПб.: [П.А. Артемьев], 1906. С. 356 (1-я паг.).

[3] Гиппиус З.Н. Дневники: 1919-1941; из публицистики 1907-1917 гг.; Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2005. С. 175.

[4] Ильин И.А. Наши задачи: статьи 1948-1954 гг. Париж: Изд. Русского Обще-Воинского Союза, 1956. Т. 1-2. 683 с. (сплошная паг.).

[5] Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. Кн. 1. С. 151. Далее «Наши задачи» цитируются по тому же изданию с указанием номера книги и страницы.

[6] Ильин И.А. Наши задачи. Кн. 2. С. 325.

[7] Там же. С. 327.

[8] Там же. С. 335, 336.

[9] Там же. С. 339.

[10] Там же. Кн. 1. С. 64.

[11] Там же. С. 65.

[12] Там же. С. 62.

[13] Там же. С. 202-203.

[14] Там же. С. 327.

[15] Там же. С. 328, 340.

[16] Там же. Кн. 2. С. 40.

[17] Там же. С. 172.

[18] Там же. С. 94.

[19] Там же. С. 280, 229.

[20] Ильин, в частности, предполагал жесточайшую люстрацию государственного аппарата постсоветской России, которая должна была затронуть прежде всего коммунистов, «чекистов-энкаведистов» и всех, кто с ними сотрудничал.

[21] Головин К. Почему молчит Церковь? Вече: Независимый русский альманах. М., 1992. № 47. С. 81.

[22] Руцкой А.В. О нас и о себе. М.: Научная книга, 1995. С. 408.

(Источник:

Душенко К.В. «Мировая закулиса»: истоки концепции // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 4. С. 178-186)

Георгий Кнюпффер

ФИНАНСОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНАРХИИ

Об Авторе: Кнюпффер Георгий Маврикиевич — деятель русской эмиграции. Родился в самом начале XX века в Санкт-Петербурге. Его отец был офицером-гардемаринном. Благодаря родственным связям Георгий с рождения был известен членам Царской династии Романовых. Во время Первой Мировой войны он был сигнальщиком на эскадренном миноносце на Балтике. В последний год войны он попал в плен. Затем ему довелось повидать Гражданскую войну против большевиков, в которой его отец играл заметную роль. В эмиграции Г. Кнюпффер жил по преимуществу в Лондоне. Более сорока лет жизни он посвятил тщательному всестороннему изучению революционной подрывной деятельности, в чём ему существенно помогло его прекрасное знание финансовых вопросов, а также участие в британской политической жизни (в частности, он более тридцати лет тесно сотрудничал с членом Парламента капитаном Генри Керби, сотрудником СИС. Георгий Кнюпффер был с 1966 по 1986 гг. председателем Высшего Монархического Совета. В марте 1967 г. он разослал «в порядке обсуждения» обширную работу, из которой выбраны следующие отрывки.

За несколько десятилетий до революции нас предупреждали о ней много раз: Достоевский, св. Иоанн Кронштадтский и другие, точно указав на то, что распространяющееся и усиливающееся безверие, сопровождающееся падением морали и верности священным принципам, неминуемо приведет к страшной катастрофе, которую они описали во всех основных подробностях. Св. Иоанн много раз говорил о том, что необходимо каяться и молиться и что только возврат к вере еще может спасти Россию от сурового и заслуженного наказания. Все это большинству из нас известно и надо молить Бога и Спасителя нашего, Матерь Божию и всех святых о том, чтобы помилован был наш народ и прекратилось наказание... Надо надеяться на то, что Божья кара принесла пользу на родине

и что в области религиозной и моральной народ излечился от революционной заразы. Но стабилизация этого сатанинского режима была возможна только благодаря тому, что он имел поддержку — материальную, экономическую, техническую и политическую — со стороны капиталистического Запада по причинам, о которых речь ниже...

Анализ этого крайне важного вопроса сделан довольно компетентно рядом английских, американских и других писателей... В недавнем извещении я уже упоминал о том, что весь этот вопрос мною изложен в книге, пока вышедшей на английском и испанском языках — «Борьба за мировую власть». Написал я тоже более краткий труд, вышедший по-английски — «Америка, Россия и мир». Работаю я над этими политически-экономическими вопросами более 35 лет и являюсь членом нескольких научных обществ, работающих в данной области.

Корни этой проблемы уходят к евангельским временам. Фарисеи спросили Спасителя, пришел ли он для того, чтобы быть их царем и дать им мировую власть. Христос ответил, что Он пришел для Царствия Божия. Эта борьба двух мессианизмов — духовного, для жизни вечной, и материалистического, для земной власти и полной эксплуатации народов — продолжает быть основным лейтмотивом истории.

Сатана с горы показал Иисусу все царства и славу их, обещая власть над ними, если Спаситель поклонится ему. Такая власть для наживы есть власть безбожно-сатанинская. Осуществителей этой власти Спаситель выгнал из храма, и за это его распяли.

До того фарисеи, желая спровоцировать Христа и выдать его римским властям, спросили, надо ли платить подати Кесарю. Все знают ответ, но далеко не все понимают, что этим Спаситель также сказал, что Кесарю, то есть гражданской власти, надлежит чеканить монету, то есть власти принадлежит право денежной эмиссии, а не ростовщикам, финансистам, банкирам. Позже эта борьба двух мессианизмов, божественного и сатанинского, практически выразилась в борьбе против христианской монархии и за передачу полного контроля над деньгами, то есть над всеми сторонами практической жизни государства и людей, в руки современных материалистов-фарисеев, сознательных борцов за материальную

и материалистическую мировую власть — ростовщиков-банкиров. Центр тяжести, морально и практически, был перенесен из области духовных запросов, которым служило и государство в союзе с христианской Церковью, в область чисто материальных целей, с отказом от мысли о жизни вечной. Этот процесс был постепенным, но суть его была такой, и мы теперь наблюдаем завершение процесса. Оставляя в стороне все предварительные и подготовительные шаги, развившиеся в средние века во всех европейских странах, но меньше всего в России, отметим переломный момент — английский революционный процесс XVII века. Тогда впервые заговорщикам, вождям международного «капитала», имевшего в то время свой центр в Голландии, удалось уничтожить христианский монархический строй с королем Божьей милостью, при котором люди жили преимущественно религиозными понятиями и целями, хотя и в уже ослабленном виде из-за протестантизма страны. В православной России это удалось только через более чем 250 лет.

Кромвель не был просто изолированным англо-шотландским явлением, но был деятелем целой сети, работающей по всей Европе на средства и по указке подрывного Финансового Интернационала. Даже в России были проявления этого влияния. Основная задача заключалась в убийстве Помазанника Божьего в условиях, в которых народ как будто несет ответственность и Монарх как будто повинен в антинародных намерениях и действиях, в «тирании». По тому же рецепту и теми же силами проводились и другие революции, и в частности французская и русская. Причем во всех названных странах не было тирании и народ жил материально хорошо.

Следующая и столь же важная задача английских революционеров заключалась в передаче контроля над государством и народом представителям и агентам заговорщиков. Пока правил Кромвель, задача была решена. Но английская левая диктатура пала, и наследник замученного Карла I, его сын Карл II, вернулся в атмосферу неопишемого народного восторга, в 1660 году.

Однако заговорщики точно знали, что и как они делают, тогда как король, правительство и общество в целом не имели никакого понятия. Так было потом везде: революции удавались отчасти

потому, что стоящие у власти не понимали, что им угрожает и что надо делать для предотвращения опасности. Таким образом, в Англии [после падения Кромвеля] захватчики власти пошли по другому пути: вместо прямого захвата власти они решили взять полноту фактической власти, оставляя ее видимость существующему государству и правительству.

Этот маневр был блестяще задуман и проведен, и столь удался, что позже эта денежная власть распространилась почти на весь мир. Суть заключалась в том, что ранее обменные средства, деньги во всех видах, выпускались государством, в большинстве случаев монархом, причем они не были обременены долговыми и процентными обязательствами. Но финансистам прежде всего удалось в 1688 г. посадить на престол своего ставленника, Вильгельма III, а затем провести в 1694 г. закон об основании «Бэнк оф Инглэнд» (Английского банка). Это была частная фирма, директора которой одолжили королю 1.200.000 фунтов золотом и за это получили право напечатать такую же сумму банковских билетов и дать их в долг под проценты как государству, так и частным лицам. Вскоре сумма эмиссии значительно увеличилась, и это кончилось тем, что сейчас деньги всех видов — монета, бумага и кредит, передаваемый главным образом чеками, в главных «капиталистических» странах выпускаются, то есть создаются частными банками из ничего, путем записи в книгах, и пускаются в оборот как долг под проценты...

Некоторые люди думают, что при капитализме государства сами выпускают деньги, хотя бы потому, что «центральный банк», от имени которого печатаются банкноты, будто бы подвластен государству. Должен подчеркнуть, что на деле все наоборот: это государство «принадлежит» банкам и делает то, что требуют полновластные хозяева. Кроме того, монеты и банкноты составляют лишь очень небольшую часть всех обменных средств, приблизительно 10 %, а главное — это кредит и чеки... Стоит только подумать обо всем этом несколько секунд, чтобы понять, что в этом заключается полнота власти над каждым государством и над всем миром. Банкиры, хозяева этого Золотого Интернационала современного капитализма (сущность которого не в частных прибылях или в частной собственности на орудия производства и проч., а как раз в полноте денежного контроля), имеют астрономические прибыли от самого

выпуска денег. И если фальшивомонетчики не прикрыты законом и не контролируют его, должны затрачивать свой труд и деньги на изготовление фальшивых монет и банкнот, то банки создают свои деньги законно путем простой записи, что занимает миг и стоит сотую часть копейки, даже если создаются миллионы.

В таких условиях банкиры имеют прибыль не только от эмиссии, но и от процентов на все деньги, ходящие в мире вне «железного занавеса». Кроме того, финансисты определяют стоимость денег, их покупательную способность и их распределение — кому дать, а кому не дать. Государства берут эти воображаемые деньги в долг у частных банкиров-ростовщиков, создавая этим свои национальные долги и попадая таким образом в зависимость от Финансового Интернационала, который является полновластным диктатором и хозяином мира...

Номинальные «демократические» правительства не имеют такой власти, и «демократия» лишь метод правления, при котором народы обманываются и бессознательно голосуют по указке, а банкиры имеют главную власть, через деньги контролируя правительства, парламенты, министров, партии, газеты, радио и т.д...

Без понимания этих фактов невозможно вообще понять практические проблемы нашего времени. Невозможно понять и коммунистической революции в России.

Дело в том, что описанная капиталистическая система ростовщичества и контроля большинства предприятий через акции и долговые обязательства нестабильна вследствие возрастающего долгового и процентного бремени над всем экономическим, социальным и политическим организмом, которое в конце концов должно привести к крушению всей системы. Это материалистическим мессианистам было давно известно, поэтому они и создали коммунизм-социализм как свою новую форму стабильной власти и эксплуатации... Уберите высшие и средние классы — и вы хозяин обезглавленного народа. Поэтому они и финансировали и до сих пор поддерживают коммунизм в России...

До 1917 г. Россия была по религиозным и политическим причинам главным препятствием к захвату ими мировой власти. У нас была православная монархия и не было капитализма как власти финансистов... Еще до прихода к власти Ленин говорил о том, что

коммунизм будет держаться террором, причем другие вожди писали о том, что только монархия представляла для него серьезную опасность.

Была гражданская война, спасшая честь России, не сдавшейся без боя, было и множество восстаний. Но все окончилось поражением как раз потому, что у противников коммунизма были не монархические, а белые, «пустые» знамена и даже розовые [...] [Далее Г. М. Кньюпфер предлагал учитывать вышеописанные особенности западных демократий и не допустить установления власти Финансового Интернационала в послекоммунистической России.]

Итак, выпуск денег, обменных средств — одна из важнейших функций государства; без права денежной эмиссии государство не суверенно... Следовательно, надо везде вернуть право эмиссии государству и, в частности, необходимо с этого начать после падения коммунизма. Шакалы международного капитала набросятся на Россию сразу, если с самого начала не будут предприняты нужные меры...

Демократия по партийному образцу в России неприемлема. Будущая Дума должна представлять области и профессии, не партии. Важны компетентность и законные интересы разных частей народа, а не политические комбинации, обман и подкуп. Кроме того, для общеполитической деятельности и конкретного участия в ней активной части населения может быть создана организация, называемая, скажем, Российским Национальным Союзом, открытая для добровольцев и находящаяся под опекой государства. Такая организация может служить для отбора и обучения части кадров, нужных для управления страной... Иностранная политика и торговля. Россия в том счастливом положении, что ей не нужны чужие земли, и остается только защищать те территории, которые ей принадлежат. Поэтому русская внешняя политика требует только поощрения дружбы со всеми. Но если кто-либо захочет отобрать у нас ту или иную местность, то мы обязаны будем искать союзников против данного агрессора. А если приготовления к нападению зашли слишком далеко, то могут быть необходимы и превентивные меры...

Вместо ООН должно появиться новое конкретное оформление международного сотрудничества с правильными целями — обеспечение свободы и благоденствия мира, а не его порабощение. Сильная Россия сыграет в этом большую роль. В принципе международная торговля может быть только обменом равноценных товаров и услуг. Постоянное отсутствие равновесия только играет на руку мировому ростовщичеству. Если то или иное государство временно купило больше, чем продало, то может иметь краткосрочный долг, но недопустимы займы на долгие сроки или вечные, по тем же причинам, которые делают их неприемлемыми и вредными на внутреннем рынке отдельных стран. Кроме того, займы, спекуляция и торговля без равновесия приводят к войнам — всегда в пользу банков.

Лондон, март 1967 г.

Николай Рузский

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Евреи являются пришлым элементом, не имеющим своей исторической территории в России, а потому их положение значительно отличается от других народностей, входящих в состав Империи.

Евреи являются нацией, воспитанной на своих особенных религиозных принципах, главными из коих являются: отсутствие веры в загробную жизнь, приводящее к материалистичности; избранность – т.е. чувство превосходства над другими народностями и стремление к возглавлению их; и, наконец – мессианство, т.е. руководство духовным развитием народов, а отсюда и революционность – как стремление разрушить старые устои, не отвечающие еврейской психологии.

Мы знаем, что 80% революционеров в старой России состояли из евреев. Нам также известно, что революция была поддержана крупным идеологом еврейского движения банкиром Яковом Шиффом.

В настоящий момент почти что поголовно весь состав руководящей власти в СССР состоит из евреев, которые с невероятной жестокостью и цинизмом расправились с российским населением и употребляют все усилия, чтобы окончательно уничтожить подлинно национальное чувство народа, разрушив все его национальные и духовные основы, Евреями же был убит Император-Мученик Николай II и вся Его Семья.

Евреи принадлежат к совершенно иной расе, чем большинство народов России. Однако внешне они похожи на арийскую расу и потому это расовое различие забыто и кажется несуществующим. Между тем, всё помышление евреев в значительной степени отличается от народов арийской и монгольской расы. Евреи чрезвычайно жизненные практики, что выковывалось у них за тысячелетие их жизненной борьбы. Будучи разбросанными по всем странам мира, они не только не ассимилировались с другими народами, но укрепили и закалили свои национальные отличия, свою солидарность.

Они инстинктивно стремятся к осуществлению своего мессианства и, будучи по своему положению интернациональны, являются врагами всех национальных государств.

Думать о возможности перевоспитать нацию – совершенно невозможно. Для этого нужны столетия, между тем еврейство является сейчас сильнейшей державой мира, внешнее выражение которой – финансовый капитал, и аппарат которой – банк.

Нельзя думать, что еврейский вопрос может быть разрешён механическим путём, путём изгнания из государства всех евреев, а тем более – их физическим истреблением.

Еврейская национальность должна быть признана как таковая, но действия евреев должны быть введены в определённые рамки, именно учитывая отличие их психологии от психологии других народов. Прежде всего само строение национальной жизни должно строго отвечать психологии народов и очищено от влияния еврейства. Идеи имперцев эту задачу разрешают вполне. Евреи должны иметь возможность существовать и работать, но их деятельность не должна идти в ущерб остальному населению. Будучи прекрасными торговцами и посредниками, они должны иметь возможность применять эти способности, и это должно быть использовано нацией в её пользу. Корпоративная организация хронизма и контроль власти парализует вредную сторону еврейской деятельности, охраняя честных еврейских тружеников. Еврейство должно быть организовано в государственном масштабе и находиться под контролем политической власти.

Допущение евреев в политическую жизнь страны немыслимо. Поэтому газетное дело должно быть охранено от них, но им может быть предоставлено право иметь свою прессу. Должно быть совершенно запрещено евреям пользоваться нееврейскими псевдонимами во всей культурной работе. Наконец, совершенно исключается возможность евреям занимать места административные. Еврейская общественность должна существовать, но не надевать общенациональные маски, а представлять лишь еврейские интересы.

В местностях, где еврейское население составляет большой процент, евреям должно быть дано право иметь своих представителей в земских и корпоративных организациях, путём выделения их в особые секции.

Еврейство совершило перед Россией тяжёлое преступление. Немало их поплатилось за это, но ещё больше воспользовалось российским горем. Оно должно искупить, если может, эти ошибки и стать полезным элементом государственной жизни, помня, что оно является элементом пришлым и без каких бы то ни было претензий на захват влияния и проведения своей еврейской культуры в Национальной Русской жизни.

**(глава из книги основателя и довоенного руководителя
РИС-О Н.Н.Рузского «Наша Победа даст славу и величие Рос-
сии» (Париж, 1937)).**

Верховная власть и капитал (Отрывки)

Всякая верховная власть является естественной хранительницей территории данной страны. В эту территорию входят частные имущества граждан. Граждане, подчиняясь власти, как бы предоставляют и доверяют ей охрану своих интересов, в данном случае экономических. Всякому ясно, что суверенная власть должна быть на своей территории прежде всего независимой, обладать всей полнотой силы, чтобы охранить интересы.

Это невозможно, когда власть сама находится в зависимости от постороннего элемента, как, например, иностранный капитал, или даже местный, но безличный, безответственный капитал. Власть ответственна перед населением, это ее долг. Но она не может нести эту ответственность, если ее воля связана посторонним влиянием. Не приходится уж и говорить о справедливости и надпартийности экономически не свободной власти. Иначе говоря, вмешательство в жизнь страны международного капитала и частного акционерного без контроля государства - недопустимы при национальном строе.

Но и более того, вся экономическая жизнь не может больше течь произвольно. Истинная охрана интересов возможна лишь при наличии высшего государственного экономического управления и распределения функций между отдельными частями государства. Иначе говоря, мы считаем, что планированное хозяйство и

национальный капитализм, то есть капитализм единоличного хозяйственного накопления, только и может лишь удовлетворить современному национальному строю.

И мы только еще раз подчеркиваем, что экономика должна быть подчинена потребностям государства, а не государство должно служить целям экономики, как мы это наблюдаем в капиталистических странах современности.

(Н.Н. Рузский, «Имперская мысль». Париж, 1932)

К ПОЗНАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ (Заметки по поводу книги И. Р. Шафаревича «Русофобия»)

15 февраля 1989, Сретенье.

Глубокоуважаемый Игорь Ростиславович! Своей книгой «Русофобия» Вы подняли знамя в борьбе за отыскание и создание оружия духовной защиты нашей родины от разрушения, принесённого силами не только чуждыми, но враждебными тому, что исконно составляет высшую ценность нашего национального бытия. Теперь нам остаётся «поливать» посаженное Вами растение, да будет Ваше слово зерном, которое принесёт плод во сто крат.

Спасибо Вам за блестящий труд.

Н. Кусаков

* * *

Сперва несколько цитат. Это эпитафии. Чужие мысли.

„Всеми невольно чувствуется, что нами переживаемое время - тяжёлое, опасное для веры; по мнению многих опасное и для Церкви Христовой. Никогда ещё на Святой Руси зловерие и неверие не поднимали так своей головы, никогда ещё враждебные суждения о вере и Церкви не произносились так открыто и с такой дерзостью. И в то же время чувствуется, что мы переживаем знаменательную в истории мира и Церкви эпоху. События первостепенной важности (политические) с необычайной быстротой идут одно за другим. Что подготовлялось веками, совершается почти мгновенно. Всё даёт нашему времени значение переходного, критического. И вот, в это-то время и поднялась у нас такая волна зломыслия, которая грозит ниспровержением веры и Церкви и всего Христианства с заменой его суеверием тёмного язычества и даже ещё худшим - полным безбожием времён допотопных, с конечным погружением в чувственность.

И как ни яростны нападки на веру и Церковь, чувствуется, что видим и испытываем лишь начало болезней. Одному Богу ведомо, до каких размеров оно может быть простёрто...”

«Церковные ведомости» № 1, 1903 г.

„Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины, то-есть

причины этого явного зла, привзошедшего вследствие Адамова преступления - этого жала смерти; потому что прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум, и борется с ним помыслами: люди же не знают, что делают сие побуждаемые некоею силою; напротив того, думают, что это естественно, и что делают сие по собственному рассуждению. Но те, кто в самом уме имеют мир Христов и озарение Христово, знают, откуда воздвигается всё это”.

Так писал св. Макарий Великий.
См. Наставления в “Добротолюбии”, том I.

„При отрицании реальности самостоятельного бытия духов,
в истории ничего нельзя понять”.
Л. Тихомиров „Монархическая государственность”.

„И без другого греха одной гордости достаточно, чтобы погубить душу”, - говорил св. Петр Дамаскин.

„Все мы предстанем на суд Христов”, - писал св. Апостол Павел в послании к Римлянам (гл. 14, 10).

„Нам свобода дана, чтобы избирать и делать дела святых. Все грехи мерзки перед Богом, но всех мерзостнее гордость сердца”.

Так писал св. Антоний Великий. См. „Добротолюбие”, т. I.

* * *

В 1932-м году в Москве по рукам среди верующих ходила апокрифическая записка. Её приписывали кому-то из старцев недавнего прошлого. Её переписывали и хранили в большой тайне. Иные думали, что это одна из записей бесед преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Там, происходившие на наших глазах ужасы революции были представлены, как будущее. Отдельные фразы запомнились.

Одна из них: „Реки крови прольются на Русской земле”.

Ярче всего, на всю жизнь, запечатлелась фраза: *„Евреи и славяне - два народа судеб Божиих»*.

Оглядываюсь на историю. В самом деле. Судьбы как еврейского, так и русского народа можно понять только если их вписать в судьбы Божии, в судьбы человечества в его превратностях, в его взлётах, падениях и восстаниях к Богу, в его шествии по магистральной линии борьбы добра и зла, и это от Адама до Христа, и от Христа, распятого и воскресшего, до Страшного Суда. В революции, особенно же в революции в России, эта борьба себя явила с несомненной ясностью.

Читатель, имеющий осведомлённость о революциях последних трёх веков, знает, что фронт борьбы, как в подготовке и совершении, так и в закреплении и развитии этого чудовищного явления проходит между верой в Бога Творца и Вседержителя и неверием, - то есть отрицанием бытия Бога. С этим читатель поймёт, что странное развитие этой темы и заключительное суждение о ней требует серьёзного знания Священного Писания, библейской истории и истории Новозаветной Церкви, а так же и знания истории философии. Только в свете этого знания можно дать истолкование тому, какая страшная тайна скрывается за приведённым пророчеством:

Евреи и славяне - два народа судеб Божиих.

Только в глубине смирения веры, только полностью отрешившись от гордыни, только неизменно взирая на грехопадения, на обетование, на Голгофский Крест и на Пещеру Воскресения, и только в чаянии вечной жизни можно уразуметь, - какие страшные судьбы свершаются в дни нашей жизни.

„Имеющий уши, чтобы слышать, да слышит» (Матф. 13, 9).

* * *

То, что было будущим в начале нашего века, не стало прошедшим к его концу. Оно стало настоящим и служит причиной того всеобъемлющего смятения, в вихре которого мелькают годы нашей жизни. И вот, не раз и не два останавливается мысль, задаваясь вопросом:

— Так в чём же дело? Как могло случиться, что ужасы Апокалипсиса стали реальностью наших дней? Как мог человек XX века додуматься до того, чтобы всё то, что революция принесла с собою, стало не бредом Кампанеллы или Маккиавелли, а русской действительностью?

Тесно стало на русской земле от свежих могил. Сутолока, бессмыслица жизни. Люди не знают, что думать, о чём спрашивать. Как пишет редактору монастырского журнала из Москвы в Джорданвилль Кирилл Головин: *„Обезбоженная масса ищет выхода из морального тупика, вызванного отречением от спасительной веры предков... Из глубины слышно вопрошание, ищущее причину страшного ослепления...»*

В атмосфере этого вихря книга И. Р. Шафаревича оказывается лучом, прорезывающим ночной мрак. Но мрак до того сгустился, что до этого светлого луча досмотреться не так просто. Перед глазами мелькают призраки, застилающие действительную картину. Лишь при постепенном раскрытии тайны, угнетающей, давящей и обезволивающей, удаётся всей силой внимания устремиться к глубине мысли автора, и вместе с ним идти к решению поставленной им задачи. Чтобы тайну раскрыть, надобно не останавливаться на авансцене представленной панорамы, но пройти вглубь сцены, пойти за кулисы, во внутрь темы, волнующей читателя с первых строк.

Книгу свою Шафаревич назвал словом, не очень часто звучащим в литературе, но ждавшим своего применения ещё с Пушкинских времён. Вы помните, как наш великий поэт бросил полное огня слово в лицо «клеветникам России»? Помните, конечно. Он сказал:

„И ненавидите вы нас...»

Об этой ненависти, об этом русофобстве, писал и Достоевский в „Бесах». Там Шатов у него говорит, имея в виду отношение европейцев к России: „...Одна только животная, безконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся, и никаких невидимых миру слёз под видом смеха тут нету”.

Эту вот ненависть к России, „в организм ввевшуюся” И. Р. Шафаревич собрал со страниц сочинений современных западных советологов, собрал сколько мог, сколько могло поместиться, со страниц достоверных изданий и предъявил с указанием страниц и сроков выхода в свет речей и мыслей, осуждающих Россию, оскорбляющих её, несущих ей жестокий приговор и выражающих к ней и к русским людям ненависть и презрение.

В этом отношении книгу о русофобстве можно считать своего рода обвинительным актом. Автор предъявил достаточно аргументов, парирующих и обращающих в обвинения тех же русофобов, их безосновательные, вымышленные, злобные и полные презрения к России утверждения. Фактическая сторона русофобии вынудила Шафаревича остановиться на том, что вся враждебная России и всему русскому желчь имеет „национальный аспект”. Этот аспект состоит в том, что злоба и ненависть к России изливается не столько со страниц английской, французской или американской печати, сколько из еврейских источников, со страниц сочинений так называемых диссидентов, редакторов и публицистов русскоязычной прессы, издающейся на Западе, советологов, научных сотрудников, консультантов различных западных учреждений, занимающихся „русским вопросом”, или же советских публикаций, авторами которых являются евреи, зачастую прикрывающиеся русскими псевдонимами. Откуда эта ненависть? Что служит её побудителем?

Сюда же естественным течением мысли вступает и поразительная тема об участии евреев в подготовке революции, в терроре 1904-го года, в командной роли евреев в забастовках, в организации и установлении революционных властей и во всех преступлениях коммунистической партии. В результате, у читателя может сложиться впечатление, что книга о русофобии написана как проявление так называемых антисемитских, юдофобских настроений. Мало ли что может придти в голову читателю легкомысленному! В угоду такому читателю, ищущему „сильных ощущений”, можно бы порекомендовать кучу трудов легкомысленных писателей. Но нет! Перед нами вопрос весьма серьезный, что ясно уже из того, как сам автор относится к нему, видя в его освещении долг своей жизни.

Суждения И. Шафаревича о „Малом Народe” наталкивают на мысль, что под этим „Малым Народом” подразумевается еврейство, внедрившееся в среду „большого” народа России, русского, то есть, народа, во всей его многоликости.

Хотя нам и не встречалось на страницах еврейской печати видеть публикации, в которых высказывалось бы доброе слово о России, на основании частных, личных отношений с евреями мы полагаем, что если бы евреи были опрошены, то едва бы русофо-

бы нашли серьёзную поддержку тех, от чьего имени они выступают. Положение, наблюдаемое сейчас на Русской земле, на мой взгляд, свидетельствует, что „Малым Народом” в том смысле, как он определён Шафаревичем, там является не еврейство, а большевистская партия и все, кто с нею согласны по внутреннему решению совести. Опасность от этого не делается меньше. Она тем более очевидна, что на Русской земле действительно возник слой „партбилетчиков”, заранее согласившихся со всем, что отвечает интересам „Малого Народа”. В этом смысле и написан и, думается мне, всеми должен быть принят к исполнению призыв И. Р. Шафаревича *к отысканию и созданию оружия духовной защиты* нашей родины - России от разрушения несомого, распространяемого и исполняемого „Малым Народом», к какой бы национальности он ни принадлежал. Этот призыв требует, прежде всего, выяснения причины, в силу которой „Малый Народ» оказался пропитанным такой жестокой ненавистью к России и ко всему русскому. Отсюда, думается мне, если устранить причину, то изгладится и ненависть, разумеется, при добром расположении тех, кого это касается. Попытка отыскать эту причину и побудила меня взяться за перо. Я хочу знать, почему люди ненавидят мою родину, хочу умиротворить эту ненависть, хочу, наконец, защитить честь моей родины, которую все эти советологи так нагло и так гнусно оскорбляют при безсердечном безучастии окружающего мира.

* * *

В своей историко-философской экспозиции темы И. Р. Шафаревич, вводя понятие о „Малом Народ», говорит:

„Речь идёт о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией - или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму? Иначе говоря, вопрос о том, чем считать общество: *организмом* или *механизмом*; *живым* или *мёртвым*.

Согласно первой точке зрения, человеческое существо сложилось в результате эволюции „норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, религиозных). Эти „нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникали как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершался на основе всей предшест-

вующей истории. Будущее рождается прошлым. Историей (с большой буквы! - как поставил автор, дав слову „История» особый смысл, добавлю я. - Н. К.), совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятых решений. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: „Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые»). Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыками: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между „материалом» и „творцом» лежит пропасть; „творцы» не могут воспринимать материал как таких же людей (это помешало бы их обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. ***Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов*** (разрядка моя - Н. К.). Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую - независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов - насильником. Вот на этом-то пути возникает общество, лишённое свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась».

Наблюдение – более, чем блестящее! Можно было бы поспорить с И. Р. Шафаревичем о том, - выбор ли концепции зависит от психологического типа выбирающего или же концепция зависит от выбора, к которому а-priori склоняется психологический тип. Мы *здесь* воздержимся от этого, опасаясь не во-время вступить в

полемику о том, - курица ли из яйца, или яйцо из курицы? Из следующего изложения станет видно, в чём и как себя являет это соотношение „между яйцом и курицей», а здесь и сейчас нам нужно остановиться вниманием на картине нынешнего дня, где выбор уже сделан.

* * *

С тех пор, как оюществленная мысль Европы, то есть где-то в XVI веке, предалась во власть принципов позитивизма, рационализма, эмпиризма и, наконец, материализма, „вторая точка зрения» занимает господствующее положение *во всём міре*. Нужно ли это доказывать? Ведь простым глазом видно, что этому принципу подчинена половина міра находящаяся во власти марксизма, а другая половина руководствуется принципами планирования постановки практических целей и исполнения их руками людей, имеющих нужные познания и навыки. Это особенно ярко видно по деятельности Организации Объединённых Наций. Не так, так иначе жизнь протекает в наметках планов и в их исполнении.

В то же время наблюдаем, как вопреки воле властителей, держащихся второй точки зрения, на наших глазах в жизни возникают и протекают именно те „сложные процессы», из которых рождаются и из прошлого вступают в настоящее вещи, никак не предусмотренные и образовавшиеся „совсем не по нашим замыслам». Отсюда возникает конфликт, в котором обнаруживается, что жизнь человечества протекает не по схеме, отвечающей второй точке зрения, конфликт, в котором как в лихорадке трясётся весь мір. Причина этой тряски в том, что люди, в силу своего психологического типа, решили, что первую точку зрения вообще можно и нужно похерить. О ней забыли. Правда не все. От имени тех, кто не забыл и говорит И. Р. Шафаревич. От их имени говорю и я, углубляя раскопку центра проблемы, так ясно намеченной автором „Русофобии».

Надо от души поблагодарить И. Р. Шафаревича за точную формулировку в описании двух точек зрения и в связи с этим двух психологических типов, и тут же надо сказать, что *здесь проведён не только водораздел, определяющий ту или иную склонность. Нет! Тут показана линия фронта борьбы... не точек зрения, а двух міровоззрений, двух нравственных расположений, бо-*

рющихся в сердце человеческом, в жизни общества, в жизни человечества с тех пор, как оно существует. Между этими двумя мировоззрениями идёт отчаянная борьба. Конфликт между ними - есть подлинная, единственная и глубочайшая тема всей мировой истории.

Размышляя об этой борьбе Гёте назвал одну сторону верой, а другую - неверием. Вот его слова: «Das eigentliche, einzige und tiefste Them der Welt- und Menschengeschichte, dem alle ubrigen untergeordnet sind, bleibt der Konflikt des Unglaubens und Glaubens» („Подлинной, единственной и глубочайшей темой истории мира и человечества, темой, которой подчинены все остальные, является конфликт между неверием и верой”).)

Крепко сказал мудрец. Ярко и выразительно. Но спросят, - а при чём же здесь вера, если речь идёт о точках зрения? Отвечаю: эти точки зрения есть то, в чём коренится мировоззрение человека, его таинственная, внутренняя жизнь, его личность. Для определения психологического типа это есть не только самое центральное, но это есть всё.

Гёте известен не только как поэт и как мыслитель. За ним утвердилась так же слава великого язычника. “Der grosse Heide”. Языческая психология времён немецкого идеализма не дала ему дойти до ощущения корней духовной жизни и особенно до чувствований, относящихся к способности ума доходить до глубин сердечных движений, из которых исходят как вера, так и неверие.

Корнями же этими являются *смирение и гордость*.

Смирение определяющее: безмолвно признать и принять что события, совершающиеся в *мироздании и в жизни общества и человека*, происходят от воли Божией, превышающей силы и возможности человека, от всеблаготворной воли Божией, приглашающей человека для его же блага к сотрудничеству и к подчинению высшей, божественной воле и к полному преданию себя в эту высшую волю, в руки её Носителя. Отсюда безмолвная преданность воле Божией, принятие и бережное хранение прошлого.

С другой стороны - гордость. Видим её в уме человека в его духе, в сознании собственного достоинства, которое *при ослаблении внутреннего контроля совести* склонно перерастать в чувство собственного превосходства не только над окружающим

міром, но и над той другой высшей волей. Ощущение такого собственного превосходства способно перерасти в страсть, то есть в неукротимое и неконтролируемое желание, нарастающее по мере своего удовлетворения. Но эта страсть не может быть удовлетворена. Человек не может преодолеть воли Божией. Тогда его сердце ведёт его к полному отрицанию Божественной воли, к отрицанию бытия Бога, к атеизму.

Так, проникая вглубь максимы, чётко обрисовавшей центр конфликта истории міра и человечества, мы находим, что узловым местом тут является *борьба гордости против смирения*. Намерение гордости целиком подавить и уничтожить смирение и намерение смирения разоружить гордость и привлечь её на свою сторону для всеобщего блага.

Эта борьба и есть наша история, и через призму этой борьбы можно видеть корни русофобства и с этим призвать русофобов к здравому смыслу и доброй совести.

Исторически, борьба гордости против смирения во всей страшной яркости себя явила в событиях Нового Завета, описанных в Евангелии, благовествующем о последовательной, совершенной и абсолютной консоммации добродетели смирения при её встрече с пороком гордости, что выразилось в Крестной Смерти Иисуса Назорея, Сына Божия, в Смерти, которою Он победил Адамов грех, суть которого содержалась не в чём ином, как именно в гордости. Здесь в консоммации всей тайны Боговоплощения, совершилась победа Христа Спасителя над грехом, здесь было устранено проклятие и поправа смерть и торжество добродетели смирения себя вполне явило в Воскресении Христовом.

И здесь Израиль разделился. Апостолы и все, кто за ними последовали (даже до нашего поколения) избрали смирение. Синедрион и все, кто рабски последовал за ним (даже до нашего поколения) избрал гордость.

Разделению этому в среде Израиля были причины, корни которых надо искать в истории, о которой у нас мало кто имеет надлежащее представление. К сожалению, даже сама Библия в дни нашей современности, издаётся так, что повесть об исторических событиях Израиля обрывается около конца Вавилонского плена. Между тем на Святой Земле тогда завязалась чрезвычайно „много-

гранная» борьба, в которой различные группировки, имели каждая свою цель. Тут был Синедрион, считавший себя возглавителем народа и страны, тут были фарисеи, обрядоверцы, тут были потерявшие веру саддукеи, тут были благочестивые иесееи, заботившиеся о чистоте Св. Писания и ведшие аскетическую жизнь, были и воинствующие патриоты, подымавшие вооружённые восстания против чужой власти Римской империи, были и Ирод со своими сторонниками, искавшие примирения с Римскими властями, и была, по-видимому, вкрапленная повсюду, группа чисто верующих иудеев, из среды которых явились такие личности, как „священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его Елисавета», или благочестивая чета Иоакима и Анны и семьи, из которых произошли св. Апостолы.

И всё это находилось в напряжённом ожидании Обетованного Мессии, тем более, что в эту пору исполнилось „семь седмиц до Христа», предсказанные св. пророку Даниилу. Ждали гордого торжества Израиля, восстановления Царства Израильского, ждали Царя Израилева в тех формах, которые легче всего было себе представить, под недавним впечатлением империи Александра Македонского. Спаситель же явился не так, как его ждало неверие, а так, как было предсказано боговдохновенными пророками, как „Отрок избранный Богом, Который льна курящегося не угасит»...

Напрасно молва толкует, что де мол евреи не приняли Иисуса Христа, что они отвергли Его. *Его отверг Синедрион*, отщепившийся от народа Израильского, который тем не менее составил обетованное ему во Христе „царственное священство», как сказал св. Апостол Петр, обращаясь к уверовавшему Израилю, рассеянному в „Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифянии» (1-е Пет. 1,1). „Не отверг Бог народа своего» (Рим. II, 2).

Обратим взор в глубь веков. Прежде чем преподавать Свой Закон, то есть ещё в пустыне Синайской, Господь через пророка Моисея воззвал к еврейскому народу, говоря: „Если будете слушаться гласа Моего и соблюдать Завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете царством священников и народом святым» (Исх. 19,5 и 6). И весь народ единогласно отвечал, говоря: „Всё, что сказал Господь исполним и будем послушны» (- 8 -). Тогда, и не ранее того, ибо дал Господь человеку свободную

волю и никогда слова Своего не нарушил!.. тогда Господь преподавал Израилью Свой Закон (Исх. 20 гл. и далее).

Но вот когда явился „**конец Закона - Христос**», тогда Синедрион, **не покорившись праведности Божией** нарушил своё слово, явил непослушание гласу Божию, не соблюл Завета, и дом его остался пуст (Матф. 23,38).

Но ревность Господа сделала, что в доме Иудином уцелел остаток из Иерусалима, и пустил корень внизу и принёс плод вверху. Так истинный Израиль оказался „остатком», как пишет св. Апостол Павел в Послании к Римлянам.

Так образовалась Церковь Апостольская, обращаясь к которой св. Апостол Петр говорит: „Вы - род избранный, **царственное священство**». И это явилось свидетельством непрерывности наследования Божественного Обетования от кровных детей Авраама ко всем детям рода Авраамова, „боящимся Бога» к Церкви Христовой.

Что же удержало Синедрион от признания Галилейского Проповедника? Я не вижу другой причины, кроме гордости.

Не забудем того, что от Моисея до Христа Спасителя евреи были единственным народом высочайшей нравственности Божественного Закона, данного Богом. Это десять Заповедей. Это „Декалог». Весь мир вокруг Израиля, не зная Бога, не имел представления о том, что возможна нравственность, отвечающая поведению, предписанному в 6-ти последующих Заповедях на основании первых четырёх. Человечество не знало понятия греха и римские нравы, лишь частично описанные св. Апостолом Павлом в послании к Римлянам, были обычными во всех народах, **кроме еврейского**. Нравы же эти, даже по нынешним представлениям, понимаемые как гнусные, господствовали во всех народах, кроме иудейского. Это воспитывало в иудейском народе глубокое презрение ко всем „гоим», ибо они действительно были мерзки и отвратительны. С этой гордостью евреи вступили в область христианской жизни и влияние это потребовало особого внимания от Апостолов при образовании ячеек христианской Церкви, ибо сила привычки заставляла христиан из евреев чуждаться христиан из язычников. И если такие чувства среди евреев сохранились в христианской среде, то среди последователей Синедриона, как говорится, -кольми паче!

К этой гордости присоединилось то, что свойственно человеческим эмоциям, то есть, разрастание чувств в страсти, и с этой-то гордостью русофобы и не могут расстаться до нынешнего дня. К этому прибавилось оскудение веры, вползавшее в еврейскую среду, как оно вползало в сердца всего населения европейских стран. Оскудение веры не могло не повести к неверию, что открыло дверь ненависти и презрению, которыми дышат все строки русофобов. Неудивительно, что они с особенным презрением говорят о смирении, которое они не могут себе представить иначе, как раболепство. Когда же мы познакомимся с высказываниями их корифеев, то мы увидим, что ими овладела та самая гордыня, которая послужила причиной падения Денницы, сына зари, говорившего в сердце своём: „Взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис. 11, 14).

В ином аспекте эта же борьба явлена у греков. Здесь видим борьбу осуждённых к смирению. Их цель - освободиться от тягот, возложенного на человека высшей волей. Гордость отталкивается нести возложенные на человека тяготы. Она вступает в борьбу против божеств и терпит поражение. Здесь Прометей в своём восстании против всего, что он считает несправедливым со стороны Зевса. Здесь борьба титанов! В этой борьбе, себя так же являет борьба гордости против смирения, перерастающая в неверие, в отрицание божественных сил, которые Прометей не в силах преодолеть. Тут столкновение надменной гордости Прометея с неодолимой силой Зевса.

Восстание Прометея издавна служит символом революционной борьбы за идеалы, на первый взгляд выражавшие справедливое восстание во имя справедливости, но при более внимательном рассмотрении оказавшиеся страстными желаниями гордости, не терпящей над собою никакого превосходства. Отсюда первый призыв к революционному восстанию. Он раздался со страниц „Двух трактатов» Дж. Локка и получил распространение от сексуально извращённого Руссо, который повторив мысли Локка, начал свой знаменитый „Общественный договор» словами: „Человек рождается свободным и тем не менее повсюду живёт в цепях». Эти слова повели слепую массу на штурм Бастилии 14-го июля 1789 года.

Постоянное единство между гордостью и революцией, таким образом, объясняется тем, что все явления революции непременно объединены с атеизмом и богоборчеством. Гордость не терпит никакого превосходства над собою. Она не терпит над собою никакой власти. Она начинается там, где **человек в сердце своём говорит: „Да будет воля моя!“**. „Я - высочайшее существо в этом мире. Выше меня не может быть никого!“.

Поэтому революция отвергает Бога, поэтому она издевается над смирением. Как сказал библейский мудрец: „Мерзость гордому смирение“. Надменный Прометей не желает терпеть над собою ничего, что было бы выше него. Здесь достойно пристального внимания то, что в XIX веке Карла Маркса именовали Прометеем и что в своей известной диссертации он торжественно провозгласил Прометеевы слова с вызовом ненависти ко всем богам и с громогласным утверждением, что, - **„высочайшим божеством в мире является человеческое сознание!“**. Это восклицание Карла Маркса поразительно в том отношении, что оно почти дословно высказано словами Апостольского пророчества о том, что незадолго до Пришествия Христова, явится на земле **„человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею“**.

В этом звучит торжество психологии второй точки зрения!

Обратите внимание на то, что в нынешнем году весь мир будет праздновать двухсотлетие Французской революции, и не слышно ни звука голосов, которые покаянно осудили бы этот исторический момент нравственного падения человечества. С великой **гордостью** они будут торжествовать победу своих идей, своих лозунгов, победу измышленных ими законов, поставленных ими на место естественных законов жизни. Тут русофобы услышат любимые для них чванливые песни и будут анализировать современность, измеряя условия жизни мерками, установленными Французской революцией.

Обратим свой взор к России. Мы только что отпраздновали Тысячелетие Крещения Руси. Много было сказано хорошего, но что-то помешало во всю откровенность говорить о том, что **избрав святое Православие Русь избрала своим идеалом не что иное, как смирение**. Сам Великий Владимир, с принятием Христиан-

ской Православной веры, из неукротимого воителя превратился в щедрого творителя милостыни. Подвиг святых страстотерпцев Бориса и Глеба занял в памяти русского народа великое почётное место, и далее, в подвиге Святых, в земле Российской просиявших, видим, как бы сказать, торжество подвига смирения.

До последнего времени, пока Россия имела возможность раскрывать свою мысль, русская душа твердила о смирении. Словно сегодня слышен призыв Н. В. Гоголя: „На колени перед Богом!«... Словно не просохли ещё чернила на страницах, где Достоевский призывал:

Смирись, гордый человек!

Но... „Мерзость гордому смирение», - говорит библейский мудрец. Как бы в ответ на русскую мысль о смирении, слышим полные презрения выпады русофобов. В наших ушах слышен звон мечей, ударивших друг о друга.

Гордость против смирения! Мы оказываемся перед непримиримым противоречием, и если мы теперь призываем русофобов к умиротворению их страсти, то можем это делать, только обратив их ум и сердце к Тому, Кто смирением победил гордость. На Голгофском Кресте гордость была побеждена. Побеждена, но не для всех. Крест оказался „для Иудеев соблазн, для Эллинов безумие». Но не все соблазнились, не все предалились безумию. *Для призванных Иудеев и Эллинов - Крест есть Божия сила и Божия премудрость»* (1-ое Кор. 1, 24). Вот к этой мудрости мы и призываем русофобов.

— Протрите глаза, господа! Посмотрите трезво на то, что происходит на глазах нашего поколения. Умейте делать выводы из того, что вы видите. Вне малейшего сомнения в столкновении двух мировоззрений, двух точек зрения, как выразился И. Р. Шафаревич, перед нами происходит столкновение *двух духовных начал*, ибо как смирение, так и гордость относится к духовной жизни человека. Но не довольно ли философской терминологии, когда вещи надо называть своими именами! Вспомните слова Льва Тихомирова: „При отрицании реального, самостоятельного бытия духов, - в истории ровно ничего нельзя понять».

Не станем же „переть против рожна», когда перед нами открывается очевидность. Здесь действует сам „князь мира сего»! Обра-

титесь к сердцу! Мы ищем людей, психологический тип которых, направлял бы общество к выбору **міровоззрения первой точки зрения**. Где же „курица” и где „яйцо”?

Прислушайся к своему сердцу и оно тебе ответит, как только ты ощутишь движение твоей свободной воли. Вот мы с тобою стоим у „развилки”. Помнишь, как то в былинах богатырь перед камнем с надписью? Так и свободе нашей указано то самое, что было указано Моисею и всему Израилю: „Избери жизнь!” Вечную жизнь! Это во Второзаконии. Избери жизнь, потому что на другой стороне смерть. И хотя воля твоя не всегда готова склоняться в сторону вечного духа, и колеблется в угоду плоти, ибо между духом и плотью всегда была борьба, у нашей воли есть маяк и от расположения к нему зависит всякое решение, всякое избрание, всякий шаг.

Этот маяк - есть Крест. Этот маяк - есть Распятый на Кресте. Этот маяк - есть Бог, против которого восстали люди, сбитые с пути неправильным выбором. Бог и сегодня призывающий всех к Себе ради вечной жизни, ради вечного блаженства. Обращение к Нему и определяет психологически тип человека, делающего выбор. Вот здесь и лежит водораздел, здесь причина **ненависти и презрения к России** со стороны русофобов, ибо для них Крест есть соблазн или безумие, и ненавидят они не нас и не Россию, а Иисуса Христа, на Кресте победившего гордость.

Эта причина устранится тогда, когда русофобы поклонятся Кресту, на Котором был распят Иисус Назорей Царь Иудейский. Здесь мудрость бросает вызов к сердцу русофоба, говоря: Есть ли в тебе мужество, чтобы подавить чванство гордости и склониться перед непреодолимой силой Божьего Закона, являемого в бытии міра, или же ты безхарактерная „овца из Панургова стада»? Истина ждёт твоего ответа.

Вот в этом пункте и надобно искать оружие духовной самозащиты от зла, одолевшего нашу родину, памятуя, что борьба не нами началась и не нами кончится, а мы всё же сделаем всё, что в наших силах, чтобы преодолеть бедствия, принесенные нашему народу властью „Малого Народа», гордых партбилетчиков.

Много сказано в книге И. Р. Шафаревича о сталинщине, но хочется добавить, что это явление **всемірной революции** могло иметь место лишь при одобрении международных сил „Малого

Народа». **В сталинщине явила себя ложь революции.** Как могут сегодня смотреть в глаза своей аудитории те учёные, которые вчера провозглашали, что Сталин гений? Те самые органы печати, те самые пропагандисты, которые вчера славил Сталина, сегодня выступают с критикой и разоблачениями своих собственных аргументов. Как так? Да очень просто. **Их отец - это отец лжи.** Они ему служили и служат, и только трезвым сердцем веры раскрывается правда, что в сталинщине себя явила **„мерзость запустения“**, предсказанная в пророчествах о близости Последнего Суда Божия.

Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир не думал о том, что его подвиг, его благодатное влияние распространится „от Невских берегов до пламенной Колхиды“, но Великая Российская Империя явилась именно из его подвига. Много сделать мы не можем, но путь к святости открыт каждому из нас, а без этого Святая Русь не восстановится. Взыщи святости, русский человек, открой сердце свое Христу Спасителю... и положишься на волю Божию.

Дверь ко Святой Руси открыта всем, включая и русофобов, которые пожелали бы отвергнуть свою злобу. А к тем из них, кто станет упорствовать в своей гордости, в ненависти, в заблуждении зла, обратим иные русские слова, сказанные по другому поводу, но отвечающие нашей мысли.

Над гробом Пушкина, обратясь к косвенным виновникам его смерти, Лермонтов в справедливом гневе восклицал:

...Есть Божий Суд, наперсники разврата!

Есть грозный Судия. Он ждёт.

Он недоступен звону злата

И мысли и дела Он знает наперёд.

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью,

Оно вам не поможет вновь

И вы не смоете всей вашей чёрной кровью

России праведную кровь.

Пост скрипт: Я принадлежу к числу тех русских людей, которые не читали о революции. Я не слышал о ней. Я её видел, я знаю её в лицо. Я подписываюсь подо всем, что написал Солженицын в „ГУЛАГе“, хотя я не читал этой книги. Я видел не горы трупов, а просто голые трупы, лежавшие на улице по четыре дня. Я видел

грабежи, погромы богатых домов, я видел чекиста, извращённого в своей ненависти, порождённой завистью. Он искал доводов, чтобы убить „преступника», человека из „бывших».

Знаете ли Вы, что такое „нуаяда»? Это когда во Франции гильтина не успевала убивать всех, кто предназначен к смерти. Тогда просвещённые революционеры сажали сразу сотни людей на корабль, отводили его на глубокую воду и там топили, закрыв все двери, чтобы никто не спасся. Такое же было применено в Феодосии в 1921-м году.

Я видел... разве всё опишешь? Я видел, как крестьяне голосовали за то, чтобы земля у них была отобрана. Это была - сплошная коллективизация. Я видел, как рабочие единогласно голосовали за то, чтобы им платили вдвое меньше за ту же работу. Это было - стахановское движение. Я видел, как дружно люди голосовали за единый фронт коммунистов и безпартийных, избирая по списку с одним кандидатом. Я видел... я знаю. И я знаю, что *такого наглого издевательства над народом, такого морального извращения, такого явления, что называется советской властью*, никакой человеческий ум не в состоянии был бы изобрести. Для этого нужна злоба дьявольского гения. Поэтому, не спрашивайте у меня, верую ли я в самостоятельное бытие дьявола. **Я его видел!**

И когда я читаю злобные строки русофобов, я знаю, кто нашептывает им в ухо, и слышатся мне вещие речи церковного журнала: „*Мы переживаем знаменательную в истории мира и Церкви эпоху*”.

Не признав Галилейского Проповедника, Иисуса Назорея,- тем Царем Иудейским, Который был Сыном Божиим, Синедрион и его последователи, иудеи, не оставили своего исторического чаяния. Они ждали обетованного Мессию, видя его таким, как он отвечал бы их национальной гордости и достоинству. Талмуд говорит, что в отличие от всех древних народов, видевших свой „золотой век» в глубине ночи прошедших веков, евреи ждут, что этот век наступит в „последних днях», которые увидят апогей величия своего народа. Это будущее, по Талмуду, центрируется вокруг личности некоего „Машиах», которому Бог даст возглавить наступление новой чудесной эры.

«Кто же будет этот Мессия?... - спрашивает в своей книге Бирмингемский архисинагог д-р Коган. - Раввины, - продолжает он, - единодушно признают, что Мессия будет человек, которому будет вменено в обязанность совершить эту миссию. Талмуд не высказывает верования в какую бы то ни было „сверхчеловечность» Мессии» („Талмуд - учение раввинов в этике, религии, обычаях и юриспруденции», Париж, 1958 г., изд. „Пайо»).

Судя по неоднократным высказываниям раввинов, появившимся в издаваемой в Иерусалиме газете «Джуиш пресс», ожидание явления Машиаха никогда не было столь напряжённым, как в наши годы. „Мы - мессианское поколение!» - возглашают раввины, обращаясь к своим единоверцам.

По верованиям Св. Православной Христианской Церкви, ожидаемый раввинами Машиах, царь иудейский, будет именно тот антихрист, тот самый „беззаконник, которого Господь Иисус убьёт духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2-е Фес. 2,8).

У немцев и у англичан есть пословица, гласящая, что „Божьи мельницы мелют медленно». И тут же вложено понимание, что как бы медленно ни мололи, вращение этих жерновов Божиих судеб неумолимо и то, что должно быть, то будет непременно. Когда? Хоть и не скоро Бог скажет, но правду Он видит, и Он же сказал, что „доколе не прейдёт небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не перейдёт из закона, пока не исполнится всё» (Матф. 5,18). Вот сущность нашей современности!

Еще раз СПАСИБО И. Р. Шафаревичу за добрые мысли, за труд изложения деликатной темы без оскорбительных выпадов и за то, что и меня вызвал на откровенность.

„Конец и Богу слава!» - заканчивали свой труд наши летописцы. Так закончу и я.

Николай Кусаков
(«Вече» №33, Munchen, 1989)

**ВЛАСТЬ МЕЧА И ВЛАСТЬ ДЕНЕГ:
ХРОНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖИДОВСТВА**

Человек особого типа не может ощущать себя частью современного общества, поскольку оно лишено любой формы, поскольку оно не просто опустилось к уровню сугубо материальных экономических и физических ценностей, но даже не желает замечать существования других уровней. Индустриальная революция, и её постепенное развитие с начала XVI века, положила конец маленьким государствам и упрочила господство больших империй в Европе.

Когда рыцарь, который раньше удерживал границы мечом, потому что мир признавал единую валюту и единую плату - авторитет и кровь, стал теперь стоять вдвое больше обыкновенного из-за его новых доспехов и оснащения - маленькие войска или независимые рыцарские ордены перестали окупать собственное существование, а значит теперь единственной ценою стала окупаемость этого рыцаря, и как следствие - границы.

Перемены перешли от умения владеть саблей к умению безопасно носить кошель с золотом, маленькие сообщества такого не имели, а потому должны были или покориться империи, или стать ею.

Изменилась общечеловеческая философия с очевидного, тяглового идеализма на вынужденный материализм, который взрастил поколение людей с утраченными родовыми обязанностями, с утраченной безстрастной воинской честью, волюнтаризмом, заратустрианством... «Вооружённое общество — это общество взаимной вежливости. Манеры общения всегда становятся вежливыми, когда каждый должен отвечать за свои поступки собственной жизнью» (Роберт Хайнлайн).

Всё это им отбили крепкой материальной кувалдой, потому что когда раньше только абстрактный призыв мог принести тебе величие, теперь инструментом величия стало правильное исчисление казны, которое постепенно становилось большей и большей

проблемой, очевидно, что преболев всего она обрела свою инкарнацию днесь.

Воин, который раньше шёл в бой иногда в конфронтации с верховной властью, как рыцарь Сид, у которого после отвоевания земель и окончания реконкисты отобрали имения, однако борьбы он не предал, теперь при конфронтации воевать принципиально не шёл, потому что ему не доплатили.

Сообщества инертные к идеалистическому волюнтаризму теперь на всей скорости собственного духа сокрушились о скалу материалистической до мозга костей бюрократии. Так умерло знаменитое козацкое войско, не способное удержать современные темпы после недовершённого дела Гетмана Хмеля, которое и должно было их спасти от таких реалий. Как следствие, в **міре стал отмирать** волевой инстинкт, он начал отмирать у нации, родились всякоразные приверженцы политического паразитизма.

А ведь “Заратустрианство”, по факту, и формировало некогда основу **міра, без антиинтеллектуальных волюнтаристских действий** не было бы никаких Мойсеев, козацкого войска, крестовых походов, Римской и Британской империй и т.п. Все эти люди делали абсолютно иррациональные вещи по высшему велению, так и творили **мір**.

Вместо того ныне коллективный эгоизм, управляемый умственным централизованным квиетизмом свыше стал следствием власти денег в **міре**, а заратустрианство стало уделом “маргиналов”... Версальские кандалы Германии, отмирание роли наций в **міре**, общечеловеческий коллективизм, массовая деградация в развитии **міра - следствие власти денег, а позднее либерализма, интеллектуального и умственного квиетизма в міре**.

Великая Германия 1945-х - страшное зло и человеконенавистничество, но сейчас белый человек - это африканер начала 20-го века? Так и формируется разнствие власти силы и власти имущества, не видя дальше собственной индивидуальности, вызывая глобальный упадок наций, рас и человечества вообще, оправдывая это антиненавистничеством, считая деньги в карманах индивидуума взамен цветению великих явлений **міровой истории**, теперь ставить одного “политического жида” над великой расой стало более чем нормой - идеалом, обязанностью, теперь **Grandè**

Etrè («Великое Существо» О.Конта) запряталось, по мнению верховной денежной власти, в кармане того же единственного «политического жида».

Пример - это теперь не фигура «Глупой Головы» из Ницшева «Заратустры», а фигура Политического Жида - идеологии, которая не знает ценностей и обязанностей, воли и веры, но знает, как считать деньги.

Теперь никто не говорит: «так приказывает моё сердце», теперь все только всерьёз повторяют сарказм Заратустры: «кто в наше время руководствуется чем-то, кроме ума?», совсем не понимая, какая же откровенная насмешка крылась в его словах.

«Очевидно, только моя голова неправильно посажена мне на плечи, потому что все другие гораздо лучше знают, что мне нужно делать и чего избегать. Только сам я, жалкий безумец, не могу ничего посоветовать себе! Не похожи ли мы все на статуи, которым приставили чужие головы?» - Also sprach Zarathustra...

(Перевод – Роман Раскольников)

ИВАН ИЛЬИН: СВЕТОЧ РУССКОЙ ВОЛИ

Ярчайшим выразителем целей и ценностей, которыми живёт Русь и Русский народ, является проф. И.А. Ильин. Ильин посвятил себя философии, ставшей для него не академическим доктринёрством, а могучим орудием русской волевой идеи, средством мобилизации национальной жизни. На этом пути он неизбежно вступил в конфликт с режимом еврейских большевиков, выславших его из России, заставив жить на чужбине – в Германии и Швейцарии.

Первоначально Ильин приобрёл известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии он разрабатывает собственное учение, в котором продолжает традиции русской духовной философии. Анализируя современное общество и человека, Ильин считает, что их основной порок состоит в «расколотости», в противопоставлении ума сердцу, разума чувству. В основе пренебрежения, с которым современное человечество относится к «сердцу», лежит, по мнению Ильина, представление о человеке как о вещи среди вещей и о теле среди тел, вследствие которого творческий акт трактуется «материально, количественно, формально и технически». Именно такое отношение, считает Ильин, облегчает человеку достижение успеха чуть ли не на всех его жизненных поприщах, способствуя карьере, получению прибыли, приятному времяпрепровождению. Однако «мышление без сердца», даже самое умное и изворотливое, в конечном счёте релятивистично, машинообразно и цинично; «безсердечная воля», сколь бы упорной и настойчивой она ни была в жизни, оказывается, по существу, животной алчностью и злым произволением; «воображение в отрыве от сердца», каким бы картинным и ослепительным оно ни представлялось, остается в конечном счете безответственной игрой и пошлым кокетством. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у

других и встречает ее иронией и насмешкой». Ильин видит путь преодоления расколотости в том, чтобы восстановить в правах опыт как интуицию, как сердечное созерцание. Рассудок должен научиться «взирать и видеть», чтобы стать разумом, человек должен прийти к разумной и светлой вере «достаточного основания». С «сердечным созерцанием», «совестной волей» и «верующей мыслью» Ильин связывает надежды на будущее – на решение проблем, не разрешимых как для «бессердечной свободы», так и для «противосердечного тоталитаризма». Широкий резонанс получила работа Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой Ильин аргументированно критиковал учение Л.Н. Толстого о непротiwлении. Рассматривая физическое принуждение или предупреждение как зло, не становящееся добром от того, что оно используется в благих целях, Ильин считает, что за неимением других средств человек для противостояния злу не только имеет право, но и может иметь обязанность применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправданно называть только произвольное, безрассудное принуждение, исходящее из злой воли или направленное к злу.

Верный «великим монархическим традициям и историческим святыням» России, Ильин всю свою жизнь был последовательным сторонником монархического принципа. «Мы должны, – писал он в проекте письма к итальянскому королю, – утвердить “великую историческую роль” монархической идеи, “её священное, жизненное и творческое значение”. Должны “создать и выдвинуть апологию монархического начала, его религиозную глубину, его нравственные преимущества, его художественную красоту и его государственную патриотическую силу». Полемизируя со своими либеральными оппонентами, Ильин писал: «Монарх отнюдь не противостоит народу, но живёт в сердце и в воле каждого из своих подданных; монархия отнюдь не идёт против справедливого равенства людей; монархия отнюдь не пренебрегает земною пользою...» и т. д. Будучи сторонником твёрдого монархического принципа в государстве, Ильин был противником марионеточных монархий вроде английской, видя в них орудие масонских кругов. Сохранилась секретная записка Ильина генералу П.Н. Врангелю, в которой он разоблачал планы масонских кругов создать «монархию» в России по образцу английской и возвести на престол «императора Кирилла I».

В 1929 году он писал: «Особое место занимает сейчас признание заграничного масонства, русские ложи работают против большевиков и против династии. Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для неё свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружён ими или сам станет членом их организации... по-прежнему их главная задача – конспиративная организация своей элиты, своего тайноглавенствующего масонского “дворянства”, которое не связано ни с религией, ни с политической догмой, ни политической формой правления» («Всё хорошо, если руководится нашей элитой».)

Масоны готовы поддержать Кирилла Владимировича и деньгами. «Проявившийся манифест вел. кн. Кирилла, – продолжает И.А. Ильин, – не был для меня полной неожиданностью. Ещё в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за вел. кн. Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, ещё не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 года конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением её у вел. кн. (он не знал о ней!)». На нужды «Императора» должно отчислиться от этой продажи около 150 млн франков золотом. Сведения были абсолютно точные... Расчёты масонов были двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на престол слабого, неумного и, главное, кооптированного масонами и окружённого ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на престол нельзя было выдумать... К сожалению, вокруг вел. князя стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов. – О.П.), или же рассуждающие так: вопрос трона есть вопрос хлеба и денег.

Выдающийся вклад Ильин внёс в разработку русской национальной идеологии. В своём докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге в 1934 году, он формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. «Мы должны сказать всему остальному миру, – заявлял он, – что Россия жива, что хоронить её – близоруко и неумно; что мы – не

человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом “перессорились” и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить свои личные счёты с простолюдином или “инородцем”»).

В России грядёт всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой: «Страна вскипит жадой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут “работать” на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи»).

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах – и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное – воспитание в Русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим Русским народом, то есть его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой»).

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и безформенно» в России и более или менее открыто за рубежом: «отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождём, национальным

диктатором, Русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

Книга «Национальная Россия. Наши задачи» была задумана Ильиным как серия закрытых статей 1948–1954 годов для членов Русского общевосточного союза (РОВС). Рассылались они размноженные на гектографе с грифом «Еженедельный листок только для единомышленников» и считались своего рода идеологическими инструкциями для борцов за Великую Россию против всех её ненавистников. Эти статьи были мощным оружием в борьбе за Россию, и при распространении мыслей и идей, содержащихся в них, полагалось соблюдать конспирацию, о чём была написана особая статья.

Первые статьи были очень краткими и выходили как письма, и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто имел пишущую машинку. Позднее возможность расширилась, и статьи стали выходить в виде бесплатных бюллетеней. Только через два года после смерти автора все 215 статей удалось издать типографским способом отдельной книгой. Опубликованная в 1956 году, она стала программой действия для русских патриотов с обозначением главных задач, которые предстоит выполнить русским людям, чтобы возродить Великую Россию. В этой книге Ильина выкристаллизовывается идея русского духовного патриотизма, который «есть любовь».

Патриотизм по Ильину – высшая солидарность, сплочённость в духе любви к Родине (духовной реальности), есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении.

Патриотизм живёт лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святыни своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу

в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век в работах и страданиях, в падениях и подъёмах. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колюдцям духа. По Ильину национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Наконец, национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не тёмная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия.

Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину следующие: вера в Бога, историческая преемственность, монархическое правосознание, духовный национализм, российская государственность, частная собственность, новый управляющий слой, новый русский духовный характер и духовная культура.

В статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что основная задача русского национального спасения и строительства «будет состоять в выделении кверху лучших людей – людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой – новая русская национальная интеллигенция, должен будет прежде всего осмыслить заложенный в русском историческом прошлом «разум истории», который Ильин определяет следующим образом:

– Ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных – дорогу честности, уму и таланту!

– Принадлежность к ведущему слою, начиная от министра и кончая мировым судьёю, начиная от епископа и кончая офице-

ром, начиная от профессора и кончая народным учителем, есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

– Новая русская элита должна «блюсти и крепить авторитет государственной власти... Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, её силы и всеобщего доверия к ней».

– Указанные требования и условия предполагают ещё одно требование: новый русский отбор должен быть одушевлён творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его». Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведёт Россию к добру. Нужная новая идея – «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности.

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутьё к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия её не воссоздать. Без этого Русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзётся в хлябь и в грязь».

Ильин, конечно, отдаёт себе отчёт в том, насколько трудна эта задача, весь процесс покаяния и очищения, но через этот процесс необходимо пройти. Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей – в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания.

Покаянное очищение – только первый этап на пути к решению более длительной и трудной задачи: воспитание нового русского человека.

Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновлённых основах. Это значит, что русские люди должны:

- научиться веровать по-новому, созерцать сердцем – целно, искренно, творчески;

- научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания;

- научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией;

- воспитать в себе новое правосознание – религиозно и духовно укоренённое, лояльное, справедливое, братское, верное чести и Родине;

- воспитать в себе новое чувство собственности – заряжённое волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви;

- воспитать в себе новый хозяйственный акт – в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротою и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

(Печатается в сокращении.)

Источник: <http://www.rv.ru/content.php3?id=15018>

КРАСНЫЙ ЧОРТ СТРАГОРОДСКИЙ И СЕРГИЯНСКОЕ ТРУПОЛОЖЕСТВО

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем жёлтый чёрт отличается от чёрта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против всяких чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, всё равно), — а для предпочтения синего черта жёлтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

Из письма ВИЛа Максиму Горькому, ноябрь 1913

«Чекистский ренессанс» в СССРФ, давно уж перешёл в **«советский реваншизм»**, с нахрапом продвигающийся по всем азимутам. Вполне ожидаемо, онный «реваншизм» озаботился ореализацией **«сергиянства»** - выполняющего роль «алтаря Сатаны» в Красном Тампле... Активизировались «работы» не просто по «реабилитации» Сергия и его «дела», но — по его «канонизации». Вот недавнее сообщение официального сайта МП:

«15 мая 2024 года исполнилось 80 лет со дня блаженной кончины Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). Утром Божественную литургию в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове г. Москвы, где погребён Святейший Патриарх Сергей, совершили: митрополит Воскресенский Григорий, управляющий делами Московской Патриархии, первый викарий Патриарха Московского и всея Руси по г. Москве; митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий; архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома, руководитель Административного секретариата Московской Патриархии, настоятель Богоявленского кафедрального собора г. Москвы; духовенство Нижегородской митрополии и г. Москвы. У могилы Святейшего Патриарха Сергия был установлен венок от Святейшего Патриарха Московского

и всея Руси Кирилла. По окончании Литургии у могилы Патриарха Сергия в Никольском приделе Богоявленского собора Святейший Патриарх Кирилл совершил пасхальную панихиду по приснопамятному двенадцатому Предстоятелю Русской Православной Церкви. Перед началом заупокойного богослужения Святейший Патриарх Кирилл обратился к верующим с Первосвятительским словом:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Дорогие отцы, братья и сестры!

Сегодня 80 лет со дня кончины Святейшего Патриарха Сергия. И в Елоховском соборе, некогда кафедральном соборе Первопрестольного града, где покоятся останки Святейшего Патриарха, мы совершаем заупокойное богослужение и молим Господа о том, чтобы Святейший Сергий, так много потрудившийся для сохранения нашей Церкви, для продолжения её существования в стране, где победило воинствующее безбожие, был принят в святые небесные обители и чтобы в народе сохранялась вечная молитвенная о нём память.

Святейший Сергий действительно служил Господу и Церкви нашей, наверное, в самый страшный период её истории. Даже монгольское иго невозможно с ним сравнить, потому что монголы стремились опустошить нашу землю только ради материальной выгоды; им нужны были наши богатства, но они не трогали наших душ. А вот безбожной власти, которая захватила страну нашу и оказывала колоссальное влияние на народ, нужны были наши души. Им не нужно было, чтобы на земле Русской продолжала существовать Православная Церковь и чтобы она хоть как-то влияла на сознание жителей тогдашнего Советского Союза.

В это тяжелейшее время Господь и призвал к высшему служению Святейшего Патриарха Сергия. Многое осложнилось ещё и в связи с началом Великой Отечественной войны: фронт разделил нашу Церковь на тех, кто оставался на территории тогдашнего Советского Союза, и на тех, кто находился на оккупированной территории. Возникло множество проблем и конфликтов на этой почве, и всё это было в повестке дня Святейшего Патриарха Сергия — и трудности, связанные с войной, и трудности, связанные с борьбой за выживание Церкви в безбожной стране.

Поэтому действительно трудно сравнить крест, который нёс этот Патриарх, со всем тем, что выпадало на долю иных Перво-святителей земли Русской. Святейший Сергей, будучи прекрасно образованным человеком, одним из самых выдающихся иерархов нашей Церкви ещё в дореволюционный период, обладавший огромным влиянием и авторитетом, не потерял этот авторитет. Опираясь на абсолютное признание и поддержку со стороны духовенства и народа, Святейший в то тяжёлое время сумел провести корабль нашей Церкви. Не без потерь, потому что закрывались и храмы, и монастыри, — однако не только при Патриархе Сергии, но и в последующие годы, вплоть до совсем недавних времён.

Мы вспоминаем Святейшего Патриарха как исповедника. Он не был мучеником, но всё его служение на посту Патриаршего Местоблюстителя и Патриарха было, несомненно, исповедничеством. Он сумел сохранить единство нашей Церкви, восстановить его там, где оно было порушено. Он сумел призвать к епископскому служению архиереев, находившихся в заключении. Ему удалось договориться с главой государства Сталиным о том, чтобы из лагерей и тюрем были отпущены наши архиереи и священники. Другими словами, многое из того, что Святейший делал в то время, оставалось неизвестно очень многим. Но нужно ещё раз подчеркнуть, что Господь призвал его к высшему служению в нашей Церкви в наисложнейший период её истории, и Святейший Сергей достойно пронёс крест Первосвятителя Церкви Русской в ту страшную эпоху.

Получилось так, что Елоховский собор в советское время стал кафедральным собором города Москвы и главным храмом, где совершал богослужения Святейший Сергей, а потому и погребён он именно в этом храме. А сегодня под этими историческими сводами Богоявленского кафедрального собора нам предстоит совершить молитвенное поминовение о Святейшем Патриархе Сергии, испросить у Господа прощения его грехов, «ибо несть человек, иже жив будет и не согрешит», и вспомнить его светлое имя и ту великую роль, которую он сыграл в годы своего Первосвятительства.

Вечная память Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Сергию! Совершим заупокойное богослужение. Аминь».

Его Святейшеству сослужили: митрополит Воскресенский Григорий; митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий; архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома; епископ Раменский Алексей, личный секретарь Святейшего Патриарха Кирилла; протоиерей Борис Обрембальский, старший священник Богоявленского собора; протоиерей Михаил Райчинец, клирик Богоявленского собора; духовенство Нижегородской митрополии и г. Москвы.

В храме присутствовали: президент Российской академии образования доктор исторических наук О.Ю. Васильева, заместитель главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова А.В. Щипков, директор АНО «Русская экспертная школа» В.А. Щипков, участники конференции «Патриарх Сергей и его духовное наследие». Богослужебные песнопения исполнил праздничный (правый) хор Богоявленского собора под управлением А.К. Майорова. Богослужение транслировалось в прямом эфире телеканалов «Союз» и «Спас», а также на официальном сайте Русской Православной Церкви Патриархия.ru. По окончании панихиды Святейший Патриарх Кирилл возложил букет белых роз на гробницу Патриарха Сергея. Предстоятель Русской Церкви, сослужившие Его Святейшеству архиереи и духовенство перешли в Благовещенский придел Богоявленского собора. У могилы Святейшего Патриарха Алексия II была возглашена «Вечная память». Святейший Патриарх Кирилл возложил на могилу цветы. Затем Святейший Владыка поклонился мощам святителя Алексия, митрополита Московского, и чтимому списку Казанской иконы Божией Матери. По завершении богослужения в доме причта Богоявленского собора по благословению Его Святейшества началась конференция «Патриарх Сергей и его духовное наследие».

8 сентября 1943 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви избрал Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергея (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси. 12 сентября в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове г. Москвы состоялась его интронизация. 15 мая 1944 года Патриарх Сергей преставился ко Господу. Погребен в под-

клете Никольского (северного) придела Богоявленского кафедрального собора.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси.
(<http://www.patriarchia.ru/db/text/6128621.html>)

Диакон-диссидент Андрей Кураев привычно дал свой ехидный комментарий:

«Это не невежество и не ошибка. Это уже *прямая ложь*. Хоть и святейшая.

«Опираясь на абсолютное признание и поддержку со стороны духовенства и народа, Святейший Сергей в то тяжёлое время сумел провести корабль нашей Церкви».

Это у Сергея было «абсолютное признание и поддержку со стороны духовенства и народа»? А мощного движения «непоминающих», иосифлянского, карловацкого, евлогийанского и иных расколов просто вот не было? А ведь в народе было ещё и довольно массовое отпадение в секты и в неверие.

(<https://diak-kuraev.livejournal.com/4531576.html>)

И по поводу «научной» конференция «Патриарх Сергей и его духовное наследство» ех-«диакон-всея-руси» ядовито высказался:

«Выступление протоиерея Владислава Цыпина было посвящено анализу церковно-государственных отношений в советском государстве 1920-1930-х годов и роли митрополита Сергея в их формировании. Докладчик отметил, что «надеждам свидетелей катастрофы Российской империи Святейших Патриархов Тихона, Сергея, Алексия I на полную нормализацию церковно-государственных отношений в русле традиционной симфонии Промыслом Божиим суждено было начать исполняться уже только в XXI столетии. Речь не идет о том, чтобы копировать те модели симфонии, сложившиеся в Византии, допетровской Руси и Российской империи, ибо это процесс творческий». Участники конференции также затронули вопрос о возможности канонизации Святейшего Патриарха Сергея (вот оно «труположество»-то! – о.Р.Б.). Ректор РПУ, заместитель главы Всемирного русского народного собора А.В. Щипков сказал: «Необходимо правильно оценить деяния Святейшего Патриарха Сергея как церковного деятеля, отстаивавшего Цер-

ковь в годы гонений, воздать должное его трудам и отразить их в учебниках истории Русской Православной Церкви. Осудить навязанное нам понятие “сергианство”, рассказать правду о том, кто, где и с какими политическими целями создал и пропагандировал это понятие» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/6128904.html>).

Итак, Цыпин считает, что все советские патриархи мечтали лечь под генсеков-атеистов в симфонической позе, но генсеки не пустили их в свою опочивальню, уступив «внешние сношения» с ними своим конюшим. Пожалуй, Цыпин прав. Очень хочется посмотреть, как утрутся епископы РПЦЗ щипковским плевком в их адрес. Прямо классика допроса в ГПУ: «отвечай, вражина, кто, где и с какими политическими целями приказал тебе оклеветать великого сталинского наркома патриарха!». Впрочем, и так понятно, что англо-саксы и масоны с Ватиканом».

(<https://diak-kuraev.livejournal.com/4530932.html>).

Далее, правда, Курай «лажает» и сильно (ну это потому, что сам стал «диаконом» в сергианской псевдоцерковной структуре и неуместимо ему от сего «отречься»): «Мне и самому термин «сергианство» не нравится. Это лишь частное проявление многовекового и повсетутошного блядства, вовсе не чуждого и епископату РПЦЗ. Заискивание перед папиком с толстым кошельком универсально, а титул этого вождяленного спонсера (хан, генсек или просто олигарх) не так уж и важен». Да-с, блядство и всё такое – оно «многовековое». Но – *имеются «нюансы»*. Это всё равно, что сказать, мол, Сталин и Николай «Палкин», да это одно и то же – там самовластие и тут самовластие, а ЧКГБ и «Третье Отделение» идентичны и т.п. Черт сходства «по негативу» меж дореволюционной Царской Россией и СССР можно «насобирать» много. Но – *разница всё же есть*. И она – поистине *дьявольская*. Это – как разница меж впадением доброго Христианина в многообразные грехи, «вольные и невольные», и – самосознательным служением Сатане и его «избранному сосуду» - Антихристу...

Благоуместно вспомнить известнейший Евангельский рассказ об искушении Христа от диавола «в пустыне»... *Диавол – однопобразен*: и вчера, и сегодня, и завтра он предлагает искушаемым им всё тот же троякий «набор предложений»... Нетрудно заметить, что Сергей и сергияне в безбожной «советской пустыне» в

своё время также подверглись диавольскому искушению, и ответы, данные сергиянами на три диавольских «предложения», были *полностью противоположны ответам Христа*... Первое искушение: искушение *«обратить камни в хлеб»*. Общераспространённое понимание его, как искушения «материальными благами». Христос твёрдо заявляет, что *«не хлебом единым жив человек»*; Сергей же и его последователи избирают противоположное, их приверженность материальным благам едва ли и нужно как-либо подробно обосновывать, настолько она «бросается» в глаза! Второе искушение: *искушение «властью»*, точнее, искушение «принять» власть из диавольских рук: *«тебе дам власть сию, аще поклонишися предо мною»*. Но «поклониться» диаволу означает *признать тем самым диавольское господство*, яко «князя мира сего»: *сергияне поклонились диаволу*, и та «власть», что получена ими, она имеет производное происхождение от советской Сатанократии, она «вассальна» Адодержавию... Третье искушение: *«верзися отсюда долу»*, т.е. соверши некий поступок, «провоцирующий» Бога; тем самым диавол как бы искушает Исуса «искусить» Самого Бога, но что Тот отвечает: *«яко речено есть, не искушиши Господа Бога твоего»*. О том, как сергияне «искушают» Бога, веру в Коего они якобы «исповедуют», нам также нет нужды здесь распространяться подробно: мера сергиянских студодеяний давно уже превысила меру Божественного «долготерпения», и не «оставляет» Божественному Правосудию никакого другого «решения», кроме *наисуровейшей кары*, коя, чаем, не уместит... Итак, пред нами предстали три диавольских искушения, и три ответа на них Христа. Тот, кто отвечает на названные искушения аналогично Христу, *тот и есть христианин*. Тот же, кто отвечает на них не так, как Христос, *тот христианином не является*, даже ежели ложно и именуется таковым... Сказанного, полагаем, довольно, дабы составить верное суждение о сергиянском зловерии, восхитившем себе ложно имя «православных христиан». *Блюдемся, да никтоже ны прельстит* (Мф. 24, 4).

о.Р.Б.

ADDENDA: Ниже - Сербский антикоммунистический плакат времён Второй Мировой Войны изображающий всю сущность лже-

патриарха обновленца Сергия, благословляющего советскую власть и массовые расстрелы невинных людей, а позади его “наставника” кентерберийского епископа в Англии. Нынешний расклад по-сути аналогичен: на их месте сталинолюбивый лже-патриарх Кирилл и троцкистствующий папик римский Франциск. Папик Франциск, пожалуй, чорт жёлтый. А вот Гундяев, Сергей и вся МП-шная кодла – черти однозначно, красные. «Боженьки» сергиян – Сталин, а нонеча и ВВХ... «Построение» *таких* «боженек» - труположество au naturel. Тут прав их «основоположник» ВИЛ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЗАКУЛИСА

Политический термин «міровая закулиса» ввёл проф. И.А.Ильин в цикле своих послевоенных статей «Наши Задачи» (1948-1954). Сей термин представляет из себя, так сказать, **soft-вариант** ключевого термина Правой политологии и конспирологии «жидо-масонство», прямое употребление коего в послевоенных условиях стало проблематичным... Термин сей оказался «удачной находкой», укоренился в языке отечественной политософии, что к сожалению, во множестве случаев привело к обратному эффекту: так, «консерваторы», «имперцы», «патриоты-державники» современного СССРФ употребляют его «кто во что горазд», и чаще всего – со значением, едва ли не противоположным тому, что вкладывал матёрейший антисоветчик Ильин... Впрочем, сам по себе, термин «закулиса» может быть прилагаем к различным феноменам, не обязательно «жидо-масонского» генезиса. Применительно к Русскому языку, неологизм «закулиса» возник из более раннего «закулисье», которое, в свою очередь, восходит к обороту «за кулисами». Ранний пример употребления этого оборота в переносном значении встречается в очерке Фаддея Булгарина «Философический взгляд за кулисы» (1825). Здесь развёрнуто уподобление міра (человеческого общества) феатру, обычное со времён античности: «Загляните за кулисы большого света <...>»; «За кулисами большого света я постигнул великую тайну самых тонких искателей и интригантов»[см. подр.: Ф.В. Булгарин. Философический взгляд за кулисы: [Очерк] // Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений. СПб., 1844. Т. 7. С. 41, 43]. В подобном, «расширительном» понимании, «закулисою» вполне мощно нареши и Древнюю Церковь Христову, пребывавшей «за кулисами» Римского міра, в «Катакомбах»...

Первообраз Церкви – Господь Иисус Христос и Его Община, описан в Евангелии. Давайте взглядимся в «структуру» той Общины, что собрана вокруг Христа, как ея нам изображают Евангельские повествования... Се – есть некая **вневременная «модель» Церкви**. Мы видим прежде всего, два «круга» учеников-апостолов: **«круг внутренний»** из Двенадцати, и **«круг внешний»** из Семидесяти...

Учение, преподаваемое представителям означенных «кругов», строго «градуируется», в зависимости от «степени близости» к Божественному Учителю. А «народу», «профанам», сие Учение и вовсе преподается «*в притчах*» (Мк. 4, 11)... Мы видим, неких жен, служащих Учителю-Исусу «*от имений своих*» (Лк. 8, 3)... Мы видим, наконец, неких «*тайных учеников*» Христовых, интегрированных во враждебные государственные и даже религиозные структуры, но исполняющих там «*дело Божие*», opus Dei... Какие первые ассоциации возникают, при воззрении на такое Церковное устройство? – да это прямо-таки «*масоны*» какие-то!... «Закулиса»! – не «мировая» ещё, но притязающая таковою стать... Не столь уж далёк от истины был Жозеф де Местр, писавший, что «всё свидетельствует о том, что обычное франкмасонство есть обособленное и, возможно, искажённое ответвление древнего и почтенного древа»... Но гораздо в большей степени, нежели с «масонством», представленную «модель» Первоначальной Церкви Христовой должно соотнести с *Катакомбной Церковью*. «Тайные ученики» Христа: свв. прав. Иосиф Аримафейский и Никодим (не какой-нибудь «ком с горы», а член иудейского Синагедриона!), и иные прочие, «от князь иже верова в Онъ» (ср. Ин. 7, 48), кто они, как не прообраз Катакомбной Церкви истинных православных христиан! Посему, нам, обитающем в катакомбном «закулисье», от-раднo было узнать, что существует и «Православная Закулиса» в мировом масштабе. Об этом недавно поведал сергиянский публицист Вл. Семенко на страницах газеты «Завтра».

Но прежде, нежели ознакомить читателя с «разоблачениями» В.Семенко, имеет смысл сказать пару слов «за него самого». Имя В.С. попало в зону нашего внимания где-то в конце 1980-х: публикациями в церковном самиздате той поры. В частности, в журнале «Выбор», издаваемом В.Аксючицом и Гл. Анищенко. Кстати, весьма неплохими, на наш взгляд, публикациями: в памяти сохранилась (фрагментарно, конечно) работа В.С. с разбором творчества Николы Клюева... Где-то году в 90-м или в 91-м В.С. опубликовал в «Новом Мире» (а надобно памятовать, «чем» был тогдашний НМ с его миллионным тиражом!) совершенно зубодробительную статью, изобличающую «Декларацию» митр. Сергия (Страгородского). И вот «итог»: бывший церковный диссидент, антисоветчик

и антисергиянин превратился в апологета сергиянства и советской «державности». Можно подметить, что на В.С. почтит с буквальной точностью, сбылось то, что некогда было прописано у проф. Ильина в статье «Как русские люди превращались в советских патриотов». Небезполезным будет здесь её воспроизвести, а то уж больно эти совпатриоты «полюбили» в последнее время «прикрываться цитатками из Ильина». Посему, даём «развёрнутую цитатищу»:

«Пути этого превращения различны и многообразны, и не все дороги заслуживают особого описания. Трагедия голода, безработицы и отчаяния; трагикомедия паники, безволия и безличности; комедия глупости, хитрости и невежества — понятны. Но есть и сущие превращения. Есть искренние превращения: человек тоскует по родине, а родина для него не дух, не честь, не культура, не самостоятельное и свободное цветение народной души и даже не ранг народа в мировой истории. Родина для него — это стихия национального языка (хочу говорить по-русски!); ширь ландшафта (мне здесь тесно и душно, хочу наших равнин и лесов!); острота климата (морозы, снега, весенний ветер, грозы, ливни, бури!) и аромат быта (выветрившийся в советчине!). От многолетней усталости, близорукости и поверхностного жизневосприятия — он перестаёт воспринимать порочное, позорное и противорусское качество советчины. Пропаганда подталкивает его, колеблющегося, — и он готов “сопричислиться”. Таких немало. Может быть, они уцелеют, по своей незаметности, где-нибудь в уголочке...

Но есть и неискренние превращения. Человек отлично понимает и порочность, и позорность, и антинациональность советчины; понимает, но не чувствует её; и потому всё это не мешает ему “сопричислиться”. У него холодное сердце и мёртвая совесть: в нём нет русского патриотизма, нет любви к своему народу, нет живого отвращения к той системе пошлости, лжи, насилия и раболепства, которая уродует добрую и благородную душу нашего народа. Он холодно наблюдает, рассчитывает, любопытствует, “прикидывает”. Ведь “умные” люди вообще верят в “правоту” сильного и в умение держать нос “по ветру”; а смысл великого урагана истории и скрытый в нём приговор злодейству им недоступен. И вот он готовит себе необходимые “связи”, лжёт по-русски, смешивает Рос-

сию с Советским Союзом, путает все понятия, выдаёт зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугою дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок. Таким советская власть не верит, таких она не ценит; и в этом она права. Они будут использованы, а затем уничтожены как подозрительные перебежчики.

Итак, люди “превращаются” от духовной слепоты: или наивно-беспомощной, или порочно-сознательной. Наивная беспомощность иногда выражается в своеобразном “дальтонизме”: человек вдруг (или постепенно!) слепнет для одного “цвета”, для определённого сектора жизни. Один уверовал, что успех Красной армии составляет честь и славу России. Другой уверовал, что сан Всероссийского Патриарха делает человека “мудрым”, “гениальным”, “священномучеником”. И вот он уже шепчется с чекистами в рясах, прислуживает в храме и мечтает подмять под советскую церковь все восточные патриаршества. Третий преклонился перед — “заводами-гигантами” и восторгается лозунгом “догнать и перегнать Америку!” И вот, он уже горюет о том, что советофил Капица всё ещё не подарил Советам атомную бомбу.

И все они, по слепоте и глупости променяв Россию на Советский Союз, мнят себя “патриотами”. Этим всем одна судьба: “коготок увяз — всей птичке пропасть”, такова “власть тьмы”. Духовной зоркости не хватило — ослепнет совсем. Проглотил маленького “чертёнка” — проглотит и всего “дьявола”. Во всех этих превращениях — искренних и неискренних — дело не просто в недостатке осведомлённости или в интуитивной зоркости. Дело в скудости духа: в недуховности “патриотизма”, в бездуховном политиканстве, в духовно-мёртвом восприятии армии, в духовно-слепой религиозности, в духовно-индифферентном трактовании национального хозяйства. Ибо без духовного измерения вещей, явлений и человеческих дел — без измерения глубины, без “Божьего луча, без совести и чести” — всё становится мелким, плоским, пошлым и соблазнительным”. А в нашу эпоху величайшего, обострённого и обнажённого соблазна — всякая духовная скудость и слепота (в политике, в хозяйстве, в церкви и в армии) ведёт к приятию безбожия, к содействию мировой революции и к предательству России» (“Наши задачи”, 1948 год).

Вот и гражданин Семенко – «сопричислился»... Ну да ладно, вернёмся к «Закулисе». Ярость гр-на Семенко вызвало недавнее решение ПАСЕ о признании МП «преступной организацией» (хотя мы уверены, что Семенко образца 80-90-х гг., не сомневался в преступности МП). В.С. в своей заметке, клеймящей «одержимых» депутатов ПАСЕ в заключение утверждает, что сии «депутаты» - лишь марионетки, а за «ниточки дергает» самая настоящая «Православная Закулиса». И вот тут-то «начинается интересное». Цитируем В.С.: «Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла агрессивную и ксенофобскую резолюцию, по степени своей радикальности необычную даже для современного коллективного Запада. В резолюции № 2540 (2024), в частности, сказано: «Иерархия Московского патриархата Русской православной церкви, включая Патриарха Кирилла, отстаивает идеологию «Русского Мира», объявляя войну против Украины и «сатанинского» Запада «священной войной всех русских», призывая православных верующих жертвовать собой ради своей страны. Ассамблея потрясена таким надругательством над религией и искажением христианской православной традиции режимом Владимира Путина и его ставленниками в иерархии Московского патриархата. Ассамблея осуждает подобную риторику и подчёркивает, что подстрекательство к совершению преступлений агрессии, геноцида и военных преступлений само по себе является преступлением. Ассамблея призывает все государства относиться к Патриарху Кириллу и русской православной иерархии как к идеологическому продолжению режима Владимира Путина, причастному к военным преступлениям и преступлениям против человечности, совершаемым от имени Российской Федерации и идеологии «Русского Мира». На практике это означает, что сделан первый шаг к изгнанию приходов РПЦ, по крайней мере, из стран Европы, а в перспективе (возможно) — и из всего мира. Само по себе решение ПАСЕ, конечно, не имеет силы закона и не обязательно к исполнению, оно носит чисто декларативный и оценочный характер. Однако стоит напомнить, что начало экономических санкций против России также начиналось с заявления ПАСЕ. А затем уже санкции стали вводиться от имени национальных европейских государств. Очевидно, что ни ПАСЕ, ни национальные правительства не играют самостоятельной роли, а подчиняются железной воле deep state,

міровой закулисы, которая в последние годы всё более откровенно переходит к прямому управлению міровыми процессами. Россия является здесь хотя и не полным (поскольку зависимость ряда представителей российских элит от закулисы тоже имеет место), но всё же вполне реальным исключением. В этом и состоит подлинная причина нападок на Россию и Русскую Церковь, начало нового витка которых мы сейчас наблюдаем. Собственно, готовился такой шаг уже давно, о чём ещё по меньшей мере с 2014 года предупреждали некоторые обозреватели... Думается, вряд ли можно спорить с тем, что ПАСЕ руководствуется политическими мотивами, а не заботой о чистоте православной веры. Однако эти политические мотивы в свою очередь не лишены некоторой религиозной подоплёки. “Зачистка” канонического Православия началась не вчера, а давно уже ведётся руками прямой агентуры закулисы во главе с идолопоклонником папой Франциском и главой Фанара Варфоломеем, чьи канонические нарушения, а также набор ересей, которые проповедуют его богословы, не раз уже разбирались. Слово “агентура” здесь следует понимать буквально. *Главой её в Фанаре является вовсе не Варфоломей, а серый кардинал «Константинопольского двора», некий скромный греческий священник, живущий в Нью-Йорке, Алекс (Александр) Карлуцос*, сын которого возглавлял службу протокола Госдепа США. Этот скромный грек настолько влиятелен, что на его чествование сравнительно недавно заявили 1300 человек из американской элиты, по сути — все сливки списка «Форбс», а Байден, с которым они лично знакомы вот уже более 40 лет, называет его своим лучшим другом. Именно Карлуцос и свёл в своё время Байдена и Варфоломея. Для него ничего не стоило, например, собрать 50 млн долларов на строительство греческого храма на месте разрушенных башен-близнецов. Патриарх Варфоломей даровал ему звание архонта за заслуги в благотворительности. Напомним кстати, что в 2005 году в американском отеле «Хилтон» звания «архонт» и «великий ритор» (за «глубокие богословские познания и высокий уровень ораторского искусства») от лица патриарха Варфоломея был удостоен не кто иной, как сам Горбачёв! На чествовании Карлуцоса присутствовали бывший директор ЦРУ Джордж Тенет, грек по происхождению (на следующий день его тоже удостоили звания архонта) и советник Буша Фрэнсис Таунсенд. Проживает

Карлуцос в доме стоимостью 700 тысяч долларов в элитном районе Нью-Йорка, Саутгемптоне. Его ближайший сосед — Джордж Сорос. Кроме того, он близко общается с фармакологическим магнатом Майклом Джахарисом и с косметическим магнатом Джорджем Джоном Ледесом. Турецкая пресса отмечает, что Карлуцос знаком также с Фетхуллахом Гюленом, лидером турецких исламистов, проживающим в США и работающим на американские спецслужбы. Естественно, отец Александр — ярый экуменист и пропагандист «иудео-христианских ценностей». Остаётся напомнить, что все «архонты» входят в закрытое парамасонское общество «ордена святого Андрея». Официально организация Faith: An Endowment for Orthodoxy and Hellenism позиционирует себя как частный фонд, цель которого — финансирование институтов греческой православной архиепископии Америки. Кроме того, этот фонд — один из инструментов американского влияния в самой Греции. Именно Карлуцос осуществляет связь между банковским сообществом США и спецслужбами, с одной стороны, и Фанаром — с другой. Чего здесь больше — религии или политики, судить сложно. Понятно, что на фоне таких серьёзных господ европейские парламентарии со своими резолюциями явно играют роль статистов» (см.: «Завтра» №16, апрель 2024).

Конечно, доверять на все 100% писанине «одержимого» писаки, біснுவатого сергіаніна, не следует... Но, ежели «правда оно, ну хотя бы на треть», то с позиций ИПХ, наличию «Православной Закулисы» в современном міре можно лишь порадоваться... Как бы то ни было, из того, что в Истории XX века проявилось «на поверхности»: за Константинопольским павтриархатом имеется громадная и несомненная заслуга даже не пред Православием только, но пред Вселенским Христианством. Именно Константинополь сорвал в 1948 году планы Сталина созвать «Вселенский Собор», на коем дядюшку Джо планировалось объявить «Вторым Константином», а МП — «православным Ватиканом», поставив на первое место в т.наз. «Диптихе» поместных Православных церквей, «оттеснив» Константинополь... В Москве, памятуя то сталинско-сергиевское фиаско, Царьград люто ненавидят, да и чорт с ними (а он и воистину с ними). Царьград же, Богу и Закулисю содействующу, возможно, «ещё себя покажет»...

ИЗ ПИСЕМ О СИОНО-ФАШИЗМЕ

Д.Р.: Доброго здоровья Вам о. Роман! Читаю присланный Вами на электронную почту текст. Если не сочтёте бесполезным, поделюсь своими мыслями на сей счёт.

Да, жида разные бывают. Помнится даже Либенфельз одного такого в идеальные арийцы записал, а в Райхе другой «кошерный» индивид прослыл эталоном для пропагандистских плакатов... Да и Нюрнбергские законы были в этих вопросах не так строги, как наверное следовало. Меня порою посещает мысль, что это стало одной из причин поражения Германии в битве с мировым злом (прожидовленность генералитета Вермахта ныне общеизвестна, а ведь именно он был одним из центров крамолы и измены, о чём пишет Риббентроп младший в своих мемуарах). Помнится, новомуч. о. Павел Флоренский был гораздо радикальнее, считая, что даже капля жидовской крови делает жидом (о чём писали и в жидовских кругах, Носсиг например), а тему «кошерного фашизма» (в широком смысле) не обошла вниманием и русская правая эмиграция (тот же Родзаевский). Учитывая сегодняшнюю техническую слабость национал-социализма (отсутствие собственной армии, территории и ресурсов) в словосочетании «еврейский фашизм» целесообразнее делать акцент на первом, а не втором слове. Никакого взаимовыгодного альянса с заведомо сильнейшим партнёром не будет. В лучшем случае - используют как полезных идиотов. Это в Райхе могли себе позволить подобные альянсы; сейчас не те времена. То, что совковые пропагандоны писали о белогвардейско-сионистской кооптации - так ведь были времена, когда их предшественники сочиняли байки о «троцкистско-фашистском заговоре». Впрочем, русская эмиграция тоже разная бывала и подобная кооптация в какой-то мере была возможна.

Фактология, а порою и оценочные суждения жидов в их книгах могут быть интересны уже хотя бы потому, что доступ к архивам для них по понятным причинам не столь проблематичен. Например у Шнирельмана есть информация, что для монаха Андроника (А.Ф. Лосева) был сделан персональный перевод вроде бы всей книги *Mein Kampf* (Лосев хорошо знал немецкий язык, но видимо

только так мог получить хоть какой-то доступ к тексту). Тогда в новом свете предстают “скандальные” высказывания монаха Андроника в беседах с Библихиным...

Что касается РНЕ, то в их “Азбуке русского националиста” были интересные для начала 90-х идеи, а так да, пресная подмен-тованная контора.

о.Р.: Досточтимейший Д.!

Милость Божия буди с Вами!

Благодарю за «высказанные мысли». Они не токмо благополезны, с ними по большому счёту и «спорить»-то не приходится: всё у Вас «верно». Есть и «дополнительная польза»: в эпистоляриум о «сионо-фашизме», опираясь на Ваше послание, представляется случай нечто «добавить».

Предавая огласке «историю с ВЛ», аз никоим образом не намеревался как-либо пропагандировать «союз с сионистами». Цель много скромнее: ежели и не разрушить вовсе, то поколебать некие «идеологические стереотипы». Антисионизм – это всё-таки «орудие» из левого идейного арсенала. Для иллюминирования сего и приведены ссылки из «классики» совкового антисионизма. При этом у меня нет и «тени» стремления как-то «навязаться» к этим ребятам в «друзья». Не то, чтобы подобный альянс был принципиально невозможен и неприемлем, – но на dneшний день уж слишком разные у нас «весовые категории». Сказано: «Сделает тебя Господь [Бог твой] главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня хранить и исполнять» (Втор. 28, 13). Быть «хвостом» у сионистов (пусть даже они и сионо-фашисты) – невелик прибыток, невелика и честь... Вот ежели Господь сподобит «нас» быть главою – тогда «будем посмотреть»... А то, что меня где-то кто-то перепечатывал в Эрец-Исроэль – то и нехай, мы тут не выступали «просителями», се «их» инициатива, может для кого сие чтение и пойдёт на пользу... Вот Третий Райх, Вы паки правы, вполне мог себе позволить альянс с сионистами. Райх на тот момент был «силой», и сами сионо-фашисты наподобие действия магнита на железо – тянулись к Райху. Немного жаль, что «второй фронт» против брит-

тов на землях Палестины так и не получилось открыть. У сионофашистов там была целая плеяда совершенно отмороженных боевиков – Яир Штерн, Моше Даян, Менахем Бегин и т.п. Они вполне могли устроить «просвещённым мореплавателям» аналог «войны Судного дня»... Се – почти как история с «Нетаджи» Чандра Босом – койи со своим войском мог бы сыграть колоссальную роль в военных раскладах, вырвав Индию, «жемчужину британской короны», и из этой самой недо-короны и из лап чёрчиллей и Ко – но, увы, «не срослось»...

Некогда видный деятель британо-фашизма (периода 1980-х гг.), Дэвид Мьятт («закончивший» тем, что обратился в Ислам, ставши «Абдул-Азизом ибн Мьятт») в статье «НС не есть расизм» так высказался о сотрудничестве германских национал-социалистов с еврейскими организациями: «...Наиболее показательными, пожалуй, являются дружеские связи между национал-социалистической Германией, СС и различными еврейскими организациями. Известно, что офицер СС Адольф Эйхман в предвоенные годы ездил в Палестину, где встречался с еврейскими поселенцами, еврейскими лидерами и немецкими агентами. Его отношения с этими евреями всегда были очень сердечными и дружескими. Особый интерес представляет попытка в 1941 году еврейской группы «Иргун Зеваи Леуми» (известной британцам в Палестине как «банда Штерна») сотрудничать с Гитлером и Германией: «При условии, что немецкое правительство признает национальные устремления «Движения за свободу Израиля» (Лехи), Национальная военная организация (НВО) предлагает принять участие в войне на стороне Германии...» документ № E234151-8 в Яд Вашем в Иерусалиме. Однако национал-социалистическое правительство Германии отказалось признать подобные еврейские национальные устремления, поскольку они противоречили политике их союзника Мухаммеда Амина аль-Хусейни, который выступал против создания еврейского государства в Палестине. Таким образом, попытка еврейского коллаборационизма провалилась» (<https://www.google.co.uk/amp/s/ironlight.wordpress.com/2010/02/13/national-socialism-not-racism/amp/>).

Пользуясь случаем, стоит привести ещё одно примечательное свидетельство из советской антиссионистской литературы. Был та-

кой товарищ – Цезарь Самойлович Солодарь (1909-1992), возглавлял т.наз. «Антисионистский комитет советской общественности». Ничуть не удивительно, что ему принадлежит крупный вклад в «русско-советский патриотизм»: он текстовик песни «Едут, едут по Берлину наши (!) казаки», музыку к коей сварганили тоже крупные «гусские патгиоты» братаны Покрасс... Но это, к слову-с... А в состряпанной означенным «Цезарем» книжке «Дикая полынь» (М., Советская Россия, 1977), посвящённой как раз разоблачению «еврейского фашизма», среди прочего, обретается главка, кою полагаем благоуместным присовокупить к нашему эпистолярию:

НЕВЫГОДНЫЕ СИОНИЗМУ АНАЛОГИИ

На медали вычеканена нацистская свастика, на обратной стороне сионистская шестиконечная звезда Давида. Впрочем, трудно определить, какая сторона медали — лицевая, а какая обратная.

На сей раз привожу эти слова не в качестве распространенной метафоры, характеризующей неразрывную, трогательно взаимную связь сионизма и нацизма. Нет, мною приводится точное описание памятной медали, выпущенной по личному указанию Геббельса осенью 1934 года в честь шестимесячного пребывания в Палестине барона фон Миндельштайна, начальника еврейского отдела службы безопасности СС, по приглашению сионистов. Результаты этого визита точно определил доктор исторических наук Г.Л. Бондаревский: «В сентябре-октябре 1934 года в геббельсовском органе «Дер Анггрифф» были опубликованы 12 статей барона, в которых он выражал свое глубокое удовлетворение колонизационной деятельностью сионистов в Палестине».

Через три года сионисты пригласили в Палестину Адольфа Эйхмана к тому времени, отеснив Миндельштайна, этот злобный ультранацист стал одним из руководителей еврейского отдела нацистской службы безопасности. Впоследствии обер-палач Эйхман, один из непосредственных организаторов массового истребления евреев в годы второй мировой войны, не раз вступал в контакты с сионистскими эмиссарами.

Сионистская пропаганда до сих пор старается внушить мировой общественности, что израильские власти не пожалели сил и затрат, чтобы после войны обнаружить именно Эйхмана и судить его в Тель-Авиве как главного виновника гибели шести миллио-

нов евреев. Ложь! Розыск Эйхмана сионисты провели особенно интенсивно по другой причине: уж очень много знал он о непосредственных связях сионистских лидеров с гитлеровским рейхом, и если бы его судили не в Израиле, показания Эйхмана прозвучали бы на весь мир как обвинительный приговор сионизму партнеру нацизма.

Разрекламировав казнь Эйхмана как окончательную расплату с нацистскими убийцами, сионизм, по существу, прекратил активный розыск других — не менее запятанных еврейской кровью — нацистских преступников. Достаточно назвать фашистского изувера, «врача и философа» Йозефа Менгеле. Израильская разведслужба Моссад точно знала многочисленные псевдонимы Менгеле, под которыми тот много лет скрывался в Парагвае и других южноамериканских странах с диктаторскими режимами. Тем не менее, Моссад поспешил первым объявить, что следы Менгеле безвозвратно утеряны и дальнейшие розыски «ангела смерти» бесполезны. Именно это и помогло вывезенному американской разведкой Менгеле безмятежно менять места пребывания и наслаждаться жизнью за счет субсидий западногерманских и латиноамериканских пронацистов.

Тем более постыдным и лицемерным выглядит хитроумный маневр израильского правительства, официально пообещавшего в мае 1985 года вознаграждение в один миллион долларов (именно долларов, а не каждодневно обесценивающихся шекелей!) за... информацию о местонахождении Йозефа Менгеле. Печальная символика просматривается в том, что израильская «премия» должна быть выплачена в американской валюте: ведь Израиль и США, как верные партнеры, в течение десятилетий не предпринимали ничего реального для поимки нацистского палача, на чьей совести уничтожение 400 тысяч заключённых.

Нетрудно представить себе, что кой-кого в Израиле взволновала «расточительность» правительства: подумать только, инфляция приближается к пятистам процентам — как же можно швыряться целым миллионом долларов! Израильтяне, всерьез принявшие крикливый вольт правительства, могут успокоиться: ЦРУ с помощью своих латиноамериканских марионеток настолько прочно опекает безопасность Менгеле, что израильскую щедрую премию

никому получить не придется. Налицо — очередной дешевый (не смотря на миллионную цифру) пропагандистский трюк сионистов. Они, сами творящие расистские преступления, не очень-то заинтересованы в поимке и предании суду гротескных гитлеровского расизма. Ни к чему сионистам напоминания, вызывающие невыгодные им аналогии.

Особенно когда напоминают приводящую их в бешенство резолюцию ООН № 3379.

А может, и не было такой резолюции? Издающийся в Тель-Авиве «беспартийный» еженедельник «Круг» утверждает: не было. В мае 1985 года он опубликовал пространный «Конспект к истории второй мировой войны». Из пункта 45-го недвусмысленно явствует, что вовсе не Генеральная Ассамблея ООН, «а СССР объявил сионизм расизмом устами АКСО». И знаете когда? Только лишь «в феврале 1985 года», то есть девять с лишним лет после опубликования резолюции ООН № 3379.

Какой нехороший Антисионистский комитет советской общест-венности! Взял да подменил собой все государства, входящие в ООН, и обидел не помышляющих о расизме сионистов.

Дешёвую круговерть закружил «Круг». Но никого она не обманет. Сионизм — это расизм.

(См. подр.: <https://history.wikireading.ru/275158>)

Как представляется, советский антисиионист в данном случае весьма «недалёк от истины». Конечно, официальная версия о том, что бедолагу Эйхмана искали ловили по всему свету, чтобы потом публично казнить за «Холокост, которого не было», тоже допустима. Для утверждения «мифа о Холокосте» желателен принесённый в жертву «козёл отпущения». Но версия Солодаря представляется правдоподобнее: Эйхмана попросту «убрали» как нежелательного «свидетеля»; свидетеля коллаборационизма сионистов с «нацистами»... А д-ра Менгеле и вовсе «нема за що карати», и тут «прав» Солодарь. Оного доктора всесветно ославили как какого-то голливудского «ангела Смерти», а он был довольно обычным, и не самым плохим врачом (да-с, в «лагере», что накладывало некую специфику, но всё же – врачом, а не убийцей-в-белом-халате (эти персонажи – из советской истории)). Мы в нашем «Евгеническом Сборнике» поместили небольшое исследование о д-ре М. некоего

историка-ревизиониста: оно довольно убедительно деконструирует сей «чёрный миф» (см.: Дж. Вер. Д-р Йозеф Менгеле: ангел смерти или ангел милосердия? // Русский Евгенический Сборник. М., 2022).

Средь документов т.наз. «Нюрнбергского процесса» имеется и «приказ» Райхсфюрера SS о «снижении смертности» в концлагерях. Над выполнением сего приказа и «работал» в том числе скромняга д-р Менгеле. Приведём его:

Гиммлер приказал снизить смертность — При таком высоком уровне смертности число заключённых никогда не сможет быть доведено до той цифры, которую приказал рейхсфюрер СС. Лагерные врачи должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы существенно снизить уровень смертности в различных лагерях. Лучший врач в концлагере не тот, кто считает, что он должен отличаться ненужной строгостью, а тот, кто своим наблюдением и лечением поддерживает работоспособность различных трудовых коллективов на максимально высоком уровне. Лагерные врачи должны чаще, чем раньше, контролировать питание заключённых и с одобрения администрации вносить предложения по улучшению питания комендантам лагерей. Однако они должны не только появляться на бумаге, но и регулярно контролироваться лагерными врачами. Кроме того, лагерные врачи должны следить за тем, чтобы условия труда на различных рабочих местах были максимально улучшены. Для этого необходимо, чтобы лагерные врачи осматрели рабочие места на местах и убедились в условиях труда. — Рейхсфюрер СС приказал обязательно снизить уровень смертности. По этой причине вышеупомянутое было приказано, и ежемесячный отчёт по этому вопросу должен быть представлен начальнику отдела D III. Первый отчёт должен был быть представлен 1 февраля 1943 года. (Источник: Nuremberg document PS-2171, Annex 2. NC&A “red series,” Vol. 4, pp. 833-834).

Конечно, концлагерь это далеко не «санаторий», что и говорить. Но есть существеннейшее отличие от советских «истребительно-трудовых лагерей» (как их метко обозвал Солженицын). В немецких лагерях «логическое ударение» должно ставить на слово «трудовые». Райх отчаянно (особенно в последний период Войны) нуждался в «рабочих руках». И в этой связи, забота о поддержа-

нии здравых заключённых – это забота, прежде всего, об их трудоспособности. А кстати, уничтожение жидов в «промышленных масштабах» (на чём настаивает миф о «Холокосте») это ж, помимо прочего, чертовски затратное мероприятие, на что у немцев (даже ежели помыслить, что им того «хотелось») объективно не было ни средств, ни возможностей...

...Отдельно стоит отметить высказанный Вами тезис: «фактология, а порою и оценочные суждения жидов в их книгах могут быть интересны уже хотя бы потому, что доступ к архивам для них по понятным причинам не столь проблематичен». Вы упоминаете в сей связи такого автора, как Виктор Шнирельман и совершенно справедливо. Ему «позволено», например писать и издавать «исследования» типа «Арийский миф в современном мире» и т.п. В связи в В.Ш. стоит внести в наш эпистолярный примечательный документ, не столь давно обнаруженный нами в архиве (о коем аз, признаться, и позабыл). Се отклик на опусы В.Ш. опубликованный в газете НГ-религии за подписью В.Ларионова и А.Семёнова, о ту пору членствовавших в нашем Братстве. В.Л. с тех пор «ушёл на страну далече» (доселе вращается в около-эмпешной патриотической тусовке: не удивимся, ежели вдруг наткнёмся на его пламенные панегирики «сво» и т.п.), а Андрей Семёнов доселе «с нами», но в силу возраста и целого букета хворей: на «покое». Разумеется, данное Письмо соблюдает некие «политесы», неизбежные в легальной печати, но с тем вместе оно ярко демонстрирует – насколько со свободой слова, можно сказать «вольного арийского слова», дела обстояли лучше «двадцать лет тому»...

КТО МЫ, ЕСЛИ НЕ АРИЙЦЫ?

Об авторах: Владимир Евгеньевич Ларионов - историк-индолог.

Андрей Владиславович Семенов - религиовед и библиист.

«НГ-религии», как и «Независимая газета» в целом, славятся своим высоким профессионализмом, проявляемым как в выборе актуальной тематики, так и в подборе высококомпетентных авторов. Подавляющее большинство материалов, публикуемых газетой, требованиям отвечают, но, к сожалению, порой на ее полосах появляются работы весьма сомнительного качества. Особенно досадно, когда статьи такого сорта выходят из-под пера известных и уважаемых людей, обременённых научными степенями.

Одним из примеров такого рода является аналитический обзор доктора исторических наук Виктора Шнирельмана «Тоска по арийству». Жанр статьи предполагает обстоятельное, взвешенное, вдумчивое обсуждение разных методологических подходов и точек зрения к анонсированной проблеме. К сожалению, статья Шнирельмана данным критериям не отвечает.

Мы, увы, не знаем, к какой научной исторической школе принадлежит уважаемый Виктор Александрович, но из анализируемой статьи его политическая ангажированность хлещет как из ведра. Ненависть Шнирельмана к Нюрнбергским расовым законам 1935 г. понятна и объяснима, но эти человеконенавистнические документы Третьего рейха не имеют решительно ничего общего с подлинной наукой. А лингвистика убедительно доказывает, что индоевропейская (она же арийская) языковая семья включает в себя не только индусов и иранцев, но и массу других, антропологически отличных от них народов Евразии. Термин «арийский» единодушно принят мировой классической исторической наукой в прошлом веке как имеющий исторически зафиксированное бытование в древности, пускай только у индоиранской группы языков. В начале XX столетия ученый мир коробило от термина «индогерманцы» как несомненно отягощенного великогерманским шовинизмом в канун Первой мировой войны.

Термин «арийцы» имеет несомненное научное преимущество перед искусственным географически обусловленным понятием «индоевропейцы» уже в силу того, что ареал арийцев был несомненно уже рамок даже Европы в момент начала их исторической жизни и географически шире в момент их наибольшего распространения. Наука относит к арийцам всех германцев, романцев, славян, эллинов, леттолитовцев, армян, кельтов и представителей многих других, менее численных народов и народностей, причем не только коренных, природных носителей этих языков, но и выходцев из других, ассимилированных этносов, использующих эти языки в качестве родных. И если «фюрер немецкого народа» по своему невежеству путал лингвистику и антропологию, то русскому (по культуре) историку Шнирельману это совершенно не к лицу. То негативное отношение к термину «арийцы», которое высказывают некоторые ученые как к якобы скомпрометирован-

ному событиями новейшей истории, не может служить оправданием к тому, чтобы вымарать этот термин из контекста классической академической науки и прервать и без того тонкую нить преемственности русской исторической мысли. Нам, людям, не обремененным научными степенями, крайне неловко объяснять эти азбучные истины доктору исторических наук!

Теперь о «Влесовой книге». По сей день учёные ещё не пришли к однозначным выводам о ее подлинности или же поддельности. И хотя лично нам как христианам очень бы хотелось считать православную культуру более величественной, чем предшествовавшая ей языческая, как ученые мы ничего определенного о последней сказать не можем, и потому у нас нет твёрдых оснований для объявления «Влесовой книги» фальшивкой. Объективная историческая наука не располагает данными, чтобы однозначно отвергать «Влесову книгу» как аутентичный исторический источник. Надо честно признать, что историческая наука, как и любая иная, далеко не все может доказать, ибо многие исторические памятники, как и целые народы и цивилизации, к сожалению, безвозвратно канули в Лету и теперь никаким рациональным способом ничего о них не узнать и в учебники не записать.

Ссылка же уважаемого Виктора Александровича на такие «авторитеты», как Баркашов и Дугин, которых он ставит наравне с замечательным русским индологом Гусевой, столь же научна, как уравнивание трудов Моммзена и Тойнби по истории Древнего Рима с «Энеадой» Котляревского. И если Александр Гельевич, с легкостью необычайной порхающий от конфессии к конфессии, имеет все же право называться философом, то первый - заурядный электрик, возомнивший себя «фюрером русского народа», никакими фундаментальными работами отечественную науку отнюдь не обогатил. Так же, как не обогатили ее и все упомянутые Шнирельманом талантливые русские беллетристы Щербаков и Петухов, что нисколько не ставит под сомнение их писательские способности. Но литературный дар - это одно, а научные результаты - другое, и смешивать эти предметы доктору исторических наук тоже несколько не к лицу.

Но вернёмся к истории. Совершенно справедливо указывать на ошибочность отождествления восточных славян со скифами,

сарматами, фракийцами и этрусками, что позволяют себе некоторые авторы, периодически «радующие» читателей «открытиями» из серии «Россия - родина слонов». Однако, если отделить зерно научной истины от окружающих его анекдотических плевел, то совершенно очевидно, что все поименованные выше народы являются арийскими, а стало быть, родственными славянам в той же мере, в какой родственны друг другу такие далеко отстоящие этносы, как, например, турки и якуты, никогда в реальной истории близко не контактировавшие. Распространение языков часто происходит самым непредсказуемым образом, и порой близкородственные в языковом отношении народы могут разделять сотни тысяч километров. За примером на столь далекое расстояние ходить не надо, достаточно проанализировать размещение этносов угрофинской группы уральской языковой семьи в России: карелы живут в Карелии, эстонцы - в Прибалтике, венгры - в Прикарпатье, а остальные народы данной группы разбросаны от Урала до Поволжья. Досадно, что доктор исторических наук обходит своим вниманием этот общеизвестный феномен.

Не пишет он ничего и об известных каждому ученику 4-го класса восточнославянских племенах вятичей, словен, полян, древлян, радимичей, дреговичей, кривичей и родственников им, живших западнее Днепра тиверцах, дулебах и уличах. Не упоминает Шнирельман и широко известных каждому студенту-историку антов, склавинов и венедов. И уж совсем обидно, когда, игнорируя выдающиеся современные разработки русской истории, археологии, антропологии и лингвистики, русский (по культуре), профессор обходит стороной такой ключевой момент русского этногенеза, как зарождение собственно прарусской предковой этногруппы в междуречье Днестра и Днепра во II веке до н.э., выкристаллизовавшейся из нескольких десятков дакских родов.

До настоящего времени из этой древней иллирийской языковой группы дожили фактически одни албанцы, но ведь это тоже арийцы, и, как бы современные албанцы не относились к сербам, они никогда не смогут опровергнуть свое древнее родство с южными славянами. То, что пишет Шнирельман о Баркашове и Дугине, относится и к упомянутым им всеу кумирам последнего Вирту, Эволе и Генону. Эти оригинальные мыслители-традиционалисты

XX века никакого отношения к исторической науке не имеют. Не имеет никакого отношения к истории вообще и к нордической теории прародины арийцев в частности скандально известная «мать оккультизма» Блаватская. Вопреки точным указаниям Ригведы и Зенд-Авесты на полярный север Евразии как на истинную прародину ариев мадам Блаватская считала родиной всех ариев Индию, разоблачая тем самым свое незнание древних индийских текстов, в чем мы небезосновательно подозреваем и Шнирельмана. Что же касается лозунга «Москва - Третий Рим», то это идея чисто духовная, принимаемая отнюдь не всеми поместными Церквями и также никакого отношения к исторической науке не имеющая.

То же можно сказать и о теории триединства русского народа, якобы включающего в себя великороссов, малороссов и белорусов. Этот традиционный для русской исторической школы подход разделяется в настоящее время отнюдь не всеми учёными. Антропологические и лингвистические исследования последних 40 лет дали массу научных данных, свидетельствующих о том, что хотя у всех трех восточнославянских этносов и были общие предки - перечисленные выше восточнославянские племена, но в каждом из трех современных народов доля крови, полученной от каждого из тех племен, отнюдь не одинакова. Более того, все восточные славяне, как этносы открытого типа, включали в себя, особенно на пограничных территориях, и неславянские арийские и неарийские (тюркские и угрофинские) компоненты, из-за чего у русских, белорусов и украинцев соотношения этих примесей также различны. Несмотря на отличия в антропологии локальных групп, русский народ более гомогенен, чем даже немцы. Антропологические различия украинцев, белорусов и великороссов составляют пять пунктов групповых отклонений, в то время как у немцев их девять. Кроме того, восточные славяне сохраняют генетическую преемственность по отношению к восточноевропейскому расовому стволу, который был базовым для всех групп древних арийцев.

Славянские языки, а в особенности русский сохранили наибольшую близость с древним языком Ригведы. Славянские языки в отличие от всех иных европейских языков развивались равномерно и исторически преемственно по отношению к гипотетическому арийскому праязыку. Все другие языки переживали период «лом-

ки», что указывает на сильные иноязыковые воздействия на них в период переселения арийцев в Западную Европу из Восточной. То, что язычники включают в свои искусственные и надуманные концепции и мифы арийскую составляющую, нисколько не отменяет факта естественной принадлежности этой реалии, а не мифа, контексту исторического становления уже в Средневековье самосознания христианских европейских этносов. Нет, для настоящего учёного далеко не всё однозначно!

И уж совсем спекулятивно, недостойно учёного выглядят попытки Шнирельмана связать «Влесову книгу» с «Протоколами сионских мудрецов» - одной из наиболее подлых фальшивок XX века, породившей моря крови, в результате чего были уничтожены три великих теократических европейских империи: Российская, Германская и Австро-Венгерская, которые были втянуты в смертельную войну, самоубийственную для всех трёх держав. Это уже вообще совсем другая тема, никак не связанная не только с русской историей, но и с наукой вообще.

https://www.ng.ru/ng_religii/2001-06-14/6_whoare.html).

И последнее: о «капле крови». Вы приводите слова о. Павла Флоренского, «даже капля жидовской крови делает жидом», и аз их полностью приемлю, и «ничтоже вопреки глаголю»... Но сдаётся мне, что ситуация с «каплей» может действовать и в «обратную сторону» (о, разумеется, в исключительных исключениях, но ведь исключения-то и «потверждают правило»). Т.е. капля «арийской крови» в жиде может (в некоторых случаях) быть катализатором его «трансмутации» в направлении Арийства... Это, воистину, «исключительные исключения», но они имеют место быть. Собственно, о подобном случае и писал фон Либенфельс... Известен полуапокрифический рассказ о Вожде. Будто бы, узнав о самоубийстве Отто Вайнингера, он изрёк: «единственный еврей, достойный жизни, покончил с собой». Было ли сие сказано, Бог весть, но даже и в «апокрифе» может обретаться «сказка ложь, да в ней намёк, добрым (арийским) молодцам урок»... На наш взгляд, категория «евреев, достойных жизни» (по апокрифическому речению Фюрера) может быть несколько «расширена» (не на «много», но «чуть больше чем один еврей»). В частности, применительно к Русской Мысли стоит указать на фигуру Семёна Людвиговича

Франка. Се – один из немногих отечественных философов, создавший свою «систему» (всё по «канонам» Европейской философии: гносеология, этика, эстетика, философия политики, религии etc.). При сем – какого-либо специфически еврейского «привкуса» в философии Франка нет. Он сам называл в качестве ориентира и «учителя» *suū generis* – Николая Кузанского, за коим – традиция «рейнской мистики» и т.п. Т.е. Франк – русско-германский философ по «стилю» и содержанию своего философствования (характерно его блестящее владение немецким, так что часть трудов изначально писалась им на этом языке). Добавить можно, что в Райхе С.Ф. каким-то особым «преследованиям» не подвергался, но в 1933 г. его «сняли» с должности директора «Русского Института» в Берлине, отдав сию должность проф. И.Ильину (возможно, это и не «лучшее решение», но нам *post factum* «легко судить-да-рядить»). Свои дни проф. Франк закончил в Англии. Как бы то ни было, его пример – яркий пример такого «нееврейского еврея», как рекомый О.Вайнингер... «Когда мы говорим о крови, например, мы не имеем в виду исключительно биологическую кровь, которая течёт по венам физического тела. Мы думаем о крови Парацельса, об Астральном свете и об эфирной памяти индоариев. Это истинная “хромосомная память”, а не современная биохимическая память. Кровь, в духовном и герметическом смысле, - это священный напиток Сома, нечто отличное от того, чему учат нас биология и гематология науки Кали-юги; кровь - это жидкое солнце, через которое течёт память о внеземных предках; это Великое Воспоминание» (дон Мигель Серрано).

Часть 3. Всегда против Коминтерна!

*Солдат
Дружины
«Святого
креста».
1919–1920 гг.*

Сергей Ольденбург

ВСЕГДА ПРОТИВ КОМИНТЕРНА!

Тяжёлую душевную смуту переживает русское зарубежье, разбросанное по всем странам мира, разъединенное, охваченное противоположными течениями. Приходится слышать, что у русских сейчас двойтся, а то и троится в душе. Этого не должно быть. У русских - где бы они не жили - есть одно основное правило, которое для них - что полюс для магнитной стрелки:

Всегда против Коминтерна!

Это правило простое, но в иных условиях совсем не легко его выдерживать. Все же иного правила нет. Коминтерн - его называют и советской властью, и большевизмом, и иногда просто «Сталиным», дело не в названиях - это та злая сила, которая двадцать два года назад поработила нашу родину, с жестокостью и упорством защищает свою власть от русского народа и стремится распространить её на другие земли. <...>

За годы красного плена мы убедились, что иностранные державы, за очень немногими исключениями, не относятся к большевикам так, как относимся мы. Русская беда для них чужая беда. Попеременно, одна за другою, великие державы искали способа использовать Коминтерн в своих интересах. Короли и кардиналы пожимали руки представителей кровавой кремлевской власти. Мы это видели - и не раз. Мы к этому привыкли. Но наше отношение к большевикам не зависит от преходящих настроений той или иной державы.

И сейчас, когда эта советская власть продвигает свои полчища в Европу, когда ей достаются обширные области, когда везде говорят о росте влияния правительства Коминтерна - можем ли мы этому радоваться?

Конечно нет! Можно ли радоваться тому, что миллионы людей попадают под жестокую власть Г.П.У.? Можно ли радоваться тому, что гибнут кое-как уцелевшие очаги культуры?! Мы, находящиеся пока «за безопасным рубежом», защищенные от красной

армии, можем ли мы радоваться, смеем ли мы радоваться большевистским завоеваниям?

СССР не Россия. Мы это провозглашали не раз. Неужели мы - в такой мере «рабы минутного, поклонники успеха», что готовы отречься от своих убеждений только потому, что большевики - и притом не собственными, а чужими руками - «выгребают каштаны из огня»?

Иные говорят: они забирают русские области. Казалось бы, тем хуже для русских, попадающих под большевистскую власть. Пусть население польских «кресов», имевшее основание быть недовольным польскими властями, порой искренно приветствует красноармейцев. Что из этого? Надо уметь взглянуть на несколько месяцев вперед! Надо себе представить, что станет с этим населением через несколько месяцев советской власти.

Области, мечтавшие о России, области, тяготевшие к ней и не входившие в Империю, скажут: и это - Россия? И это русская власть?! Советские завоевания порождают только злейший сепаратизм, только отталкивание от Москвы. Те, кто жаждали воссоединения с Россией, будут жаждать иного: освобождения от той власти, которая, к нашему несчастью, до сих пор гнездится в Москве.

Ещё говорят: пусть большевики соберут русские земли, потом их свергнут, а воссоединенные земли останутся. Такие слова ещё были понятны в 1918 г. Но теперь, когда большевики показали свою живучесть --и свою неисправимость - таким рассуждениям места быть не должно. СССР не Россия. Власть Коминтерна не преобразится каким-то чудом в русскую власть. Она, конечно, падёт. Но между нынешним днём и её падением ещё лежат неразгаданные события.

Какие основания думать, что советские завоевания - а мало ли какие ещё советские республики появятся на свете! - так-таки и останутся за Россией? Никто не знает будущего, но много более вероятно, что большевики утратят не только свои нынешние завоевания, но и многое другое раньше, чем будут окончательно отвержены в прах.

Соблазн советских завоеваний - опасный соблазн. Он заставляет русских сочувствовать своим злейшим врагам. Он вносит сму-

ту в умы - и не в первый раз. Вспомните 1920 г. и Тухачевского под Варшавой! Что из этого вышло? Вспомните поход Блюхера в Манчжурию. Что от него осталось, кроме резни русских в Трёхречье и продажи за безценок Восточно-Китайской дороги?

Русские не в праве радоваться тому, что красноармейский сапог топчет землю, над которой некогда реял русский трёхцветный флаг. СССР и Россия - не одно. Для русских должен оставаться в силе всё тот же лозунг:

Всегда против Коминтерна!

(«Возрождение» (Париж), № 4203, 29 сентября 1939 г.)

проф. Иван Ильин

О «БОГОУСТАНОВЛЕННОСТИ» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С тяжелым чувством берусь я за газетное перо после долгого девятимесячного перерыва. Не с чувством любви и гордости, чтобы воздать должное русскому таланту или гению, но с чувством сдержанного стыда и духовного негодования, чтобы указать на ложное и соблазнительное учение. Это учение должно быть обличено и опровергнуто. Его нельзя замалчивать, его невозможно обходить. Нельзя даже оставаться с колеблющимся, неясным, двоящимся ответом на вопрос, который оно выдвигает и разрешает. Ибо этот вопрос касается судьбы России, ее крушения, ее муки и ее возрождения. И разрешается он в сторону гибели. И еще он касается самого основного существа исповедуемого нами Православия; и разрешается он в сторону формального законничества и последовательного непротивленчества. В общем, все сводится к тому, что советская власть установлена Христом, Сыном Божиим; что коммунисты суть слуги Божии и исполняют волю Бога; и что поэтому не только предписывается повиноваться им за совесть, но воспрещается и осуждать их.

После всего того, что мы видели и слышали за последние двадцать лет великой всероссийской и мировой смуты, нам пора было бы приготовиться ко всему и не удивляться ничему. Но учение, о котором мне необходимо высказаться, особенное.

Оно выдвинуто православным иерархом, митрополитом Литовским и Виленским, Елевферием, в двух книжках: “Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву” (Православное издательство, Париж, 1933) и “Мой ответ митрополиту Антонию” (Ковно, июнь 1935) [В дальнейшем я буду обозначать первый источник римской цифрой I, а второй – римской цифрой II – прим.Ильина].

Тот факт, что нашелся пребывающий на свободе и ничем ни от кого не угрожаемый православный епископ, который не только высказывает устно и печатно такие суждения, но еще пытается уверить нас, будто он этим “выражает волю Божию, возвещенную

нам в Божественном Откровении” (II, стр.66), - несомненно, будет отмечен в истории русской смуты и революции. Но мы, русские православные ученые за рубежом, решительно не считаем возможным, чтобы историк добавил к этому: “сие воззрение было выслушано национальной эмиграцией и никаких существенных возражений не встретило”...

Я знаю и разумею, что автор этого воззрения носит сан православного епископа. Посему я буду говорить не об авторе, а только о его теории, однако, именно в том виде ея, в каком она изложена в двух указанных источниках. Я никак и ничем не позволю себе коснуться сана или персоны автора; я совершенно обойду молчанием вопрос о его личных свойствах и о мотивах его выступления. Но печатно высказанное им учение стало системою соблазнительных идей в Русском Православии; и от этой теории, пытающейся предписать нам совершенно определенную, религиозную, нравственную и политическую практику, мы обязаны отмежеваться – духовно, религиозно и практически. Сан дает учительный авторитет: но он не дает права на безапелляционность и не возлагает на других обязанность некритически принимать соблазнительное учение. История Церкви знает епископов, впадавших в ересь и осуждавшихся на соборах. Еще будучи в России, мы видели живоцерковцев и обновленцев, носивших епископский сан: что же, мы были обязаны благоговейно склоняться и перед всем тем, что они тогда и там утверждали? Нет, во имя Христа, во имя Церкви, во имя собственной совести – мы должны обличать их кривые воззрения и их кривые дела. Мы решительно отказываемся признавать, что епископский сан прикрывает все и всякие воззрения, все и всякие дела. Мы достаточно видели, страдали и думали за последние двадцать лет и постигли опытом последних крушений и бед церковных, что означают слова Апостола Иоанна: “не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они” (1 Посл.4:1).

Итак, да будет сану – подобающий почёт, а соблазну – подобающее обличение.

Учение о богоустановленности советской власти, выдвигаемое м.Елевферием, состоит в следующем:

Перед самым своим вознесением Христос Сын Божий сказал: “Дана Мне всякая власть на небе и на земле” (Мф.28:18). Это

означает, что “полнота власти – у Христа и всякая власть, как “ке-сарево” исходит от Него и служит спасению людей” (I, 3; II, 61). Пока это спасение не совершено, власть над спасаемым миром неизменно и неотъемлемо будет принадлежать Ему (I, 4). Посему “всякая власть на земле, как власть – Христа” (II, 62). Она Христом “дается” (II, 13); от Него исходит (II, 61); устанавливается Им, согласно Его, нам “неведомым”, “спасительным планам” (I, 4). Какова бы ни была эта власть, - власть ассирийского царя Сеннахерима, или власть персидского царя Кира, или власть Навуходоносора, или власть римских императоров-гонителей, или же советская власть, - безразлично: она “исполняет волю Бога” (II, 64); и христианин должен не только разуметь это, но и делать практические выводы из этого. “Роль власти, как Божьего слуги, должна определяться ... в связи с длительным процессом религиозно-нравственной жизни народа” (II, 64). В Писании сказано: “Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду” (Иер. 29:11; Елевф. II, 64).

Этому, полагает м.Елевферий, соответствует и учение ап.Павла: “Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены, Посему противящийся власти [Митр.Елевферий считает возможным цитировать Писание неточно, произвольно внося множественное число вместо единственного и переставляя слова. – прим.Ильина] противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение (Рим. 13:1-2). “Что здесь можно возразить?”, - спрашивает автор (II, 62). А в другом месте поясняет: “Колебать абсолютность этой Божественной воли, которая должна быть фактом христианской веры, ограничивать ее какими бы то ни было человеческими соображениями значило бы только свидетельствовать о своем невхождении сознанием в эту Божественную волю...” (I, 4). Предоставлять личному человеческому усмотрению “определение качества власти, законности или незаконности ее” значит оставить “жизнь человечества” “без воли Божией”, поставить ее на пустоту, отдать постоянному хаосу; тогда как “весь созданный Богом мир в порядке и целесообразности жизни держится данным ему Творцом законом, волею Его”, а человечество есть “венец Бо-

жия творения” (II, 66). “Произвольное отношение” к “установившейся на земле власти” (II, 60-61) – недопустимо; оно осуждено христианским Откровением.

Отсюда необходимость повиноваться советской власти и утверждать ее законность. “Стать во враждебные отношения” к ней – значит “выступить против воли Божией” (II, 65). Повиноваться же ей надлежит “с доброю совестью” (II, 67), как писал м.Елевферий – “не только из страха, но и по совести” (II, 69), как призывал митр.Сергий, ссылаясь на ап.Павла: “Неужели Христос, призывая “отдавать кесарево кесарю” (Мф.22:21), “учил лъстивому исполнению гражданских обязанностей?” (II, 69). И ап.Павел “неужели учил лицемерию”..? (II, 69). Это исключено. Посему все христиане должны повиноваться советской власти – добровольно и чистосердечно. “Богу – все не только духовное, спасительное и спасающее, но и по совести исполнение гражданских обязанностей, поскольку в этом есть воля Божия, а гражданской власти только последнее, поскольку она не касается веры, спасительного пути” (II, 72).

Но и этого мало. Христиане должны помнить, что Апостолы “строго обличали тех”, которые “идут вслед скверных похотей плоти [Эти слова почему-то не включены автором в цитату. – прим. Ильина], презирают начальства, дерзки, своевольны [Эти два слова у автора произвольно выпущены. – прим.Ильина] и не страшатся злословить высших, тогда как и Ангелы, превосходя их крепостию и силою, не произносят на них пред Господом [У автора произвольная перестановка слов. – прим. Ильина] укоризненного суда” (2Пет. 2:10-11, у автора II, 65). В послании же ап. Иуды прямо указывается, что как блудодействовавшие Содом и Гоморра подверглись казни огня вечного – “так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти. Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: “да запретит тебе Господь”. А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как безсловесные животные, знают, тем растлевают себя” (Иуд. 1:8-10, у автора II, 65).

Отсюда ясно, что Господь возбраняет православным людям презирать советскую власть, злословить ее, отвергать ее и произ-

носить над нею укоризненный суд. Допустимо только безпрекословное повиновение за совесть, “в согласии с заповедями Божиими”, дабы советская власть “видела это, и Дух Божий возглаголил бы чрез нее благая о Церкви Святой” (II, 67) [Последние слова приводятся митр.Елевферием из послания Местоблюстителя митрополита Петра. – прим. Ильина].

Необходимо отметить, что м.Елевферий не считает себя сторонником “безбожной советской власти”; для него, “русского иерарха, она тяжела, ибо под нею тяжело страдают и Церковь наша, и родина” (II, 66). Однажды у него срывается даже такое признание, что “безбожные коммунисты” “в религиозной сфере действуют по вдохновению сатаны”; но и тут оказывается, что у них будто бы “есть предел, всегда живой, который был указан Богом дьяволу, когда он просил дать ему власть над Иовом”; “он в руке твоей, только души его не касайся” (Иов. 2:6) [Цитата из Св. Писания опять неполная. В Библии стоит: “только душу его сбереги”, - прим. Ильина]. Этих прав никто не может отнять у христиан” ... “Только сам человек может потерять их, сделавшись богоотступником” (II, 18).

Но как бы то ни было, автор убежден, что верно “выражает волю Божию, возвещенную нам в Божественном Откровении” (II, 66), и что вся русская православная эмиграция, мыслящая иначе, идёт по ложному пути.

В противовес этому мы утверждаем и исповедуем, что вся изложенная только что доктрина зовет на ложный и соблазнительный путь, чуждый православному христианству и зловерный для русского национально-патриотического дела. И еще мы утверждаем и исповедуем, что эта доктрина основана не только на неверном истолковании отдельных мест Св. Писания, но и в особенности на неверном понимании основного учения христианства о свободе.

Начнём с того, что слова Христа при вознесении, приведенные у Матфея, автор совершенно произвольно и неубедительно толкует в государственно-политическом смысле : “Дана мне всякая власть на небе и на земле”. Всякое такое толкование, изъемяющее отдельные фразы из текста и придающее им наиболее элементарное и “подходящее к случаю” толкование, бывает отсеченным от Духа . Св. Писание Нового Завета изобилует местами, говорящими

о полновластии Христа (например: Мф.11:27; Лк.1:32, Ин.3:31-35; 13:3; 17:2; 1Пет.3:22; Рим.14:9; Ефес.16:10, Флп.2:9, Кол.1:13-18; 2:15; Евр.2:8; Откр.19:16). Но нигде, решительно нигде это полновластие не понимается в смысле установления всемирной государственной власти. Под “властью” разумеется или известный ранг безплотных сил небесных (“престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли”); или же облеченность Христа, Сына Божия, в победную силу по отношению ко греху, к закону природы, к смерти, к ветхозаветной букве, к дьяволу и адским “преисподним” силам; или же обладание Им всею полнотою откровения и всею мощью душеспасения; или, наконец, эсхатологическая власть его на Страшном Суде и в Вечном Царствии. Но представлять Христа, Царство коего “не от мира сего” (Ин.19:36), как небесного суверена, назначающего всех земных правителей, всех “кесарей”, не исключая и сатанински одержимых злодеев, - значит поистине искажать православное учение о Христе, в действительности возглавляющем единую Церковь, но отнюдь не множество земных государств. К тому же внимательное чтение греческого подлинника Нового Завета быстро убедило бы всякого, что “духовные власти”, побежденные Христом и подчинившиеся Ему, обычно обозначаются в Писании иными терминами (экзусиай, дюнамейс, архай), чем власти государственно-политические (гегемон, базилеус, кюриотэс). Только термин “экзусиа” встречается иногда и в значении государственной власти; но тогда это бывает ясно из контекста.

Но допустим на миг, вопреки всему, что Христос действительно стал устанавливать правительства во всех странах и государствах. Казалось бы, что такой божественный и радостный порядок мироустройства, устраняющий из политики человеческую свободу, человеческий произвол, человеческую корысть и злобу, должен был бы воздвигнуть всюду мудрых, благих и кротких правителей, умирить нашу жизнь и водворить везде справедливость и изобилие. Но на самом деле мы видим в истории нечто иное, и очень часто – прямо противоположное этому, в политике царят именно произвол и своекорыстие. Вокруг правителей кипит зависть и интрига; карьеризм и предательство возводят людей к власти; благих царей и законнейших правителей убивают и замучивают; злодеи и тираны захватывают в свои руки бразды правления и

развращают народы безбожием и безсовестностью. Казалось бы, одно это зрелище политических смут и мерзостей должно было бы навести христианина на мысль о том, что не всякая власть исходит от Христа ; что, наоборот, водворение власти в стране есть дело человеческой свободы , а потому и человеческих страстей, грехов и произволений . Казалось бы, что может быть религиозно противоестественней и непозволительней, чем видеть океан злобы, низости и безбожия, проистекающий от какой-нибудь власти, и потому именно стремиться возвести ее ко Христу, изобразить эту власть осуществительницей воли Сына Божия и потребовать от терзаемых и духовно-развращаемых ею народов – безпрекословного неосуждающего подчинения ей за совесть?!

Признаюсь открыто, что, читая книжки м.Елевферия, я все время боролся со странным и страшным воспоминанием. В 1489 году в католических странах Европы была выпущена книга “Молот ведьм” (*Malleus Malleficarum*); ея составили два инквизитора – Шпренгер и Инститорис. В этой книге содержится учение о том, как надлежит замучивать пытками и доканывать насмерть больных, истерически галлюцинирующих женщин, в качестве “ведьм” якобы имеющих сношение с дьяволами. Все сие – на основании Св.Писания Ветхого и Нового Завета. Кто читал эту кошмарную книгу, тот никогда ее не забудет. Она учит мучительству и ссылается на Христа; она видит болезнь, предлагает чудовищный по жестокости способ обхождения с нею и возводит все сие к Сыну Божию, прикрывая всё Его именем.

Читая книжки м.Елевферия, я боролся с этим воспоминанием, указывая сам себе на отсутствие полного сходства между обеими теориями. Но чувство говорило мне иное: вот опять антихристово дело прикрывается именем Христа! В иной связи, иначе; но уже не от лица католика, а от лица православного епископа ... который при этом от времени до времени торжествующе вопрошает: “что здесь можно возразить?” ...

“Здесь” должно привести в возражение всё Св. Писание Нового Завета, но взятое не в отсечении от Духа; не в букве отдельных фраз, а в его истинном, духовном смысле. Антихристово дело не может проистекать от Христа; сатанинские правители дьявольски губящие народ и растлевающие его дух – не могут “исполнять волю

Бога”, но могут исполнять лишь волю сатаны. Именно это дело и такое дело совершается ныне в России. Следовательно, оно не от Бога. И никакие ссылки на “недоведомые” планы Божии – не помогут соблазну. Ибо если эти планы кому-нибудь “недоведомы”, то он их не ведаёт и не понимает; как же он дерзает ссылаться на них? Как он дерзает говорить: вот явное дело сатаны: но на самом деле – оно есть дело Христа, а потому надо повиноваться сатане как слуге Божьему ... И кто произносит это учение? Православный епископ. И за что он выдаёт это своё учение? За подлинное учение Христа и Церкви!..

Дух сатаны у коммунистов он признаёт; но только “в религиозной сфере” (II, 18). Что же касается иных мероприятий советской власти, то их он возводит ко Христу, как например, всеобщее изъятие собственности: ибо, думает он, “земные блага” “почти всегда” “ведут к понижению веры” “до потери её”, они становятся “уже узлом”, которые “в спасительных путях Божиих требует упразднения совершающегося Христом через властей ” ... (II, 63. Подчёркнуто мной – И.И.). Что же касается стремления коммунистов “вытравить веру и нравственность” в “жителях”, то он признаёт, что это “прискорбно” и “тяжко”, но склонен думать, что это тоже “ко спасению” (II, 63-64).

Итак, коммунисты оказываются отчасти “слугами Божиими”, отчасти же слугами сатаны; но и тут им, согласно вымыслу автора, якобы заповедан предел – “не касаться души” русского народа и блюсти его права, и “эти права” русского народа “сам Господь хранит и укрепляет” (II, 18)...

Но что же делать, если этот “предел” давно уже с самого начала погран коммунистами и если вот уже 18 лет именно к ним применимы слова Писания: “бойтесь более того, кто и душу, и тело погубит в геенне” (Мф.10:28)?

Ведь замысел коммунистов един и целен; и весь целиком направлен против Христа, против Духа, против свободной религиозной личности, против православной России. Ведь сам митрополит Сергей свидетельствует открыто о коммунистах в своём послании: “Они ставят своей задачею борьбу с Богом и его властью в сердцах народа” (II, 70). Душерастление оказалось их главной задачей: люди твёрдокаменные и костоломные, они вот уже 18 лет изошря-

ются в изобретении всё новых и новых приёмов для вытравливания духовности, веры, совести и чести из человеческих душ, не соблюдая никаких, неправдиво приписываемых им “пределов” ...

Изъятие собственности должно было сделать всех зависимыми нищими и поставить коммунистическую власть в положение монопольного работодателя; а эта монополия над нищими есть орудие всеобщего порабощения – телесного (голод), душевного (страх) и духовного (приспособление к безбожникам и мучителям). Так это всё и совершилось. А м.Елевферий пытается уверить нас, что это сам Христос сделал это дело через коммунистов?! И что Господь таким способом “сам хранит и укрепляет” права русского народа на религиозную свободу?!

Нет – сатанинский план коммунистов един и целен. Изъятие собственности и вытравливание веры и нравственности – есть единое дело. Коллективизация крестьян и взрыв соборов динамитом – единое дело. Разрешение кровосмешения и организация союза безбожников – единое дело. Разложение школы марксизмом и разстрел православных священников – единое дело. “Протаскивание” служащих женщин “через постель” и изъятие священных сосудов – единое дело. Раствление детей и живоцерковство – единое дело. Здесь нет двух дел: внецерковного коммунизма, руководимого (прости Господи!) Христом; и церковных гонений, совершаемых “по вдохновению сатаны” (II, 18). Здесь единый сатанинский план – одурманивания, порабощения, растления, обезбожения великого православного народа. Здесь пришёл час взывать из глубины крушения и страданий наших, взывать к Богу любви, чтобы умилосердился над нами и помог нам освободиться из цепкой сатанинской руки. Это час молитвенных усилий. Час восстания во имя Божие. Но не час призыва к совестной покорности сатане; и не час возведения советской власти ко Христу, чье дело она якобы творит.

Не так дело обстоит, что Христос поручил коммунистам вылечить русский народ бедностью – от мамманизма. Но так обстоит дело, что сатанинской стихии удалось соблазнить по-детски доверчивую и по-взрослому – страстную душу русского народа, поработить её соблазном, покорить завистью и страхом и повести её по путям растления и обезбожения. И все сие не проявление Христовой воли, но проявление человеческого произволения, во

зло употреблённой свободы, греха и страстей. Восстанем ли мы от этого крушения? Верую, восстанем. Покорностью ли сатане во имя Христово? Нет, никогда. Но чем же? Неповиновением сатане во имя Христово. Но ведь ап. Павел сказал, что “существующие власти от Бога установлены”? Что же это – отвержение апостольского слова?

Я установил, что божественное полновластие Христа над вселенною не следует и невозможно толковать в смысле исхождения от Него и соответственного возведения к Нему всякой власти на земле или, в частности, всякой государственно-политической власти. Существенно отметить, что м.Елевферий настаивает именно на более широкой формуле, без оговорок, и говорит многократно о всякой власти, куда, очевидно, надо будет отнести и власть поляков в Московском Кремле в разгар русской Смуты, и власть Стеньки Разина, Пугачёва, батьки Махно, и власть турок над балканскими славянами, и татарское иго в России, и далее – власть хунхузских шаек, власть рабовладельцев над рабами и т.д. Словом, где только человек угнетал в истории другого – произволом, насилием, страхом, мукою и эксплуатацией, там за этим гнётом стояла якобы верховная власть Христа, Сына Божия, “неведомо” устанавливавшего эту власть ко спасению... Эти выводы являются для автора неизбежными.

Замечательно, что совсем иное толкование и понимание этого мы находим у ап. Павла в Послании к евреям. Здесь прямо указывается, что полновластие Христа следует относить не к настоящему, а к будущему. Цитируя псалом 8-ой, стих 5-7 “всё покорил под ноги Его”, ап. Павел поясняет: “Когда же покорил ему всё, то не оставил ничего не покорённым Ему. Ныне же ещё не видим, чтобы всё было Ему покорено, но видим, что за претерпение смерти увенчан славой и честью Иисус”; Он претерпел смерть, “дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвергнуты рабству”... (Евр.2:6-9, 14-15). А это значит, что крестной смертью и воскресением Христос победил и подчинил себе не политических правителей вселенной, а наследственный грех, закон человеческой природы, смерть и дьявола.

Но если так, то как же надлежит понимать прославленное место из Послания ап. Павла к римлянам (13: 1-6), на которое ссылается и м.Елевферий?

Приведём это место полностью.

“1. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. 3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее. 4. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. 5. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. 6. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые”.

Есть два способа толкования текстов: буквенное законническое, формальное, выделяющее тезис, фиксирующее его отвлечённый смысл и на нём настаивающее. Этот способ всегда давал ложные выводы, - и в религии, и в юриспруденции, и в истории, и в литературе. Но есть другой способ толкования, идущий не от буквы к отвлечённому смыслу, не от части к целому, а от духа к букве и смыслу, от целого к части, от истока, корней, основ к практическим выводам.

Ап. Павел начинает своё изложение с практического правила (ст.1-2), потом переходит к обоснованию этого правила, к истокам его, к корням (ст.3-6) и, наконец, возвращается опять к правилу (ст.7). Позволительно ли отрывать внутренний смысл правила от его основания? Нет, не позволительно; поступать так значит угрожать себе доступ к верному пониманию правила. Ап. Павел, требуя лояльности к государственной власти, возводит эту власть к Богу; но он делает не только это, он недвусмысленно разъясняет, для чего власть установлена Богом, в чём именно проявляется эта богоустановленность и как именно человек может удостовериться в ней. Власть установлена Богом для того, чтобы начальник был Божьим слугой. Эта богоустановленность проявляется в том, что власть поощряет добро и пресекает зло. Удостовериться в этом

можно как бы “экспериментально”: “Хочешь не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от неё”; и обратно, “если же делаешь зло, бойся”. Эта связь между начальным правилом и последующим обоснованием подчёркивается семь раз употребленным “ибо” (по-гречески “гар”). “Начальник есть Божий слуга”; вот почему (по-гречески “дио”) “надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести”. Начальники (по-гречески “архонты”) есть служители Божии (по-гречески “диаконы”, “литурги”). В этом их призвание; отсюда их право требовать от граждан “добросовестной лояльности” и “податей”: они “постоянно заняты служением Богу”, и в этом, очевидно, подобны служителям Церкви, питающимся от дела своего.

Но что же, если оказывается, что водворилась власть, служащая не добру, а злу, и притом именно злу, а не просто “языческому пониманию добра”? Если оказывается, что властвуют люди, служащие не Богу, а сатане; сознательно и упорно искоряющие всякое благое дыхание, систематически пресекающие добро и поощряющие зло (а именно, ненависть, зависть, месть, мучительство, деторастление, кровосмешение, безчестие, безбожие, попрание всех заповедей); подготавливающие духовное порабощение всего мира? Что тогда? Если всякое основание для советской лояльности отпало? Если истоки и корни правила поправки и обезсмысленны? Что же, и тогда правило, практическое требование покорности – сохраняет свою силу?

И вот, буквенно-законническое, формальное толкование отвечает: “Да, всё-таки сохраняет; потому что сказано – нет власти не от Бога” ... Однако сказанное не просто “сказано”, а пояснено и раскрыто: совестная лояльность причитается Божиим слугам, а не слугам сатаны. Но до формалиста-законника это не доходит: “Сказано, что существующие власти от Бога установлены; сатанинская власть есть власть существующая; значит она тоже установлена от Бога; значит, Апостол проповедует добросовестно служить слугам сатаны”... Однако, ведь это значит добросовестно служить самому сатане. И вот законническое буквоедство, нисколько не пугаясь этого вывода, начинает доказывать, что известные действия сатаны производятся на самом деле Христом (например, всеобщее изъятие имущества) и что сатане приказано соблюдать права духовной свободы у обнищавших жителей...

Но и этого мало: вслед за тем буквенный формализм переходит в наступление и объявляет, что основное правило богоустановленности всякой власти – “абсолютно”, “непоколебимо” и “неограничимо” никакими “человеческими соображениями” (I, 4), никаким “личным усмотрением” (II, 66); и что допускающий что-нибудь подобное оставляет “жизнь человечества” “без воли Божией”, “ставит её на пустоту”, “отдаёт постоянному хаосу” (II, 66).

Вот истинное проявление мёртвого законничества, вот подлинный дух ветхозаветного иудаизма и морально-юридического формализма: или буква закона, абсолютное правило, непоколебимое обобщение, неограничимый принцип, - или же ставка на произвол и пустоту, возстание против воли Божией, торжество хаоса. Третьего исхода нет.

Но Христос научил нас, христиан, именно третьему исходу; главному, верному, духовному пути – свободе. Это не свобода произвола, личного интереса, страсти, жадности и греха; не свобода пустоты и хаоса; но свобода христианская, свобода покаянием очищенной совести, свобода предметно созерцающего духа, свобода, насыщенная любовью к Богу. Именно об этой свободе читаем у апостола Павла: “но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу, в обновлении духа, а не по ветхой букве” (Рим.7:6). А у ап. Иакова: “закон совершенный – закон свободы” (Иак.1:25); “так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы” (Иак.2:12). А у ап. Петра находим о сем исчерпывающе: “Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству от Господа; царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ... как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии” (1 Пет.2:14-16).

Согласно этому и при таком понимании слова апостола Павла “нет власти не от Бога” означают не разнуздание власти, а связание и ограничение её. “Быть от Бога” значит быть призванным к служению Богу и нести это служение; это связывает и ограничивает саму власть. Это не значит, что власть свободна творить любые низости и мерзости, грехи и окаянства, и, что бы она не творила, - всё будет “исходить от Бога” и всё будет требовать от подданных,

как бы гласом Божиим, совестного повиновения. Но это значит, что власть устанавливается Богом для делания добра и поборения зла; что она должна править именно так, а не иначе. И если она так правит, подданные обязаны повиноваться ей на совесть.

Таким образом, призванность власти Богом – становится для неё мерилom и обязанностью, как бы судом пред лицом Божиим. А совестное, свободное повиновение подданных оказывается закреплённым, но и ограниченным этим законом. Поскольку же “ограниченным”? Поскольку, поскольку живущий в сердцах подданных закон христианской свободы зовёт их к лояльности или же возвращает им эту лояльность.

И вот, именно к этой свободе, насыщенной любовью, совестью и предметным созерцанием, мы и должны обратиться за исходом, когда власть оказывается в руках сатаны, коему мы никак не можем и не хотим служить – ни за страх, ни за совесть. Служить мы можем и должны одному Богу, ибо мы “рабы Божии”; Ему мы призваны служить свободно, так говоря и так поступая, как имеющие быть судимыми не по букве Писания, а по закону свободы. И если оказывается, что по нашей свободной и предметной христианской совести (не по произволу и не по страсти!) – власть сия есть сатанинская, то мы призваны осудить её, отказать ей в повиновении и повести против неё борьбу словом и делом, отнюдь не употребляя нашу христианскую свободу для прикрытия зла, т.е. не искажая голоса своей христианской совести, не прикрашивая дел сатаны и не возводя их криводушно к самому Христу; с тем, чтобы теперь же принять на себя все последствия этой борьбы, а впоследствии ответить за каждый шаг наш со всем дерзновением и со всем смирением христианской свободы.

Это путь древний, православный. Впервые он был указан апостолами: “должно повиноваться больше Богу нежели человекам” (Деян. 5:29). И затем на протяжении истории христианства этот путь был пройден многими святыми. Чтобы указать только на историю России, вспомним: преп. Сергия Радонежского, подвигающего Дмитрия Донского на татарскую власть, как не установленную Богом; патриарха Гермогена, поднимающего Россию на богопротивную власть поляков, засевших в Кремле; и, наконец, патриарха Тихона, дословно писавшего коммунистам 19 января

1918 года [Поучительно, что м.Елевферий умалчивает об этом послании патриарха Тихона так, как если бы его вовсе не было. — прим. Ильина]: “Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной”. “Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы”. И, написав так в своем первом послании к пастве, св. патриарх Тихон в течение ряда лет пребыл верным своему слову, а в 1921 году повелел тогдашнему митрополиту Московскому организовать сопротивление властям в деле изъятия церковных ценностей.

Все эти церковные деятели, отцы русской Православной Церкви, знали Писание не хуже м.Елевферия; знали и Евангелие и Послания; и, в частности, Послание ап.Павла к римлянам. И вот, именно поэтому, они вступали на путь христианской свободы и возвышали свой голос, - то осуждая, то анафематствуя, то призывая прямо к борьбе не на жизнь, а на смерть; самостоятельно, но не произвольно решая вопрос о бого-не-установленности данной власти и не боясь “выступить против воли Божией”. И голос их звучал отнюдь не из пустоты и отнюдь не звал к произволу, анархии и хаосу. И казалось бы, что православному епископу надлежало бы знать всё это и не отнимать у нас христианскую свободу законническим толкованием Писания, да и самому не “употреблять свободу для прикрытия зла”.

Этой христианской свободе мы и должны учиться у Сергия, Филиппа и Гермогена. Она означает не безответственный произвол решений, а великое бремя ответственности. Она одновременно — великое религиозное право, право совестно и творчески созерцать и разуметь закон Божий и в то же время — великое религиозное бремя, бремя ответственного решения в творческом применении закона Божия к жизни. Но уклониться от этого бремени нельзя.

Ибо Священное Писание Нового Завета не даёт и никогда не стремилось дать исчерпывающий кодекс правил на все случаи жизни. Она указывает нам дух, в котором мы должны пребывать, дух веры, любви, молитвы, прощения, щедрости; и даёт несколько основных заповедей. Творить же жизнь из этого Духа мы, как христиане, призваны свободно. Огонь этого духа должен жечь

наше сердце и светить нам. Но “абсолютные”, “непоколебимые”, “неограничимые” законы поведения – являются домыслом формального человеческого рассудка, зараженного иудаистическим законничеством.

И если так обстоит дело с учением Евангелия, то ещё более это относится к свв. канонам. Дух канонов мудр, чист и свят; читая их, изумляешься их верному видению, их свободной властности, их целеустремлённости, их (сразу) строгости и доброте. Но каноны не могут предвидеть всё и дать исчерпывающий кодекс правил и исключений (ибо справедливость всегда требует исключений!) [Срв. например, правила 69 и 88 шестого Вселенского Собора, устанавливающие прямые исключения из общего правила. – прим. Ильина] на все времена и обстоятельства.

В канонах живёт творческая свобода христианского духа, дух церковного самостроительства. Эта свобода не умерла и ныне. Эта творческая сила не покинула Церковь и теперь. И если история человечества несёт Церкви непредвиденные обстоятельства, крушения и осложнения, то надлежит не держаться за букву канонов, а возродить в Церкви их творческий дух; и выходить из непредвиденных бед, потрясений и искушений, следуя не букве канонов, а их живому церковному духу.

И в этом отношении вся позиция м.Елевферия является столь же формально-законнической, как и в других отношениях.

34-е апостольское правило, на которое он ссылается, гласит: “Епископам всякого народа подобает знати первого в них и признавати его яко главу и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения: творити же каждому только то, чтокасается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих”.

Согласно этому зарубежные иерархи должны, по-видимому, подчиниться митрополиту Сергию, на чем м.Елевферий и настаивает. Но если народом этим завладеет сатанинская власть с ея никем и никогда не предвиденными приёмами всепроницающего сыска, лжи, угрозы, насилия и изоляции; и если часть народа рассеется по всей вселенной, спасая души свои, а первый епископ, яко глава, окажется в плену у сатаны и лишённым свободы церковного изъявления – что же тогда? Это апостольское правило должно быть все-таки формально-законнически соблюдено на всеобщий соблазн, и на разрушение, и на торжество пленившего сатаны,

или же христианская совесть должна создать новые формы церковного устройства не по букве канонов, а в духе их? Митрополит Сергей высказался в своём нелегальном письме за дух, а не за букву. Но м.Елевферий стоит за букву, хотя бы следование ей вело к торжеству врага Церкви. Он даже пытается нас уверить, что подъяремная Церковь в России, которую он называет “патриаршеством”, возрастает во внутренней благодатной свободе (II, 54-55), которую митрополит Сергей “всемерно охраняет” (56); мало того: - Русская Православная Церковь только при советской власти, перестав опираться на “кесарево”, вкусила этой “канонической благодатной свободы” (II, 54), которой она была лишена в императорской России; и эту-то “каноническую свободу” (основанную на всепроницающем контроле коммунистов) должна воспринять от неё и зарубежная Церковь!..

Но каноническая свобода никогда не состояла и не будет состоять в том, что церкви дается обманная видимость самоуправления при постоянном терроризирующем вмешательстве противоцерковных, сатанински вдохновляемых безбожных правителей. И как может православный епископ выдавать эту угнетённость Церкви, изнемогающей в оковах дьявола, эту неслыханную в мировой истории несвободность ея, это кощунственное поругание свободы – за “благодатную внутреннюю каноническую свободу Матери-Церкви” (II, 54-56)?! Как могло его перо начертать эти слова над строем церковным, буквально изъеденным зубами сатаны?! Да, Православная Церковь в России не опирается более на “власть кесаря”, но зато контролируется во всём властью, сатанински вдохновляемой в отношении церкви и религии. И это есть “каноническая свобода”? “благодатно возрастающая”, “силою Духа Святого”? И к этой “свободе” м.Елевферий дерзает звать Православную Церковь зарубежья?!

Да не откликнется никто на его зов! Да не постигнет нас этот соблазн!

Ибо всё учение его о мнимой богоустановленности советской власти и о необходимости подчинения ей за совесть – построено на неправде и ведёт к величайшему соблазну.

**(первая публикация: «Возрождение», Париж,
N 4040, 22 августа 1936)**

СССР НЕ РОССИЯ
(обоснование из «трёх источников»)

*

Блестящее стихотворение русского поэта Арсения Несмелова (Дозорова), посвящённое «советским патриотам-оборонцам». Эти строчки злободневны и поныне...

Оборонцам

Ну, хорошо,
Свою беду простим —
И беженство, и нищету, и муку —
Все это мы
Сейчас
Отпустим им,
Простим по— братски
И протянем руку.
Но
Можем ли
Простить мы и за тех,
Что
Тысячами
Падали в подвалах,
Как жертвы их палаческих утех,
Их жадных рук,
От свежей крови
Алых?
Но пусть и так...
Склоняясь к сапогу,
Пусть сами мы
Сейчас
Подставим выю
Последнему закланному врагу:
...Спасем ли этим
Мы
Свою

Россию?
Нет!
Из того, что дорого векам,
Враг не вернет ни пяди, ни крупинки.
Он это лишь пообещает вам —
Прижат к земле
На страшном поединке.
Когда ж блеснет —
Хоть временный —
Успех,
Чтоб муть тревог
Не клочкотала в нервах —
Он вас же в тюрьмы
Бросит прежде всех
И в прежних пытках растерзает
Первых!
Чего ж вы ждали столько горьких лет?
Ведь эта битва вызревала где — то,
Ее вы ждали...
И ответа — нет...
Не может быть разумного ответа!
Очнитесь же от басен и химер!
Вернитесь вновь к национальной яви!
Между Россией,
Да,
И Эссесер
Знак равенства немыслимо поставить.

Арсений Несмелов.
«Прибой» (Харбин), 1942, № 71.

**

Критериум «кровожадности»

«Если за отправную точку отсчёта принять XVI в., взяв статистику истребления населения, то можно обнаружить такую картину: при Иване Грозном в России уничтожено 3-4 тыс. человек; в Англии при Генрихе VIII и Елизавете I — свыше 89 тыс.; столько же — в

Испании при Карле I и Филиппе II. В дальнейшем политические казни в России практически сходят на нет. За XVIII-XIX столетия по политическим мотивам у нас казнено 56 человек: 6 пугачёвцев, 5 декабристов, 31 террорист при Александре II, 14 террористов при Александре III. На фоне этой пасторали буквально кровавая бойня в Западной Европе: в одном Париже в июне 1848 г. уничтожено 11 тысяч, а в мае 1871 г. – 30 тыс. человек. Далее, однако, ситуация резко меняется. В Западной Европе власть утратила черты кровожадности; у нас же – по воцарении ВКП(б) – второго крепостного права большевиков – разворачивается война с собственным народом» (А.Панарин и др. Философия власти. М., 1993).

Иван Ильин
Советский Союз - не Россия.
О советском патриотизме

Не мы первые произнесли это словосочетание: его придумали и пустили в ход сами коммунисты и соблазнённые ими зарубежники. Они сами назвались советскими патриотами и этим определили своё политическое естество и своё место в истории России. Нам остаётся только вскрыть смысл этого наименования и указать им свое место.

С обычной, юридически верной и политически грамотной точки зрения это наименование является просто невежественным. Слово «советский» обозначает форму государственного устройства, не более. Мы знаем монархическую форму государства и республиканскую. Советское государство считает себя республикой: говорят, что это новая разновидность республиканского строя — не парламентская республика, а именно советская. Развивая эту мысль, торопливые и болтливые младороссы (не доброй памяти) давно уже предлагали устроить советскую монархию: принять советскую форму государства и возглавить её революционным «царём»...

При юридически правильном понимании идея советского патриотизма оказывается прямою нелепостью. Патриот предан своему отечеству, своему народу, его духовной культуре, его на-

циональному преуспеянию, его органическому благоденствию; он желает его международной независимости, он служит его сильной и доблестной самообороне... Но патриотом может быть и монархист, и республиканец. В Швейцарии и в Соединённых Штатах вы найдёте множество патриотов, но не отыщете монархистов. Не менее патриотов вы найдёте в Англии и в Голландии, но «республиканцы» составляют там огромное меньшинство. Родина едина, отечество одно; но государственную форму своей страны люди могут мыслить различно. Это означает, что вопрос государственной формы определяет не патриотическую, а партийную принадлежность человека. В лоне патриотической верности могут пребывать и монархисты, и республиканцы. И те и другие любят прежде всего своё национальное отечество (Голландию, Англию, Соединённые Штаты, Швейцарию, Францию): они — верные голландцы, преданные англичане, гордые американцы, стойкие и храбрые швейцарцы, пламенные французы, а потом уже и именно вследствие этого национального патриотизма они требуют для своей страны той или другой государственной формы — одни желают монархию, другие республику.

Но «советский патриотизм» есть нечто извращённое и нелепое. Это есть патриотизм государственной формы. «Советский патриот» предан не своему настоящему Отечеству (России) и не своему народу (русскому народу). Он предан той советской форме, в которой Россия страдает и унижается вот уже тридцать лет; он предан той партийно-коммунистической «Советчине», которая гнетёт и вымаривает русский народ с самого начала революции. Спросите этих людей, почему они не называют себя просто русскими патриотами? Почему они не именуют своё якобы любимое ими государство — Россией? Почему они предоставляют это драгоценное преимущество нам, открыто называющим свое Отечество — Россией, а себя — русскими? Куда и почему они сконфуженно прячут своё национальное естество? Почему они провозгласили себя не сынами своей исторически великой родины, а приверженцами завладевшей ею и советски оформившей её — интернационально-коммунистической партии?

Спросим себя ещё: что значит выражение — «я есмь монархический патриот»? Это ничего не значит; это — политически не-

вежественный лепет. Осмысленно сказать: «я есмь французский патриот и притом республиканец»; тогда мы знаем, какого народа сын перед нами, за какой национальный интерес он пойдёт в бой и какую государственную форму он считает для своей Франции наилучшей... Но предложите французу любить не Францию, а безнациональную, интернациональную и потому с правильной точки зрения французского патриота — предательскую «Советию», — и он посмотрит на вас, как на безумца и будет прав.

Что же означают слова: «я — советский патриот»? Они означают, что я предан Советчине — советскому государству, советскому правительству, советскому строю, — что бы за всем этим ни скрывалось и какая бы политика ни проводилась: русская, нерусская или противогосударственная, может быть, гибельная для России, несущая русскому народу порабощение и вымирание, голод и террор. «Советский патриот» предан власти, а не родине; режиму, а не народу; партии, а не отечеству. Он предан международной диктатуре, поработившей его народ страхом и голодом, открыто отменившей его сущую русскость и запретившей народу называться своим славным историческим именем... Ибо России давно уже нет в Советии, её имя официально вычеркнуто коммунистами из истории, и самое государство их называется международно и антинационально: «Союз Советских Социалистических Республик» (см., напр., текст - Сталинская Конституция 1936 года).

И вот советский патриот самым наименованием своим отрекается от России и русского народа и заявляет о своей приверженности и верности — не ему. Он патриот международной партии: он ей служит, он за неё борется, он ей обязуется повиновением. Самое название его содержит в себе открытое, публичное отречение от России и добровольное само-порабощение её нерусской и противорусской диктатуре. Если это есть «любовь», то любовь не к России, а к международному коммунизму; если это борьба, то борьба за упрочение советского рабства в России — борьба за погубление русского народа во имя международной коммунистической революции; если это «верность», то верность Советчине и предательство по отношению к национальной России!

Ибо Советское государство — не Россия и Русское государство — не Советский Союз.

(Журнал НТС «Посев», 1947 г.)

Болтовня про то, что Сталин-де был продолжателем некой непрерывной русской имперской традиции - нелепа в принципе. И проще всего она опровергается тем фактом, что система сталинского социализма была инсталлирована и вполне прижилась в таких весьма далёких от России странах, как, например, Северная Корея и Албания.

Энвер Ходжа вырос на Ильине? Ким Ир Сен - на Достоевском?

В такое может поверить либо идиот, либо автор портала Карнеги.

Михаил Гротт

ФАШИЗМ НЕСЁТ ВОЗРОЖДЕНИЕ МИРУ

Под его дыханием каждому народу суждено возродить свой национальный дух в полном, свободном и радостном горении арийского гения. Как отшлифованный алмаз ослепительно сверкает в лучах солнца, так все духовные силы народов охватываются цветением в плане утверждения фашистских идей.

Что такое Фашизм в универсальном понимании этого слова? — Это есть, прежде всего, освобождение в народе всех его природных дарований от какой бы то ни было опеки чужеродных сил. Сохраняя все национальные особенности данного народа, исторически сложившиеся на протяжении многих веков, Фашизм гармонически увязывает их в процессе своего государственного строительства на основах утверждения свободы и порядка.

Примеры уже образовавшихся фашистских государств с буйным цветением их государственного могущества, их национального творчества, с крепким укладом их здоровой морали, — эти примеры являются убийственными для всех сторонников отживающего либерал-демократического или социалистического строя.

Переходя к Русскому Фашизму, мы должны подчеркнуть его глубокую самобытность. Если Русский Фашизм по структуре своей имеет что-либо общее, например, с итальянским или с немецким, то это общее — порядка чисто внешнего. Вся внутренняя сущность Русского Фашизма, вся его идеология, всё его обоснование — всё это в целом и в частях не имеет никаких точек соприкосновения с фашистским строем других народов, кроме самого духа Фашистской Доктрины.

И это явление вполне нормальное: Фашизм не терпит ни стадности, ни шаблона, ни применения одной мерки ко всем народам. Чем индивидуальнее проявление чувства национального самосознания, тем Фашизм полновеснее, совершеннее, чище, — тем он внутренне правдивее, сильнее и жизненнее.

Всякий изучающий идеологию Русского Фашизма и понимающий, что содержание его не есть результат праздного измышления

скучающих людей, а органически связано с лучшими русскими историческими традициями, — легко усматривает, что Русский Фашизм всем существом своим несёт, помимо новых форм государственного устройства, возрождение нашей самобытной русской культуры.

Если спросить: в чём заключается цель Русского Фашизма, чему он служит и чего хочет, то ответ будет короткий: процветания России на основе утверждения русской культуры, взятой во всё её историческом целом.

Но для того, чтобы суметь претворить в жизнь это задание, Русский Фашизм от своих соратников требует именно служения, великой преданности, упорства и жертв, а не формального «состояния в членах Партии».

Утверждение в жизни самобытной русской культуры во всей многогранной её красоте и во всё пафосе её лютой борьбы с тёмными силами — это есть служение Белой Идее.

Необыкновенное состояние душевного подъёма, сердечной радости и умственного озарения испытывает тот, кому посчастливилось войти в круг этого служения и через это осознать себя органической частью великого целого.

В наши дни, когда мир стоит перед фактом напряжённой борьбы Фашизма с Коммунизмом, нам в плане служения нашей Белой Идее надлежит пройти суровую школу особо тщательной подготовки себя.

Задачи, стоящие перед нами, грандиозны: освобождение России от тирании большевизма и её восстановление. Грандиозной должна быть и наша подготовка. Русские фашисты, прежде всего, должны подготовить самих себя, ибо именно на нас упадёт вся тяжесть первых ударов в борьбе за утверждение в русской жизни наших идей.

Мы готовимся к походу на СССР, к возвращению домой, — мы готовимся принять активнейшее участие в её новом государственном и общественно-политическом строительстве... Хорошо ли мы готовимся? Так ли мы готовимся, с подходящим ли багажом вернёмся к родным очагам? Достаточно ли остро будут отточены наши мысли, чтобы с надлежащей ясностью, мудростью и твёрдостью строить Новую Россию? Чисты ли и сильны ли мы? Хорошо

ли сохранили в сердце своём лик Святой Руси, образы и чаяния нашей Русской Земли?!

Великую Фашистскую Россию должны строить лишь русские люди, ибо только им будет по плечу эта страшная тяжесть, ибо только им будет понятен смысл и план нового строительства. Только людям национального закала, только соратникам фашистского быта суждено будет идти в передовых рядах национал-революционной борьбы, стать ведущим началом...

Ибо только им суждено будет вызвать в народе жажду познать свою Россию, — исконную, настоящую, родную и применить к её строительству все свои творческие силы, все силы своего природного дарования, природного русского гения.

(«Фашист», № 34–35, 1937 г. Патнэм (США))

Из письма первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей Митрополита Антония Вождю Всероссийской Фашистской Организации – Анастасию Вонсяцкому:

Меня обрадовал своим посещением наш неутомимый патриот Анастасий Андреевич Вонсяцкий. С большим интересом я выслушал его рассказ о том, как растет патриотизм среди русской молодежи и как ее трудами на дорогом моему сердцу Дальнем востоке создана отличная русская организация фашистов, поставившая своим возглавителем А. А. Вонсяцкого и соединяющаяся с такими же доблестными молодыми патриотами и в других странах мира, где только имеются русские люди.

О всех вас должно сказать словами апостола Павла, «вы куплены дорогою ценою» (1 Кор. 6:20) т. к. на Русской Земле совсем было угасал патриотизм и лишь только суровыми карами Милосердный Господь вновь вразумляет наше Отечество. Берегите же драгоценные ростки русского патриотизма и не давайте места унынию при всех трудностях и скорбях, которые неизбежно ожидают вас.

Такое великое государство, как Россия, невозможно восстановить и прочно устроить без веры в Бога и Его Святую Церковь, без единомыслия с народом и без создания крепкой организации действительно готовой самоотверженно послужить своей Родине.

...

Равно также и наши благочестивые предки при устройении в 16 веке Московского Царства, вдохновляемые Св. Библией, разыски-

вали лучших людей, заботились о простом народе и создавали такие народные организации до подобия которых додумываются современные Европейские государства. Великие имена Московского Митрополита Макария и его славных сотрудников Протоиерея Сильвестра и боярина Адашева должны быть почитаемы, как основатели первого русского народного фашизма.

Во всяком случае для успеха Вашего дела необходимо, чтобы вы сохраняли всегда непоколебимую веру в Господа Бога и Его Святую Церковь; чтобы вы без всяких неурядиц, столь обычных среди русских, были послушны своему Возглавителю, имели бы единый план действий и были проникнуты братской, искренней любовью друг к другу.

КАК РУССКИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ ОТНОСИЛИСЬ К ПРАВОСЛАВИЮ?

Один из идеологов русского национал-социализма Александр Матанкин так пишет о роли религии и христианства в будущем обновлённом НС государстве:

Религия - основа нравственности и единения народа. Национал-социализм утверждает позитивное христианство, т.е. христианство на деле: в помощи ближнему, жертвенности, братстве, мирном единении, в предпочтении общего благо личному, в признании не родословности и чина, а личности и ее ценности, в социальной справедливости.

Ныне в России церкви сносятся; всякое проявление религиозности преследуется; атеизм и богохульство насильственно насаждаются: духовенство уничтожается.

В будущей России утвердится возрожденное и обновленное православие, играющее столь великую роль в народной, культурной и государственной жизни.

Также в пункте 18 его программы к будущему устройству России указано:

«Государство берет под защиту религии как основу нравственности и единения народа. Православие объявляется господствующей религией в государстве. Власть принимает меры к очищению православия от иудейского духа, а в области церковной в корне пересматривает вопрос об управлении, белом духовенстве, монашестве, духовных школах. (Ред.: То есть, так называемое «позитивное Христианство».)

Вероисповедания инородцев, населяющих Россию, признаются. Те-же “религии” и секты, которые - наподобие иудейства - претят всем Божеским и человеческим законам, беспощадно искореняются».

Из брошюры Российского Национального и Социального Движения:

Церковь и государство.

В отличие от своих западных соседей, Россия через века своей истории, пронесла традицию тесного сотрудничества государства с Православной Церковью. Это искреннее сотрудничество было возможно благодаря тому, что Русская Православная Церковь никогда не стремилась стать международной, надправительственной силой, а, напротив, неизменно способствовала укреплению национального самосознания русского народа и его культурной самобытности, как высшего дара Божья.

РНСД, признавая полную свободу всех церквей и вероисповеданий, почитает Православную Церковь как одну из основных опор российской государственности, долженствующей получить всемерную поддержку власти во всех областях ее деятельности и особенно в ее религиозно-воспитательной работе по возрождению исконных идеалов Святой Руси, как Государства Правды, по поднятию нравственного уровня народа и восстановлению крепкой семьи, основы всякого здорового общества и государства.

Молитва русского национал-социалиста

Тебе молюсь, о Боже правый,
Дай силу мне нести мой крест,
Да не смутит меня лукавый
Отчаянья и мрака бес.

Не дай ему вселить мне в душу
Разлад, уныние и лень,
Не дай врагам моим разрушить
Надежду на воскресный день.

Благослави на подвиг ратный,
На грозный бой с всемирным злом,
Не дай судьбе моей превратной
В кругу замкнуться роковым.

Вложи в уста мои сухие
Слова прощенья и любви...

Повергни в прах, Ты, силы злые,
Святую Русь, Ты, воскреси!

С.Т.

*(Источник: Пробуждение России.
Орган Русской Национал-Социалистической Мысли.,
№ 11, 20-ого августа 1933-ого года, стр. 2)*

ИВАН ИЛЬИН КАК СТОРОННИК РОА

В своей просоветской позиции по Второй мировой войне белосовки часто апеллируют к личности русского философа и белого идеолога И.А. Ильина. Желчная ненависть к бойцам РОА и прочим тогдашним антибольшевикам подается под соусом антинемецких цитат русского философа, что лишний раз демонстрирует абсолютную безграмотность поклонников «русской победы»- сталинского девятомая — они никогда ничего не читают, и все их знания в вопросе предельно поверхностны. При более подробном рассмотрении трудов Ильина картина складывается совершенно иной, в отличие от той, что часто рисуется псевдоправыми, а реальное положение дел состоит в следующем:

— Ильин не был «оборонцем» в годы Второй мировой войны (т.е. НЕ поддерживал СССР)

— Ильин считал большевиков большим злом, чем немцев

— Ильин считал необходимой деятельность Власовского движения и РОА

— Ильин отмечал положительный характер власовской политической программы — Пражского манифеста КОНР

— Ильин считал, что белоэмигранты, сражавшиеся в рядах РОА и других антисоветских формированиях на стороне Германии, были искренними русскими патриотами

Позиция И.А. Ильина по советско-германской войне

Часто совершается ошибка, когда Ильина записывают в оборонцы в вопросе его выбора во Второй мировой войне. Несмотря на то, что он на самом деле был противником Третьего Рейха, этого недостаточно, чтобы записывать человека в «оборонцы» — в действительности никаким оборонцем Ильин не был и свою позицию он впоследствии озвучивал в известной работе «Наши задачи»[1, с. 50]:

Есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует

расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения прямого интереса моей родины и экономии её сил. В таких случаях показуется н е й т р а л и т е т.

Таким образом философ, не являясь сторонником гитлеровского Рейха, также не был сторонником СССР, а занимал нейтральную позицию в отношении обоих государств.

На это может последовать вероятное возражение с отсылкой на статьи Ильина о боях Красной Армии против Вермахта, где он явно сочувствует русским солдатам на стороне СССР. Однако это в том числе не является основанием для «оборончества», поскольку аналогичную Ильину риторику мы можем найти и у белоэмигрантов, которые в тот период с оружием в руках сражались на стороне Германии.

Так, участник Белого движения, в годы ВМВ командовавший 1-о Русской Национальной Армией Вермахта Б.А. Хольмстон-Смысловский писал[2, с. 56]:

Русская военная история знает много блестящих побед и страшных поражений, но русская психология не знает окончательного исторического поражения. Татарское иго кончилось уничтожением монгольской империи. За взятие Москвы поляками мы ответили штурмом Варшавы. За поражение под Нарвой — разгромом шведов под Полтавой. За взятие Москвы Наполеоном — торжественным вступлением в Париж. За уничтожение Сталинграда — руинами Берлина. Протяните русскому народу руку, памятуя о том, что по московским заколдованным путям безнаказанно не ходят!

Ещё более красноречиво о бойцах РККА высказывался В.В. Гранитов, воевавший в рядах Русского Корпуса[3, с. 1-2]:

Все мы в зарубежье гордились высоким героизмом русского солдата и офицера, проявленными Красной армией в этой войне, и не только вторая, но и первая группа [белоэмигрантов, как сторонников Германии, так и её противников — прим. WR] в глубине души радовались первым успехам под Москвой и Сталинградом, понимая, что только сознание силы и упорства противника может отрезвить немцев от «головокружения от успехов» первых месяцев войны и заставить их переменить свою политику в русском

вопросе. К сожалению, последнего так и не произошло, и Гитлер своей одержимостью и упрямством довел свою собственную страну до поражения и полного разгрома, а с нею и нас – русских добровольцев.

Слова поручика Гранитова, особенно про необходимость гитлеровского «отрезвления», практически полностью идентичны позиции Ильина, но об этом чуть позже.

В то же время, в отличие от Гранитова, Ильин считает, что люди, рассматривающие успехи большевистской армии как пример чести и славы России, являются духовными слепцами и своего рода дальтониками. Он уделяет этому внимание в своей статье «Как русские люди превращаются в советских патриотов?» [1, с. 80]:

Итак, люди «превращаются» от духовной слепоты: или наивно-беспомощной, или порочно-сознательной. Наивная беспомощность иногда выражается в своеобразном «дальтонизме»: человек вдруг (или постепенно!) слепнет для одного «цвета», для определенного сектора жизни. Один уверовал, что успех красной армии составляет честь и славу России и уже начинает «забирать» Дарданеллы, Балканы, Персию и аннексировать Китай (военный империализм красной армии)... Другой уверовал, что сан Всероссийского Патриарха делает человека «мудрым», «гениальным», «святым», «священномучеником»... И вот, он уже шепчется с чекистами в рясах, прислуживает в храме перебежавшему Епископу и мечтает поднять под советскую церковь все восточные патриаршества (клерикальный империализм советской церкви)...

Также философ трезво понимал, что победа Красной Армии, несмотря на её национальный состав, является победой Коминтерна. Из статьи «Политические двойники» [1, с. 177]:

Поскольку грядущая возможная мировая война будет вестись в порядке прежней стратегии и тактики (пехота, танки, артиллерия, флот, авиация), постольку западные державы смогут её выиграть только при массовом положении оружия красной армии, состоящей в силу трагедии судьбы из русских людей. Ныне мировая пресса делает всё возможное, чтобы подготовить обратное. Русский солдат, увидев, что его отождествляют с коммунистами, что его презирают, что его родину чернят и поносят, что его страну хотят

завоевать и расчленишь, «осерчает» опять, как Митька в «Князе Серебряном», и сделает всё необходимое для победы Коминтерна

В общем и целом русский философ считал, что для русского народа вопрос советско-германской войны — это выбор из двух зол. Из статьи «Кому принадлежит наша лояльность»[1, с. 47-48]:

Правда, во время второй мировой войны русский человек был поставлен между двумя беспощадными врагами: внутренним вампиром и внешним завоевателем-истребителем; последнего он сначала принял за «друга» и «культурного освободителя» — и жестоко за это поплатился. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты... Русскому народу удалось отбиться пока только от германцев, подбросивших нам в 1917 году большевиков, снабдивших их деньгами и поддерживавших их так или иначе до 1941 года. Одоление внутреннего вампира еще не совершилось.

Большинство белоэмигрантов, сражавшихся в рядах Вермахта и антисоветских формирований, ровно тем же образом смотрели на выбор между нацистами и большевиками (откровенные гитлерофилы вроде атамана Краснова были исключением из правил), считая вторых бóльшим злом, чем немцы. А как на это смотрел Ильин?

Апеллируя к Ильину, белосовки любят цитировать его статью «Германия — главный национальный враг России», из чего становится ясным, что они её не читали. Когда для них сохранение сталинского рабства в 1945 году есть «русская победа», потому что коммунисты якобы лучше нацистов, Ильин считал ровно наоборот и в той самой статье писал[1, с. 36]:

(...) вторая война, в которой Гитлер возродил и вынес на восток империализм средневековых германцев с их традиционными приемами, обнажила всю глубину национального презрения, ненависти и жестокости германцев к русскому народу. Мы должны додумать до конца и покончить раз навсегда с сентиментальными иллюзиями. После большевиков — Германия есть главный национальный враг России, единственный, могущий посягнуть и дважды посягавший на её бытие и не останавливающийся ни перед какими средствами.

Другими словами, Иван Ильин, как и прочие белоэмигранты, не поддерживавшие Советский Союз, считал большевиков первыми врагами России, и уже только потом — немцев. Очевидно, это не противоречило его отрицательному отношению к гитлеровской интервенции.

Позиция И.А. Ильина по Власову и РОА

Белосоветские фантазии и попытки прицепиться к интеллектуальному наследию русского философа демонстрируют свою абсурдность особенно в тот момент, когда разговор заходит о Русской Освободительной Армии генерала А.А. Власова и тех белых офицерах, что сражались против коммунистов в 1941-45 гг.

В картине мира псевдоправых квази-совков власовцы и вообще все русские, не пожелавшие во Вторую мировую войну смириться с антихристианской сталинской тиранией, являются однозначными «предателями», «немецкими подстилками» и награждаются прочими эпитетами советской пропаганды, роднящими белобольшевиков с их братьями-коммунистами.

Истинный русский патриот и противник большевизма И.А. Ильин и на этот вопрос закономерно смотрел по-другому.

В письме к Б.И. Николаевскому от 3 апреля 1946 Ильин писал[4, с. 136]:

Я провел эти годы (1938–1946) в Швейцарии, куда уехал под давлением национал-социалистических преследований (направленных против меня лично за мой отказ от участия в их гнусной политике). Я никогда не сочувствовал Власову, считая его выступление лживым и стратегически недопустимым. Но его затея имела еще иной смысл: спасти те сотни тысяч русских пленных и «остовцев», которые буквально вымирали у немцев от голода и жестокого обращения.

Обратите внимание, что самому Власову Ильин не сочувствовал не потому, что «плохо изменять советской присяге», «плохо сотрудничать с немцами», «плохо воевать против коммунистической армии Сталина» или любые другие претензии, которые белосовки любят предъявлять воинам РОА, — Ильин не сочувствовал Власову, потому что не считал его выступление допустимым стра-

тегически, иначе говоря, причина прежде всего не в моральной или идейной стороне вопроса, а в совершенно иной плоскости.

Ильин же не только признает правоту за Власовским движением в контексте спасения им множества русских, оказавшихся в лапах нацистов, но и протестует против выдачи воинов РОА большевикам. Из того же письма:

Выдать советам на казнь или муку тех, кто оказался на «власовских» листах, — значит добивать тех, кого не доконали немцы: это гибнет русский народ, русская демократия...

Власовская идея действительно была русской демократической, генерал РОА М.А. Меандров утверждал: «Цель наша, основанная на манифесте КОНРа — борьба за установление национального строя в России, на демократических началах»[9].

Тогда же Иван Александрович предложил Николаевскому в издававшийся им «Социалистический вестник» свои статьи (под псевдонимом «Обломов») с разоблачениями западной политики выдачи бойцов РОА на расправу в СССР. Невзирая на согласие Николаевского, статьи в журнале не были помещены; информация об участии Ильина в попытках спасения насильственно выдававшихся репатриантов в СССР засекречена в США до сих пор[4, с. 136-137].

Более подробно взгляд Ильина на РОА и Власовское движение открывается в сборнике его статей за 1941-1945 гг.

На тех страницах философ отмечает: «Если русский народ преодолеет большевизм, это скорее получится изнутри, чем через прямое вмешательство со стороны.». Это заставляет его усомниться в успехе власовцев, однако Ильин заключает[6, с. 276]:

Все эти факты помогают прийти к кое-каким примечательным выводам. Если бы Гиммлер на самом деле стремился к образованию русской освободительной армии и национальной России, то ему надо было кардинально изменить немецкую восточную политику еще в 1942 году; если бы он в 1943 году подумал о подлинном «освобождении» Востока, то назначение Власова и образование его организации не состоялось бы лишь в 1945 году.

Другими словами, Ильин не отрицает саму идею русского антибольшевистского сопротивления на стороне Германии, но лишь указывает, что если оно и должно было состояться, то перемена

Восточной политики обязана была произойти раньше. Это сходится с позицией упомянутого выше поручика Гранитова, который указывал на необходимость такой перемены. Но больше всего точка зрения Ильина совпадает со словами начальника власовской канцелярии, белого офицера К.Г. Кромиади, который после обнаружения Пражского манифеста КОНР писал, что «было сделано все хорошо, но только с опозданием на два года.».

Ильин отмечает политическую дальновидность Власова в отношении нацистских пертурбаций[6, с. 276]:

Когда Гиммлер говорит о «Русской освободительной армии», он имеет в виду совершенно иное: пленные русские должны не сдаваться до конца. Потому трудно предполагать, что Власов не понимает этой подоплеки. Он неоднократно высказывался так: «Возможно, наше движение - безнадёжное предприятие. Но наша программа построения свободного, демократического, национального руссизма однажды дойдет до ушей поработленного русского народа и пробудит новые силы для окончательного освобождения России от большевизма. Мы, так или иначе, погибнем. Но наша программа нас переживет». [Приводя эту цитату Власова на стр. 285, Ильин добавляет к ней своё замечание: «Об этом нам поведаст будущее»]

Эту мысль, о политической зоркости Власова, Ильин продолжил в одной из послевоенных статей о тех русских, что надеются на освобождение России иностранной интервенцией. Из статьи «Надежды на иностранцев»[7, с. 168-169]:

А немецкие шепоты?! Вспомним работу «украинского института» в Берлине; вспомним партию «русских национал-социалистов», руководимых самым тупым из онемечившихся эмигрантов и, конечно, национал-социалистической полицией; вспомним статьи самого развязного публициста в эмиграции, всегда и на всё готового, уверявшего и национал-социалистов, и нас, будто тоталитарный строй есть в истории России явление обычное. (...) Без иллюзий держались только члены РОВС, Власов и группа честных русских офицеров-патриотов вокруг него.

Так, помимо всего прочего, Иван Александрович не только отделяет генерала Власова от тех русских, что искренне верят в освободительную миссию Гитлера (Власов действительно в нее не

верил, придерживаясь тех же позиций, что выше описаны у Гранитова, а при приближении краха Рейха рассчитывал перевести свою армию на сторону западных Союзников для будущей борьбы с СССР), но и называет патриотами тех русских офицеров, что его окружали. В то же время у псевдоправых белобольшевиков генерал Власов и его сподвижники — это «предатели» и «немецкие подстилки».

Философ не обошёл стороной основной программный документ РОА — Пражский манифест Комитета Освобождения Народов России (КОНР). Белосовки любят разводить истерику о том, что в этом манифесте присутствует отсылка на февральскую революцию, провозглашается федерализация; они называют манифест «социалистическим», а самого Власова кличут большевиком. В то же время Ильин, очевидно не являясь февралистом, обращает внимание не на эти спорные и в сущности второстепенные аспекты власовской программы, а на наиболее важные и положительные в противовес большевизму[6, с. 283]:

Что касается положительной идеологии власовского движения, то здесь видно неприкрыто высказываемое желание свободной, демократической федеративной России. Здесь нет ничего от тоталитарного нацистского или тоталитарного коммунистического государства; более того, прямая противоположность во всем. Равенство всех народов России между собой; отмена коммунистического принудительного труда и коллективизации крестьян; возвышение семьи и забота о семье; частная собственность, личная инициатива, свобода вероисповедания и мысли; социальное законодательство, - всё на основе последовательной ликвидации всякого большевизма и коммунизма. На знаменах этого движения стоит свободное буржуазно-национальное и федеративно-демократическое государство. Сюда добавляется последовательная мирная политика по отношению ко всем государствам и лояльное международное сотрудничество во имя мира на земле.

Позиция И.А. Ильина по белоэмигрантам, воевавшим на стороне Германии

Читатели этих строк могли не раз наткнуться на бесконечные повторения цитаты Ильина: «Я никогда не мог понять, как русские

люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они - враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм, как свою пропагандную карту. Коммунизм в России был для них только предлог, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей жажду завоевания. Германский империализм прикрывался анти-коммунизмом. (...) Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»

Как уже было отмечено выше, Ильин не сливал в одну кучу прогерманских белоэмигрантов, т.к. среди них мало кто действительно поддерживал Гитлера. Однако даже таких Иван Александрович неоднократно защищал — в «Наших задачах» философ специально поставил рядом «коварную выдачу русских генералов и офицеров с П. Н. Красновым во главе» с тем, «как по донесениям Черчилля-сына Черчилль-отец признал более выгодным для Англии поддерживать коммуниста Титоброза и предать белого сербского патриота генерала Михайловича»[7, с. 169].

Одним из близких друзей И.А. Ильина был выдающийся русский писатель И.С. Шмелёв. В годы советско-германской войны Шмелёв не только поддерживал русских эмигрантов, сражавшихся в рядах Вермахта, утверждая, что «... ехать на восток биться с большевиками. <...> Это бой с бесовской силой... и не виноват перед Богом и совестью идущий, если бесы прикрываются родной нам кровью»[8], но и, по заблуждению, откровенно восхвалял Гитлера, с восторгом приветствуя его нападение на СССР. В письме к своей возлюбленной он писал: «Я так озарён событием 22 июня, великим подвигом Рыцаря, поднявшего меч на Дьявола. Верю крепко, что крепкие узы братства отныне свяжут оба великих народа. Великие страдания очищают и возносят. Господи, как бьётся сердце моё, радостью несказанной».

Несмотря на всё вышеперечисленное, отношение Ильина к Шмелеву никак не пошатнулось, и больше того — философ активно его защищал, называя «певцом национальной России». Так, в послевоенных «Наших задачах» Иван Александрович утверждал[1, с. 452]:

Невольно думаешь, напр., о тех человечках, которые фальшивыми доносами устроили исторический скандал: даровитейшему

русскому писателю, чистейшему человеку, мужественно боровшемуся всю жизнь с большевиками, певцу национальной России, Ивану Сергеевичу Шмелеву, так и недали въездной визы в Соединенные Штаты. Думают ли эти клеветники, что брызги их злобы попали на Шмелева? Они ошибаются: эти брызги вернулись на их лица, чтобы украсить их навсегда...

Когда Ильин писал о политической дальновидности Власова в сравнении с прогитлеровскими белоэмигрантами, философ поставил его в один ряд с деятелями Белой Армии на чужбине — Русским Общевоинским Союзом (РОВС). Философ и сам до конца жизни был членом этой организации, большинство участников которой в 1941-1945 гг. поддерживали Германию и Власовское движение. Ближайшим другом и соратником Ильина был председатель РОВСа генерал А.П. Архангельский (кстати, участвовавший в подготовке, редакции и издании «Наших задач»), который с началом советско-германской войны выразил готовность белых воинов воевать в рядах германской армии[9, с. 370], а в переписке с другим лидером РОВС и другом Ильина, генералом Алексеем Александровичем фон Лампе, писал[10, с. 1]: «Войти в связь с А. А.[Власовым] нужно, ведь это должна быть антибольшевистская армия, да еще получившая специальную антибольшевистскую подготовку. Кроме того — это должно быть — хотелось бы в это верить — русская национальная армия. Как же нам, заклятым врагам большевизма и русским националистам остаться равнодушными?». В то же время генерал фон Лампе ещё до нападения Рейха на СССР писал письмо главнокомандующему Вермахта с просьбой допустить белоэмигрантов на Восточный фронт в предстоящем столкновении с СССР[11, с. 99].

Известный противник гитлеровской интервенции генерал А.И. Деникин называл вождей РОВСа — генералов Архангельского и фон Лампе — «предателями русских интересов» из-за их пронемецкой позиции и деятельности в годы Второй мировой[12], И.А. Ильин не только продолжил дружбу с этими генералами, не только не разорвал отношений с РОВСом из-за его пораженческой по отношению к СССР позиции, но и продолжил активно трудиться на благо этой организации. В 1949 году даже выпустил известную

апологетическую статью «Что такое Русский Обще-Воинский Союз (Р.О.В.С.)?»[1. с. 222-223]. В то же время к генералу Деникину Ильин относился отрицательно, как явствует из его переписки со Шмелевым[13, с. 184].

Заключение

Что мы имеем в итоге? Будучи противником Третьего Рейха и иностранной интервенции, русский философ И.А. Ильин не был сторонником Советского Союза во Второй мировой войне; считал коммунистов бóльшими врагами России, чем германцев; сочувствовал как русским в РККА, так и русским в РОА; протестовал против выдачи власовцев в Советский Союз; отвергая общую стратегию Власовского движения, считал само это движение необходимым явлением, политическую программу РОА — положительной; критиковал власовцев не за то, что они — какой кошмар — изменили советской присяге и воевали против солдат коммунистической армии Сталина, а потому что создание антисталинской армии и русского правительства с изменением славянофобской политики Гитлера произошло слишком поздно; защищал белоэмигрантов, сражавшихся на стороне Германии (как откровенных гитлерофилов, так и тех, что считали немцев меньшим злом), считал их русскими патриотами и имел среди них долголетнюю дружбу, состоя в организации, которая в 1941-45 гг. преимущественно поддерживала Германию.

Источники

Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954. Т.1. М., 2008.

Хольмстон-Смысловский Б.А. Личные воспоминания о генерале Власове // Хольмстон-Смысловский Б.А. Первая русская национальная армия против СССР. Война и политика. М., 2011.

Гранитов В.В. Об отношении РОВСа ко Второй Мировой войне // «Наши вести» Санта Роза (США), 1995, № 439/2740, июнь.

Лисица Ю.Т. Жизнь и деятельность И.А.Ильина в эмиграции // Русское зарубежье: история и современность. М., 2011.

ВА-МА. MSg. 149/3. Дневник ген. Бородина. Запись 19. 7. [1945]. Bl. 153.

Ильин И.А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939-1945 годов / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. М., 2004.

Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.: в 2 т. Т. 2 / Составление и комментарии Ю. Т. Лисицы. М., 2008.

Шешунова С. Две гражданских войны Ивана Шмелёва

Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005.

НІА. Arkhangel'skii A. P. Collection. Box 2. The folder without the name. Копия письма от 5 июля 1943 ГШ ген.-л. А. П. Архангельского — ГШ ген.-м. А. А. фон Лампе.

Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939-1945. М., 2010.

См. подробнее: Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Новый Часовой. №17-18. СПб., 2006. С. 206-218

Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947 — 1950) /Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева, имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2000. С.

СПЕЦИФИКА ИДЕЙНОГО МОНАРХИЗМА

Идейный монархизм обречён оставаться уделом отдельных идеалистических национальных групп. Как писал Шарль Моррас: «Будущее представлено меньшинствами, полными энергий сердца и ума»... Но нужно ли нам, монархистам, бояться такого состояния вещей? Совсем нет, скорее, ему нужно содействовать.

Среди немецких фрайкоровцев было очень много приверженцев «кайзеровской» идеи, большинство бойцов РОА были абсолютно белогвардейских взглядов, а за Луи Наполеона воевали польские и английские романтики-авантюристы.

Так как мир присно формируется меньшинствами (весь мир был завоёван и как следствие христианизирован маленькими группами религиозных авантюристов, таких как например отцы-иезуиты и Ост-индская кампания), так и Монархия, наизыскуснейший, наизыскуснейший. наизыскуснейший режим правления всегда поддерживался лояльными к нему группами.

Сие исходит из самой из сути процесса персонификации, олицетворения: Монарх, олицетворяя в себе идею и государство, собирает к себе и как к метафизическому концепту, и как к физической сущности приверженцев. Сие также и объясняет природу Самодержавия, как и единственно-верного идентификатора Монархии.

Монархии всегда симпатизировали по сим причинам, а потребность в обращении на это внимания инициировали как раз таки самоотверженные идейные группы. Собственно говоря, для них и нет вопроса, на который ответил некогда Сальвадор Дали: «Я за монархию, потому что такова есть моя королевская воля», - Кабы не люди, которые его ставят всевозможными способами...

Из сего также и следует сильнейшая черта Монархии - она не нуждается в утопической, абсолютной отдаче каждой единицы отдельной организационной группе, или партии, но лишь общей идее и общей симпатии.

Уровень исторических контраверсий, которые пережила Монархия, или при которых пала, является тем историческим ори-

ентиром для потомков, дабы удостовериться в несправедливости левой «критики». Сам факт существования периода революций 1848-го, а тем более его матери лёгкого поведения, французской революции, обращал внимание массы на уверенность в Монархии как альтернативы колыбели той деструкции, которую они ненавидели. Для каждого это была собственная боль и увлечение, для того же Сальвадора Дали его сродни художническому ремеслу, блудного сына которого, “новейшее искусство” он называл «грязным материалистическим наследством французской революции».

А Генри Форд говорил, что: «Монархия - наилучший из когда-либо выдуманных человечеством видов правления».

Все великие и малые люди мира сего присно находили свои причины для симпатии Царству Суверена, которое несёт в себе славу грядущего Царствия Небесного, коему «несть и не будет Конца»...

(Перевод – Роман Раскольников)

ПЕРЕВОРОТ ПЕРЕВЁРНУТОГО (МОНАРХИЗМ КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДОКТРИНА)

Слово «революция» в переводе с французского означает «переворот». Революцией старый, традиционный мир был опрокинут, поставлен с ног на голову. Значение переворота хорошо демонстрирует манипуляция с символами – перевёрнутый православный Крест превращается в сатанинский символ. Современный порядок извращён, и для того, чтобы вернуть ему нормальное положение, необходимо совершить ещё один переворот, т.е. ещё одну революцию; опрокинутый Крест должен быть опять повёрнут вершиной вверх. В извращённом порядке вещей всё меняется местами – подрывные либеральные силы, завоевав всю полноту власти, становятся консервативными, а сторонники Традиции неизбежно занимают положение революционеров. Эта ситуация вполне осознана врагами Традиции... Но то, что понимают враги, не совсем осознают сами защитники Традиции. У подлинного монархиста не может быть никакого согласия с либералами, подлинный православный верующий не может воспринимать дух современной эпохи, иначе как сатанинскую мерзость. Симфония властей приложима только к Православной Монархии, невозможно никакое «созвучие» (а именно так переводится греческое слово «симфония» православия с русофобской, антихристианской диктатурой еврейской олигархии. Как не парадоксально это звучит, но степень верности Традиции сейчас проверяется степенью революционности, безкомпромиссности в отношении современного мира.

Православному монархизму требуется сформулировать свою революционную доктрину. Либеральный капитализм был основной силой, сокрушившей Монархию, значит, позиция нового революционного монархизма должна быть антикапиталистической, необходимо однозначно заявить, что безграничная власть денег, власть банкиров и спекулянтов противна власти Монарха и Православной вере. Монархия, в пике коррумпированной «демократии», скупающей президентов и депутатов, должна быть осознана как

всенародная власть; монарх – это отец всех граждан России и его попечение не может распространяться, как это происходит сейчас, только на кучку инородных воров. Это означает, что последовательный, революционный монархизм должен выступать за социальные гарантии – за право на труд, на образование, на лечение и отдых и т.д. Монархия – это не просто власть одного, это, прежде всего, государство, осознанное как единая община, имеющая единого главу, а в общине не может быть равнодушного отношения к бедам и тяготам ближнего. Одним словом, новый революционный монархизм – это Православная Монархия с социальными гарантиями для всех граждан.

Атаман Пётр Краснов, прославленный как святой новомученик Катакомбной Церковью ИПХ, высказал мысль, что России необходим православный, монархический Гитлер. Сие речение стало своеобразным кратким выражением «революционной доктрины» Истинного Православия. Это, возможно, покоробит чей-то слух, но, право же, оно чётко проясняет суть того, о чём сказано выше, и об этом стоит призадуматься...

ПОДВИГ РУССКОСТИ

Россия должна принадлежать русским, и всякий кто живет на этой земле обязан уважать и ценить этот народ.

Император Александр III

Русская земля принадлежит русским, одним русским, хозяин земли русской — есть один лишь русский — и так будет навсегда».

Ф.М. Достоевский

Тот, кто говорит: «Россия – для русских»» – знает, трудно удержаться, чтобы не давать характеристики этим людям, – это либо непорядочные люди, которые не понимают, что говорят, и тогда они просто придурки, либо провокаторы.

ВВХ

Одной из идейных основ бытия Русской Православной Церкви Заграницей (далее – РПЦЗ) был концепт «подвига Русскости»... Наиболее ярко и ёмко он был сформулирован одним из главных идеологов РПЦЗ – архимандритом Константином (Зайцевым). «Наша Зарубежная Церковь — писал о.Константин в журнале РПЦЗ «Православная Русь» в 1956 г., – явление, вызванное к жизни событиями, подобие которым мы тщетно стали бы искать в прошлом. Падение Рима? Но на смену ему выросла Византия. Падение Византии, но на смену ей именно и выросло наше Отечество, как мировая держава, готовая служить подножием вселенского Православия. Падение России, как Православного Царства, создало пустоту — больше того: создало мерзость на месте святе. И вот, тут-то, и возникло явление Зарубежной России... Эта Зарубежная Россия, поскольку она исполняет назначение исповедничества, не может являть себя иначе, как Церковь Зарубежная, свято блюдущая свое преемство (духовно единая с катакомбниками в оккупированной сатанократией России). Отсюда исключительное

положение Зарубежной Церкви. Из разсеянного по вселенной российского беженства она рождает целостное единство — Российскую Церковь, временно, вплоть до освобождения нашего Отечества, воплощающую историческую Россию».

Второй из идейных основ РПЦЗ был концепт «катакомбности» *ut ita dicam*. Ещё один из видных идеологов РПЦЗ, архиеп. Нафанаил (Львов) отмечал: «Если мы находимся в одном церковном организме съ мучениками Катакомбной Церкви, благоговеем пред их подвигом, ловим каждое свидетельство о них и от них, то по закону церковной соборности мы являемся единым целым с ними...» (статья «О Русской Церкви за границей»). Сам же о.Константин изъяснял сей концепт так: «Какие чувства должны рождаться в нас, когда явления разцерковления нас самих касаются, нашу среду характеризуют, нас поражают?! Боли, острой боли, и стыда, жгучего стыда! И это ещё в лучшем случае! Ибо не может не родиться въ конечном счёте и другое чувство у тех, кто заданностью своей жизни почитает сохранение верности Церкви: чувство отчуждённости, стремления уйти, спрятаться, отъединиться по признаку верности этой Церкви, по признаку... принадлежности уже к последним христианам... А ведь это что уже? Не катакомбы ли? В них загнать может не только преследование и угнетение, но и фактическое вытеснение из культурного обихода, с переходом светской жизни на такой уклад в котором места не остаётся тем, кто живёт в Церкви»... «Как начиналась история христианства? Исповедничеством и мученичеством въ составе чуждого ему антично-языческого мира. К чему сводится история христианства в последних стадиях отступления? К тому же исповедничеству и мученичеству в составе чуждого, модернистски-антихристианского мира», сии цитаты из писанного о.К. в 1951 и 1958 гг. соответственно.

«Подвиг русскости» весьма ярко явил себя в жизни и деяниях ряда архиереев РПЦЗ. Из работы с характерным названием «Подвижники Православной Русскости» инока Всеволода (Филиппьева) позаимствуем главку, повествующую о архиеп. Виталие (Максименко), ещё до сатанинской Революции в России подъявшим «подвиг Русскости», бывшим настоятелем Почаевской лавры и одним из наиярых церковных черносотенцев той поры:

Архиепископ Виталий (Максименко) - авва Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Это благодаря его трудам ещё до революции была возсоздана Почаевская типография. А после революции владыка Виталий перевел эту типографию в Ладомирово на Карпаты. Затем благодаря содействию владыки Виталия, назначенному на епископскую кафедру в США, бывшее Ладомировское печатное братство обустроилось подле небольшого селения Джорданвилль в штате Нью-Йорк.

Владыка Виталий не был кабинетным мыслителем, он был церковным деятелем с большой буквы. Его неутомимая энергия воздвигала сначала в России, а затем во многих уголках русского зарубежья часовни, храмы, печатни... Его горячо любящее Россию сердце рождало удивительно простые и мудрые мысли об отечестве и русском народе. Прочитаем его поистине пророческие слова, сказанные вскоре после окончания второй мировой войны (!): “Русский народ - в России... в Америке, по всему свету - пришёл после тяжкой, смертельной болезни в сознание и ощутил, что он единый могучий, исполинский организм: какими бы хлебами он до последнего времени ни питался, но в нём душа и кровь одна - русская”. Видите, как он чисто русскими глазами и умом посмотрел на действительность, как он всеми фибрами души своей почувствовал, что в большевизме - его смертельная отравка, и решительно... отвратился от него... Вот начинают проявляться и первые волевые усилия осознавшего себя организма. Это мужественное исповедание своей веры сотен и тысяч умученных и разстрелянных священников, воинов, интеллигенции, рабочих и крестьян во главе с главой государства - Царём. Все они - самоцветные камни бессмертной славы в венце воскресающей России” (Архиепископ Виталий, “Мотивы моей жизни”, Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, США, 1955 г. Стр. 8).

Архиепископ Виталий никогда не отделял себя от паствы церковным амвоном, всегда жил в её гуще. Один штрих из воспоминаний владыки говорит о многом: “Из всех церковных предметов, которыми я владел в течение моей церковной службы, - пишет архиепископ Виталий, - сохранился у меня, как самое дорогое, наперсный крест, поднесённый мне, архимандриту, от Волынского Союза Русского Народа” (Там же. Стр. 180.). Назидательный урок

для современных церковных вождей России! (Надобно отметить, что благодаря деятельности таких духовных пастырей, как архим. Виталий, на Волыни в те годы практически 100% населения (включая рабочих-крестьян) были сторонниками правых партий, преимущественно СРН, левачков там было «раз-два и обчёлся»!).

Архиепископ Виталий скончался 8/21 марта 1960 года и был погребён в крипте под храмом-памятником св. равноапостольного кн. Владимира в Нью Джерси. Символично, что этот храм является одним из плодов деятельности владыки Виталия - неумоимого волынско-карпатско-американского миссионера, всю свою жизнь бывшего провозвестником и служителем православной русскости» (из книги: Охранительство. М., 2004).

Наконец, последний законный Первоиерарх ещё не раздробившейся на многочисленные «осколки», ещё не пошедшей на «унию» с МП апостасийной ея части, возглавляемой волчарой-шкурлой (не от слова ль «шкура продажная»?) «митр. Лавром», ещё единой РПЦЗ – Митрополит Виталий (Устинов) неоднократно «граду и міру» исповедовал «Подвиг Русскости». Его мысли, высказанные как бы «вскользь» в многообразных (чаще всего устных) проповедях и беседах, подчас являют большую глубину:

«Почему Господь попускает разрушать земные храмы?... да потому, что в храме уже не было “людей с сердцем”, то есть уже не было внутри них сердечного престола для Господа. Такой опустевший храм не нужен Господу и Он попускает его разрушить. Потому, что ищет Господь человека, который есть венец всей твари, а не камни, не здания»... «Преподобный Серафим Саровский «сидя на бревне, в дремучем лесу, показал Мотовилову Божию благодать явственно, ощутительно. Преп. Серафим обнял его и, вдруг, благодать Святаго Духа перешла к нему от преподобного, и он почувствовал себя не на земле, а на небе, в страхе и трепете он почувствовал Божию благодать. Вот чего ищет русский народ, — он хочет ощутить Божию благодать реально и совершенно. Вот в этом есть идеал русской души»... «Русская православная живая культура,— зиждется на подвиге живого русского человека. Она требует всегда участия его сердца, с известным духовным напряжением всех его сил. Это настоящий подвиг («подвиг русскости») от которого русский народ устал, обленився; однако продолжал

всё-таки его нести, но уже, как обязанность, как долг без участия сердца... Господь нам говорит: “Сыне, даждь Мне твое сердце”, а этого сокровенного подвига уже и не было и всё превратилось в тяжёлое бремя... Бремя стали сбрасывать, а храмы пустеть. Это первая духовная причина бунта против Бога — причина революции... «Мы должны каяться, чтобы возстановить в себе... духовный идеал Святой Руси, — это единственное чем мы можем изменить судьбу русского народа <...> Каждый из нас, если... скажет: “Господи, прости меня. Господи, помилуй меня, помоги мне”..., — с этого момента начнётся возрождение. Не стоит думать о чём-то ещё, надеяться на чью-то помощь, но чтобы каждый отвечал за себя и помнил слова...: “Спаси душу свою, и тысячи людей спасутся вокруг тебя”... Это единственный выход для России и для всего мира, потому что если Россия будет гибнуть, то и весь мир будет гибнуть, а если Россия возстанет, то и весь мир воспрянет» (см. подр.: «Православная жизнь» (Orthodox life). Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь». №8 (619). Август 2001 года. — Юбилейный сборник: Къ 50-лѣтію Архипастырства Митрополита Виталія. — Jordanville: Типографія преп. Іова Почаевского. Свято-Троицкій монастырь, 2001).

Возможен, однако, вопрос: а насколько необходим этой самый «подвиг русскости» для полноценного Православного исповедания? То, что «церковный национализм» возможен, спору нет, но насколько он полезен? Насколько «оправдан» именно с точки зрения Православия?

Вот, к примеру, «ответ», который даёт русский католик Дмитрий Тараторин:

“Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!”

Это Блок пишет в 1918-м.

А это всего через три года он же, о себе перед смертью: “Слопала-таки поганая, гнившая родимая матушка Русь, как чушка своего поросёнка”.

Вот, что воистину является русской патологией, так это болезненная фиксация на России, как некой сверхценности. И классики

этому всюду способствовали. Она видится не просто страной, в которой некто родился, чтобы найти решение своей единственной проблемы - разрыва между конечностью земного существования и запросом личности на вечность. Россия вытесняет этот единственный подлинный смысл и его замещает.

Причём, понятно, откуда это и почему - «Третий Рим, а четвёртому не быть». Что подразумевает, что она преддверие Царства. Подлинно роковая установка для миллионов русских жизней, уводящая от реальной проблемы в пространство коллективной гордыни и соответственно, бессмысленного и разрушительного для каждой отдельной личности коловращения вокруг да около пустопорожного мифа».

Что сказать на сие: Русская Церковная и религиозно-философская традиция дают «иной ответ». Споры нет: концептами «Третьего Рима», «Святой Руси» и т.п. многие и многократно злоупотребляли(ют). Однако, памятуя максимуму Древних: *Abusus non tollit usum* — «Злоупотребление не отменяет правильного употребления»; полагаем невозможным для нас «отрекаться» от сей Традиции...

Дополним примеры из Церковного «магистериума» несколькими цитатами из отечественных религиозных Философов: Проф. Иван Ильин отмечал, что изображённое Шмелёвым — не то, что «было и прошло», а то, что «есть и пребудет... Это самая духовная ткань верующей России. Это — дух нашего народа... художественное произведение национального и метафизического значения», запечатлевшее «источники нашей национальной духовной силы». Замечательный художник страдающего и поющего сердца сказал здесь некую великую правду о России. Здесь искусство поднимается до той естественности и незаметности, на которой живёт природа, и вливается в душу читателя, чтобы показать ей великую основу России — Святую Русь...

Мы, знающие Россию, свидетельствуем о правде, заключённой в этом творении. А всем тем, кто хотел бы узнать, как это люди жили, мечтали и молились на Руси, столетие за столетием, — мы от души советуем добыть себе эту книгу мастерского художества, прочесть её, прочувствовать, продумать и удостовериться в том,

что от неё “сердце” начинает “петь”; и тогда — перечитать её опять и опять, пристальным взором, с карандашом, выделяющим её духовные жемчужины, с острой благодарной памятью. Это верно: Русь была такою. И слава Богу, что она такой была. И смилуется Господь над нами: и она опять будет такою и ещё лучше, гораздо лучше, ибо очистится и закалится в страданиях и борьбе» (Иван Ильин. «Святая Русь». «Богомолье» Ивана Шмелёва).

Такой весьма далёкий от какой бы то ни было «национальной экзальтации» философ, как С.Л.Франк, в работе «Крушение кумиров» (1923) постулирует онтологическую-неразрывность «веры в Бога» с «верой в Родину-Россию»: «Одно родное существо есть, впрочем, у нас всех: это — родина. Чем более мы несчастны, чем более пусты наши души, тем острее, болезненнее мы любим её и тоскуем по ней. Тут мы, по крайней мере, ясно чувствуем: родина — не «кумир», и любовь к ней есть не влечение к призраку; родина — живое, реальное существо. Мы любим ее ведь не в силу «принципа патриотизма», мы не поклоняемся ни её славе, ни её могуществу, ни каким-либо отвлеченным признакам и началам её бытия. Мы любим её самоё, нашу родную, древнюю, исконную мать; она сама теперь несчастна, обезбещена, больна тяжким недугом, лишена всякого величия, всяких приметных, бесспорных для постороннего достоинств и добродетелей; она и духовно больна вместе со всеми нами, её детьми. Мы можем любить её теперь только той «странной любовью», в которой признавался великий, столь духовно близкий нам, тоскующий русский поэт, «гонимый миром странник с русскою душой»... Если бы только мы могли помочь нашей родине воскреснуть, обновиться, явиться миру во всей её красоте и духовной силе — мы, кажется, нашли бы исход для своей тоски, хотя бы для этого нужно было отдать свою жизнь!... Обретая Бога, мы находим теперь правильное отношение не только к отдельным людям и общественным порядкам и течениям, но и к коллективным, сверхиндивидуальным живым организмам. То, что раньше мы в лучшем случае лишь смутно ощущали, мы теперь понимаем и видим: именно, что эти сверхиндивидуальные целые суть живые духовные существа, которые имеют свою собственную ценность и судьба которых определяет и нашу личную судьбу. Через происшедшее преодоление внутренней замкнутости

нашей души, через её раскрытие и приобщение к всеединой живой основе бытия мы сразу же внутренне приобщаемся и к сверхвременному всеединству людей, живущих, как и мы, в Боге и с Богом, — к сверхиндивидуальной душе церкви как единству святости и религиозной жизни, как вечной хранительнице священных истин и преданий. Из самого восприятия вечного бытия и живой близости Божеству непосредственно вытекает и восприятие церкви как живой вселенской души человечества, как соборной личности, через связь с которой мы соучаствуем во вселенском, космическом таинстве Богообщения. В ней мы имеем истинное материнское лоно всей нашей духовной жизни. А в полноте нашей конкретно земной жизни мы приобщаемся к сверхиндивидуальной душе родины, не только ощущаем, но и осмысленно понимаем её как живое существо, как родную мать, и знаем связь нашей жизни с её жизнью, взаимозависимость нашего и её спасения. Мы понимаем, что она, как и весь мир, как и мы сами, погибает от слепоты, от вихрей злобы и ненависти, закрутившихся в мире, что от этой гибели нет исхода ни в каком политическом фанатизме, а есть исход лишь в духовном возрождении, в нарастании внутренне осмысленного, проникнутого любовью отношения к жизни. Мы не взваливаем более ответственности на одних — на тех, кого мы считаем нашими политическими врагами, и не кичимся более нашей собственной гражданской добродетельностью. Мы понимаем нашу общую греховность перед родиной, нашу вину в её гибели, в рождении слепоты и сатанинской злобы, мы полны любви и жалости к конкретной, живой душе народа, падшей ныне, как и мы сами, и сознаем, как трудно ей — и нам вместе с ней — духовно подняться после этого падения. Но вместе с верой в живого Бога, которая дает нам веру в себя самих и в людей, мы обретаем также прочную веру в родину.

Теперь мы благодарны Богу за весь пройденный нами путь, как бы тяжок он ни был. Мир и наша душа должны были пройти и через поклонение кумирам, и через горечь постепенного разочарования в них, чтобы очиститься, освободиться и обрести подлинную полноту и духовную ясность. Великая мировая смута нашего времени совершается все же не даром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение

безцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет сомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в последних глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью».

Поэт-философ Вячеслав Иванов в трактате «Родное и Вселенское» утверждает:

Единобожия разноглагольной
Хвалой хвалить ревнует тварь:
Леп, Господи, в Руси бездольной
Твой крест, и милостив алтарь.
И нужен нам иконостас,
В венцах и славах, горный лик,
И Матери скорбящей Лик,
И Лик нерукотворный Спаса.
Ему, Кто, зрак прияв раба,
Благий, обходит наши нивы, —
И сердца темная алчба,
И духа вещие порывы!..
Нет, Ты народа моего,
О Сеятель, уж не покинешь!
Ты богоносца не отринешь:
Он хочет ига Твоего.

Это знал я и двадцать лет тому назад, когда слагал вспомнившиеся строки, — и раньше. Открылось оно сердцу еще в первые лета жизни, осозналось же — через Достоевского — в последнюю пору отрочества, в то самое время, когда любовь моя уже не смела верить в реальность своих объектов, отрицаемых только что вышедшею из пеленок детской мыслью. Всегда, и в давней юности, когда Достоевский мне также представлялся, к моему великому огорчению, «врагом свободы», казалась мне очевидною правота его утверждения, что русское чувство Христа являет какую-то безценную особенность, как будто наша народная душа схватилась за край Его одежды и непосредственно ощущает силу, от Него исходящую. Долгое пребывание мое на Западе не ослабило, а

укрепило эту, быть может, ненужную для религиозного дела, но и не разделяющую людей уверенность, что богоявление Христа отдельным народам таинственно разнствует, как по-разному видели Его и ближайшие Его ученики. И если прав Достоевский, что наш народ – «богоносец», долженствующий «явить миру своего, русского Христа», – это не отнимает Христа у других народов, в свою очередь призываемых к богоносному служению; но выражает это определение, прежде и больше всего, веру в обручение русской души Христу навек»...

...Соглашаясь в основном со всем вышереченным, полагаем, что «русское чувство Христу» желательно не «заменить», конечно, но «восполнить» Его германским Богоявлением... Тем паче, что отечественная Поэзия утверждает, что «нам внятен сумрачный Германский гений»... Рифмованный опыт такого «восполнения» да заключит сие dissertatio (поэтический уровень его, бесспорно, «ниже» Ивановского, но идейное наполнение – вровень):

КОНТР-СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ

*Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, страна Родная,
В рабском виде, Царь Небесный
Исходил, благословляя
Не в рабьем зраке тютчевском,
Не с шайкой голодранцев,
Христа хочешь почувствовать? –
Представь Его Германцем!
И ноша Его Крестная –
Тяжёлый меч Тевтона,
Чеканный облик Кесаря
И Римская Корона...
Всю тебя, земля родная,
Осквернённую Жидом,
Возродит, переплавляя
Очистительным Огнём.*

Белый венчик из блоковских роз
Почернел от крови комиссарской,
Белокурый Германец Христос
На эсесовском танке принёс,
Своё благословенье принёс
Для Руси – Белой, Верной и Царской!

Часть 4. Der Ergänzung

ДОПОЛНЕНИЕ К PASSIONES CUM ILYIN

**/Страсти по Ильину. – Труды Русского Института
Геополитики, Выпуск 19. - Москва, 2024 - 152 с./**

В серии Труды Русского Института Геополитики, под редакцией его безсменного директора полк. В.Петрова вышел том «Страсти по Ильину». Сие издание инициировано, конечно, той яростной полемикой, что произошла недавно по поводу попытки создания при РГГУ партшколы им. Ильина, с отчётливым советско-патриотическим оттенком. «За» ВПШ им. Ильина яро ратовали нынешние «сталинисты», тогда как «против» - нынешние «троцкисты» и «бухаринцы». Т.е. те оттенки «партийности», коих проф. Ильин пламенно ненавидел и с коими вверенным ему «мечом духовным» (словом и пером) всю жизнь боролся непримиримо... Голоса же, собственно, Белых, Русских Антикommунистов, коих только и можно было бы считать «законными» идейными «наследниками» Ильина в сих «чернильных баталиях» не прозвучало. Сборник РИГ «воспорнляет» сей «пробел». В нём, разумеется, с достаточной подробностью разбираются вся событийная канва «страстей по Ильину», но основное целеполагание Сборника – выше сиюминутной «публицистики». Основные темы Сборника – место мысли проф. Ильина в общем органоне Русской Мысли и место Русской Мысли в духовном сопротивлении марксистско-ленинско-сталинскому порабощению Руси, покушающемуся, как хорошо известно, не только «тело» Руси, но и самую «душу» ея «погубить в кумачовой геенне» (Мф. 10, 28). А также – так сказать, «церковный статус» мысли Ильина. Сам Иван Ильин был прихожанином антисоветской «Белой» Русской Зарубежной Церкви, но тут важнее не то, где «окормлялся» Философ «телесне», а – где окормлялась его Мысль, сама, как известно, получившая способность «духовно окормлять» Белые «души». Не случайно, ряд духовных авторитетов РПЦЗ и Катакомбной Церкви ИПХ ратовали за признание трактата Ильина «О сопротивлении злу силою» в качестве «символической книги» Русского Православия, а самого Ильина друживший с ним архиепископ Иоанн Рижский уговари-

вал в начале 30-х гг. принять духовный сан, чтобы с церковной кафедры бороться с охватывающим мир материализмом. Сам архиеп. Иоанн (Поммер) – латыш родом, воспитанный на русской культуре – был фигурой харизматической. Депутат Сейма самостоятельной Латвийской республики, ярый антикоммунист, он был ритуально умучен агентами НКВД в 1934 г. В смерти своей свщмч. Иоанн повторил путь таких духовных и военных Вождей Святой Руси, попавших в руки красных изуверов, как свв. Царственные Мученики, Верховный Правитель адм. А.Колчак, генерал-барон Унгерн, генералы Кутепов и Миллер и мн. др. Вл. Иоанн Рижский не был блистательным оратором подобно И.А.Ильину, его «словесный дар» был много скромнее, но идейно-политическим единомышленником Профессора-Крестоносца он был в полноте. Приведём фрагмент проповеди вл. Иоанна Рижского на Великий Пяток 1931 г. Ряд его пассажей звучат прямо как «цитаты» из символической книги проф. Ильина «О сопротивлении злу...»: «Так у Бога всегда: нужный человек появляется именно тогда, когда он нужен. В рати Христовой наблюдается тоже, что случается и в ратах человеческих: зная, склонившееся в прах, поднимает известный воин, и оно вновь развивается над ратью, рассеивая смущение и тревогу, Жив Господь, живо Его дело. Господь владычествует и со Креста и будет владычествовать во веки веков. Это должны мы помнить всегда и особенно во времена искушений и испытаний. Когда уныние готово перейти в отчаяние, Господь неизменно подвигает человека благопотребного... Господь вчера, и днесь, и во веки – тот же. Когда позор безбожия и нечестия ныне гнетет чад нового Израиля – Руси Святой где-нибудь на равнинах Руси или в сибирских лесах или в какой-нибудь из стран изгнания и рассеяния великого народа-богоносца уже уготовляется благодатная почва, которая возрастит избранника Божия во избавление и возрождение народа-богоносца. Оскудели вожди, в утеснении пастыри. Человеческое око не видит откуда прийти избавлению, но Господь Всеведующий знает это. Даже самые зоркие современники не чуяли и не предвидели появления пр. Самуила, Дмитрия Донского, св. Гермогена, Минина, Пожарского, но в Боге положенное время появились они и задание Божье выполнили... Кто следит за современною прессою, за современными ораторскими

трибунами, знают, что современные поношения Христа неизмеримо превзошли и злобностью и грубостью все те поношения, которыми и до Голгофы и на Голгофе обрушивались на Христа враги, современники Христа. Грубейшему, безстыднейшему посмеянию подвергаются и личность Христа, и учение Христа, и все дела Христа, и дело Его в общем взятое. Предатели Христа ныне покупаются не жалкими тридесатью сребренниками, а всеми видами благ мира сего: жаждущим власти за предательство – честь, жаждущим злата за предательство – злато, в количествах не снившихся Иуде. Если бы нынешним врагам Христовым было бы доступно тело Христово, которое было бы распято на Голгофе, оно вновь было бы подвергнуто утонченнейшим истязательским способам умерщвления, но тело им недоступно, и вот враги Христа изощраются в истязаниях и распинании тела Христова, еже есть на Земли, и именуется Церковью Христа. Восстановите в своей памяти то, что вы видели, слышали и читали про истязания тела Христова, Церкви, в пределах большевизии, и при всей неполноте наших сведений вы поймете, что бес голгофский – младенец по сравнению с бесом советским. Четырнадцатый уже год, изо дня в день, каплю за каплей точат живую кровь из живого организма под улюлюкание и гикание осатаневших богоборцев. Голгофские злодеи не знали Христа, посему Христос и молился за них: «Прости им, Отче, ибо они не знают, что творят». Но большевицкие злодеи имеют пред собою Христа в двухтысячелетней истории христианства и в настоящее время живущего и действующего пред лицом всего мира в миллионах верующих лиц. Ныне впервые враги Христа выступают на арене истории как отрицатели не только веры в Бога, проповеданной Христом, но и всякой вообще веры в Бога. Мало сказать про созидателей современной Голгофы, что они осатанели, ибо и бесы веруют и трепещут. Они уподобились скотам берсмысленным, не сознающим в небе Бога, а в себе души, потому что они и Бога не боятся, и людей не стыдятся, и свершают дела поразительной жестокости и гнусности с животною злобою и тупостью. На современной Голгофе судьи уже не задают вопроса: Варавву или Христа? Ибо Вараввы давно уже облечены в тоги судей и властителей, законодателей и законоисполнителей и по делу Христа уже давно нет у них сомнений и колебаний: достоин смер-

ти. И этот приговор стал обычным не только по отношению к Богу, не только по отношению к Богочеловеку, но и по отношению к простому человеку, мерю для которого поставлено Христово: «будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть». Большевицкая мера человека: «Будите бездушными скотами, каких вы видите в лице своих наличных повелителей». Да, наше время не такое, как время Иосифа Аримафейского. Оно неизмеримо злее и подлее того времени. Если Иосиф в Голгофских злодеяниях усмотрел достаточное побуждение для того, чтобы от тайного исповедания перейти к открытому, то в наше время должно быть почитаемо призывающее нас к немолчному исповеданию, сопряженному с ярковыраженным протестом против возведения на Голгофу не только Бога, но и человека... И мы должны отрешиться решительно от всего, что может так или иначе связывать нас с осатанелыми богоборцами, касается ли то уз крови, имущественных уз, уз личной приязни. Когда мы вступали в Церковь Христову вратами св. крещения, от нас требовали не только исповедания веры в Бога, согласно с учением св. Церкви. Трикраты вопрошали нас: «Отрицаешься ли сатаны, и всех дел его, и всех аггелов его, и всего служения его, и вся гордыни его?» Мы трикраты отвечали: «Отрекся». Когда в последующей жизни заходит дело об исповедании веры, обычно про эту часть исповедания забывают. Это и всегда нехорошо, но в пору напряженной борьбы Царства Божья с царством сатаны такое забвение недопустимо. Для немощного человеческого сознания порождается искушение, будто можно исповедовать Бога и в то же время блюсти нейтральное отношение, своего рода лояльность и по отношению к царству сатаны. Создается фактически своего рода двуподданство духовное. Даже в распорядке мирских государств, особенно во время военное, двуподданство рассматривается как предательство и карается. Тем более это недопустимо в жизни духовной, где взаимоотношение между Царством Божиим и царством дьявола неизменно характеризуется борьбой без перемирий. В настоящее время каждый из нас должен со всей решительностью проявить свою безраздельную преданность Царству Божию и свою полную отрешенность к царству дьявола. Деятельно любя Царство Божие, к царству дьявола мы должны относиться с деятельным омерзением. При крещении, отреч-

шись от царства дьявола, свое омерзение к нему мы выразили исполнив повеление: «дуни и плюни на него»; по крещении это омерзение должно выражаться в нещадной борьбе с этим царством всеми силами и всеми способами. На нас на всех лежит двоякий долг: с одной стороны, разжигать в себе и других активную любовь к Царствию Божию, а с другой стороны – разжигать не менее активное омерзение к царству дьявола. Все мы сегодня собрались сюда по вере и любви к Спасу, благолепно погребенному благообразным Иосифом, но полноты благодати от лобзания Спаса во гробе сподобятся лишь те, кто не только словом, но и делом отреклись от «сатаны, и всех дел его, и всех аггелов его, и всего служения его и всея гордыни его», кто с омерзением «дунув и плюнув» на него при крещении, и в делах, и в словах водятся настроениями и заветами крещения и по крещении. Проверим же в сердцах своих заветы крещения и оживим их во всей полноте и яркости, чтобы излилась на нас вся полнота Спасовой благодати. Аминь» («Вера и жизнь» №5, 1931 г., май, с. 65).

Отдельно стоит сказать о «европеизме», даже «германизме» духовного облика И.А.Ильина. Рождённый в Москве, «сердце России», любящий всё русское, как «русский пламенно и нежно», сам-о-себе Иван Александрович по бытовым и умственным обычаям своим был «европейцем». Но – не только европейцем, а вернее – русским европейцем. Об этом точно высказался в Поминальном слове ещё один священнослужитель, близкий И.Ильину – архимандрит Константин (Зайцев): «В огромном явлении Русского Зарубежья одно из первых мест принадлежит ему. Принадлежит, прежде всего, по признаку изумительных дарований его. Свойственные Ив. Ал. основательность и дисциплинированность, чисто германского типа, не отяжеляли, а лишь опору давали его гению, полнота цветения которого трудно даже поддается уразумению. Можно в ней распознавать отдельные грани европейской культуры, в лоне которой вскормлен был этот гений. Но тот синтез, в коем в живой образ сливались элементы западной культуры, был чем-то таким, иным и высшим – чего не мог дать никакой Запад. Духовная помазанность тут сказывалась, рождаемая принадлежностью И. А. к иной культурной Родине, овеванной духом Православия... Ильин-философ, автор монументального иссле-

дования о Гегеле, защищенного им в качестве университетской диссертации в Москве, только что испытавшей подавление большевиками юнкерского «восстания», но ещё настолько свободной, что мог П. И. Новгородцев выйти из потаенного места, где он скрывался от большевиков, и принять участие в академическом торжестве – этот Ильин есть порождение Императорской России, ее умственного закатного расцвета, давшего такое множество выдающихся ученых трудов по всем отраслям знания. Останься И. А. на этом пути, место его было бы среди русской научной элиты, как одного из ярчайших ее представителей – и только. Не замкнулся, однако, в науке И. А. Не отдался он и стихии общественной, несшей эту элиту по течению. Именно в Зарубежье вырос он в иного Ильина – духовного вождя, учителя, пророка, проповедника. И в этом образе он уже чадо Новой России той духовно-обновленной Исторической России, которая одна только способна вернуть миру дальнейшую жизнеспособность, если только удастся ей обрести снова национально-государственную плоть. Надо ли говорить, какие потенциальные силы заключаются, под этим углом зрения, в наследии И. А.?! (Памяти Ивана Александровича Ильина. «Православная Русь». Нью-Йорк. 1/14-го января 1955 г. № 1/570). [Полностью и некролог о.Константина и прочие отклики на кончину И.А.И. можно посмотреть тут: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/o_nem].

Иван Ильин умер 21 декабря 1954 года в швейцарской больнице. На его могиле установили памятник с автоэпитафией на немецком языке: «Много прочувствовано / Так много выстрадано / В любви узрено / Немало прегрешений / И мало понято / Спасибо Тебе, Вечная Доброта!». Пётр Струве называл Ильина одним из величайших мастеров языка в истории русской культуры. Архимандрит Константин замечал, что его стиль, «порою возвышавшийся до поистине благодатной точности», можно сравнить только с Пушкиным и митрополитом Московским Филаретом, крупнейшим церковным писателем XIX века, и «величайшим, рядом с Пушкиным, мастером языка». Бердяев считал Ильина «чужим человеком, иностранцем, немцем» в русской философии. «По матери — немецкой крови, светлоглазый, рыжеватой масти, высокий и тонкий, Иван Ильин — тип германца. И как бывает порой с

русскими немцами, у него была ревнивая любовь к русской стихии — неразделенная любовь», — так Ильина описывала в своих воспоминаниях поэтесса Евгения Герцык, двоюродная сестра его супруги, и в романтическом смысле эти слова очень точно характеризуют ревнивое, категоричное и болезненное отношение философа ко всему Русскому. «Всё, что я уже написал и ещё пишу, и ещё напишу, — все посвящено возрождению России, её обновлению и её расцвету», — заявил сам Ильин в 1950 году. А ежели сие «не нужно Богу и России — то и мне без надобности», весьма характерно сие его «заключение»...

Отдельный экскурс надобно посвятить «гегелианству». Проф. Ильин, как и отмечено выше, был одним из виднейших и оригинальнейших интерпретаторов философии Гегеля в России. «У каждого учителя бывает в сущности только один ученик, который неминуемо оставляет его, потому что ему самому суждено стать учителем», — говорил Фридрих Ницше... У Гегеля в России «в сущности» был один, Главный Ученик — Иван Ильин, но над сбылось сказанное — он оставил *Hegelwissenschaft*, ибо сам ступил на стезю Учителства (о чём также довольно поведано выше). Но некое «запечатление», наложенное «первоучением» у И.А.Ильина, конечно, оставалось... Друзья/недрузи «справа» частенько «упрекали» проф. Ильина в том, что он «прямо» не называет жидо-масонов, используя прикровенный (им придуманный и стяжавший широкое распространение) термин «мировая закулиса». Отчасти сей «упрёк», возможно, и «справедлив» (но лишь, повторим, отчасти), однако, надобно учитывать, что всякий, вовлечённый в «космос» Гегелевой мысли, даже не поминая «еврея» и «еврейство», имплицитно всё равно вовлечён в грандиозную диалектику *Judentum* и *Germanentum*, экспонируемую Гегелем. У Русских правых гегелианцев сия «диалектика» законосообразно проецируется ещё и на *Russentum*. Выразительный абрис указанной «диалектики» даёт Ален Безансон в опусе «Бедствие века: Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. — М.; Париж, 2000). Хотя оно написано А.Б. и не без «лукавства» и автор сей специфически-ангажирован, но пропущенное чрез ариософский «фильтр», написанное им, может быть очень даже полезным. Водрозивши на наш агуан

nasus ариософские «окуляры», приведём подглавку Нацистское «библейство»:

«Утверждают, что Гобино и Ницше, на которых иногда ссылались нацисты, не были антисемитами. И верно, они постоянно восхищались евреями, ибо евреи — «высшая раса», «аристократия» (Гобино); ибо они не растворяются в массе «последних людей», порождённых демократией, и вдобавок антисемитизм — демократическая вульгарность (Ницше). Незачем глубоко копать, чтобы под поверхностными восторгами обнаружить зависть и ревность. В германском национализме преклонение перед нацией и народом заимствует провиденциальную форму избранности еврейского народа. Но здесь избранность — продукт истории и природы, она ничем не обязана Провидению и позволяет немцам получить всечеловеческое наследие от народов-предков. Русский национализм удовольствовался тем, что перенёс на славян и на русский народ то, что было обещано германцам и немцам.

Поскольку избранность обеспечивают природа и почва, то естественно считать еврейский народ живым отрицанием природы и почвы. Это подчёркивал ранний Гегель: «Первый поступок, которым Авраам становится отцом нации, — это раскол, рвущий связи общей жизни и любви, все в целом связи отношений, в которых он до сих пор жил с людьми и природой. (...) Авраам был чужаком на земле (...). Весь мир, его абсолютная противоположность, удерживался в существовании Богом, который оставался ему чужим, Богом, ни один элемент которого не должен был участвовать в природе (...). Только благодаря Богу он вступал в отношения с миром (...). Ему было невозможно любить что бы то ни было. (...) В ревнивом Боге Авраама и его потомков было ошеломляющее требование: чтобы он и его народ были единственными, кто имеет Бога» (Г.В.Гегель. Дух христианства).

Отношение к Богу отсекает евреев от человечества. Они не могут принадлежать ни к какой общине, так как сакральное этой общины, например элевсинское, им вечно чуждо, «они его не видят и не чувствуют». Не участвуют они и в эпическом героизме. «В Египте евреи совершили великие дела, но сами они не предпринимают героических действий; из-за них Египет подвергся всяческим несчастьям и бедствиям, и посреди всеобщих плачей они

уходят, изгнанные несчастными египтянами, но испытывают лишь злорадство труса, враг которого повергнут без его вмешательства» И последнее деяние евреев в Египте — «воровство».

Гегель считает нестерпимыми претензии евреев на избранность и столь же нестерпимой — признаваемую ими абсолютную зависимость от Бога, Которого он, Гегель, считает чуждым человеку, враждебным его благородству и свободе (по крайней мере, так он считал в молодости — позднее его взгляды изменились). Ум Авраама, содержащий идею этого Бога, делает еврея «единственным любимцем», и в этом убеждении коренится его «презрение ко всему миру» **Провозгласив себя рабами Божиими, евреи не могут обрести достоинств свободного человека: «Греки должны были быть равны, потому что все были свободны; евреи — потому что все неспособны на независимость»**/ Вот почему Гегель, откровенно маркионитствуя, считает Бога христиан фундаментально отличным от еврейского Бога: «Исус побивал не какую-то часть еврейской судьбы, потому что не был связан ни с какой другой ее частью, — Он противостоял ей в целом».

Гегель переводит на язык великой философии сознательные и бессознательные чувства, возникающие в языческой душе при её столкновении со сверхъестественной тайной Израиля, которую она действительно ощущает как чуждую, враждебную всей природе; подобные чувства встречаются и в крещёных душах. Эти неясные аффекты лучше всею концептуализировала именно германская мысль. Гарнак, великий богословский авторитет вильгельмовской Германии и европейского либерального протестантства, прочёл в Берлинском университете, перед всеми его студентами, курс лекций «Сущность Христианства». Эта сущность у него развивается в четыре великих эпохи: еврейскую, греческую, латинскую и, наконец, германскую, наиболее чистое её исполнение (Adolphe Harnack. *L'Essence du christianisme*. Paris, Libr. Fischbacher, 1907). Он написал книгу в честь Маркиона, которого, не колеблясь, поставил наравне с Мартином Лютером, основателем «германского христианства». Русские, со своей стороны, произвели обильную литературу о русском христианстве, русском Христе или даже о России-Христе. Во Франции Леон Блуа и Шарль Пеги отстаивали первенство своей страны перед Богом. Здесь, однако, антисемит-

ской тематикой дирижировали не великие мыслители, а посредственности.

Драма наступила, когда эта тематика снизошла в низкие и безумные души нацистских вождей. Вот Гитлер карикатурно подражает Гегелю перед Раушнингом: «Еврей — создание другого Бога. Нужно, чтобы он происходил от другой человеческой ветви. Я противопоставляю арийца и еврея, и, если я даю одному имя человека, я обязан дать другому иное имя. Они так же далеки друг от друга, как животные виды от рода человеческого. Это не значит, что я называю еврея животным. Он гораздо дальше от животных, чем мы, арийцы. Это существо, чуждое естественному порядку, существо вне природы» (Hermann Rauschning. Hitler m'a dit. Paris, «Cooperation», 1939, p.269).

Раушнинг приводит ещё такие высказывания: «Не может быть двух избранных народов. Мы народ Божий». Это чистая риторика, потому что Гитлер был законченным атеистом по отношению к Богу еврейскому и христианскому. Но она показывает, как бредовый антисемитизм Гитлера отливается в библейскую форму некой *perversae imitationis* [извращённого подражания] еврейской Священной истории. Арийский избранный народ, германская избранная раса очищает немецкую землю, как Израиль очистил землю Ханаанскую. Это первый этап истории спасения. Второй — ликвидация жидовствующего христианства, которое довело до полноты еврейскую трусость и демократическое вырождение. Третий — триумф великодушных, которые в крайнем случае смогут опираться на германизированное христианство, но лучше — на старых богов дохристианского естественного пантеона. Ницше и Вагнер, пройдя через пресс нацистской идеологии, изувеченные, одичавшие, оуплётённые, могут быть предложены в покровители новой культуры»...

Жидовствующие умтвенные выверты (содержащие, впрочем, как мы указали, и нечто «верное») восполним сработанным *straight-no-chaser*, прямо-и-честно, «сказом» о правом гегелианстве от, так сказать, «арийствующего» автора (о.Р.Б.):

ГЕГЕЛЬ, ПРОЧИТАННЫЙ СПРАВА

... Всем памятливы ленинские «три источника и три составные части марксизма», среди коих — и философия Гегеля... С ВИЛЛОМ

в какой-то степени оказывается согласным один из наиболее глубоких и серьёзных теоретиков Национал-Социализма, проф. Карл Шмитт. В своей знаменитой работе «Понятие политического» он утверждает, что «гегелевский дух», долго «витавший в Берлине», далее «отправился в странствование, двигаясь от Карла Маркса к Ленину и в Москву» (см.: C. Schmitt. Begriff des Politischen. Muenchen, 1932). Обозначенный им «процесс» Шмитт резюмирует яркой фразой о том, что «в тот день, когда Гитлер пришёл к власти, Гегель, так сказать, умер» (см.: C. Schmitt. Staat, Bewegung, Volk. Hamburg, 1933). По мнению Шмитта, как и ещё одного яркого идеолога НС, А.Розенберга, в результате Французской революции «возникло учение о власти, чуждое нашей Крови. Оно достигает апогея у Гегеля и затем, в новой фальсификации, усваивается Марксом» («Миф XX века»). Несмотря на всю «авторитетность» и Шмитта, и Розенберга, позволим себе внести в их суждения некие «коррективы»... Ибо, когда берутся разсуждать об источниках и составных частях Национал-социализма – то непременно всплывает и имя сего германского философа-идеалиста... Очевидно, в основе марксизма-ленинизма находится Гегель, «прочитанный слева», а в основе Национал-социализма – Гегель, «прочитанный справа»... (Косвенным подтверждением сего может послужить и тот любопытный факт, что Шмитт, как «политический мыслитель» на днешний день, предстаёт как мыслитель, «прочитанный слева»: наиболее значительные интерпретаторы «шмиттеаны» днесь находятся «слева», как например Р.Меринг, Ш.Муфф и т.п.). А, скажем, Маркса, вполне возможно «прочитать справа» (та же статья «К Еврейскому вопросу» удовлетворила бы самого взыскательного «черносотенца»). Сие воистину так: и диалектика «господина и раба», экспонированная Гегелем в «Феноменологии духа» имеет прямое отношение к нашей теме. Согласно Гегелю, «без Господина не было бы Истории... потому, что без него не было бы Раба и, значит, Труда». В первооснове «Господства и Рабства» находится некий первичный акт: «господин» – это тот, кто в борьбе за господство идёт «до конца»; дабы доказать своё превосходство над «рабом» он «ставит жизнь на кон», тем самым предпочитая биологической жизни нечто идеальное и духовное. Удел господ – это война, а удел рабов – это работа и труд. Но, согласно Гегелю,

хотя диалектика «Господства и рабства» и является «движущей силой» Истории, она отнюдь не есть нечто «идеальное» и «окончательное», но се – есть «остановка Духа на пути к самому себе»... Ибо «удовлетворение», получаемое «господином» за счёт «раба», весьма ненадёжно, несправедливо и неустойчиво: господин, хоть и «господствует» над рабом, но находится в некой негативной «зависимости» от него, а раб, подчиняясь господину, аккумулирует «ресантимент», прорывающийся в революциях и бунтах, «бессмысленных и беспощадных»... Выход из трагедии Истории, из противоречия меж господством и рабством, всеобщим и единичным, войной и трудом видится Гегелю в «истинно христианском синтезе»: в *Aufhebung*, в «снятии» сего противоречия, когда «всеобщее потустороннее, в коем обретает признание единичное, должно уступить место такому всеобщему, кое имманентно миру», т.е. в некоем аналоге «Царства Божия на земле», где осуществлён синтез всеобщего и единичного, господина и раба, борьбы и труда... Как нетрудно приметить, подобное «снятие» может быть двояким. Либо снятие диалектики «господина и раба» происходит в некоем тотальном «рабстве без господ» (сие и свершилось в марксистско-ленинском «советском проекте»: возставшие рабы низвергли господ, но сами оказались в ситуации тотального рабства, «рабства у рабов»); тоталитарно-рабский Совдеп, это – своего рода плод «левого гегельянства»... Либо сие снятие происходит в идеальном государстве, «земном царстве», где «господин-воин» приобщается труду, а «раб-труженик» становится воином, где все члены оногo Царства, по сути – воины-труженики... Се – плод «правого гегельянства» и гитлеровский Третий Райх и являл собою такое земное Царство, кое было «проекцией» Царства Небесного, «снявшего» диалектические противоречия исторического пути духа человеческого «к самоосуществлению»... И отнюдь неслучайно, что гитлеровский Третий Райх, государство «воинов-тружеников» и сталинский Совдеп, государство «рабов без господ», земная «проекция» адова царства, вступили меж собой в такую смертельную и непримиримую схватку: «диалектика духа» незримо влияла на ход сражений Второй мировой войны... История, как мы видим, не «остановилась»... Рабы – победили, но их «победа» - иллюзорна и временна... Ибо, се – возстаёт новое поколение Господ и Труже-

ников (в «господском», юнгеровском смысле), избирающих своим жребием Войну, Риск, Смерть и Труд, на боевых хоругвях коих – пресветлый лик Вождя. Heil Hegel! Heil Hitler!

«Если мои книги нужны России и Богу, их узнает Россия, а если они не нужны России, то они не нужны и мне», - так полностью звучит пассаж из «завещания» Ивана Ильина... О степени их «нужности Богу» в какой-то мере может свидетельствовать Церковная рецепция трудов Ильина, о коей подробно поведано в Сборнике... А Россия... Несмотря на то, что практически всё, написанное Ильиным, по-русски и по-немецки, переведено (в случае надобности перевода) и издано в России, «по настоящему», можно сказать, Россией Ильин «не прочитан»... Имя, да – на слуху «у всех», и всячески «полощется-на-всех-углах» и т.п. – а вот мысль – увы-с... Не впадая в «вангование» можно утверждать лишь одно: ежели Ильин в России и Россией будет, наконец, «прочитан как должно», се будет Ereignis национального и метафизического значения (аллюзия на НС-философа М.Хайдеггера, частично-уместна): «Русский народ утратил всё сразу, в час соблазна и потемнения – и близость к Богу, и власть над страстями, и силу национального сопротивления, и органическое единомыслие с природой... И как утрачено всё это сразу, вместе, - так вместе и возстановится... Вот тот духовный горизонт, вот та историческая проблема и рама, в которых создавались и создались книги Ивана Ильина. Вот смысл их появления; их сокровенный философский и национальный замысел» (Мы позволили себе здесь перефразировать рецензию И.Ильина на «Лето Господне» И.Шмелёва, ибо сказанное И.И. вполне может быть отнесено к его собственным трудам).

**Валерий Петров. Русский мандат войны. - М., 2024. - 187 с.:
илл. - (Труды Института Русской геополитики, вып. 18)**

Мировую историю невозможно представить без феномена войны: из видимых нами пяти тысячелетий существования человеческого общества с большим трудом можно насчитать пять сотен лет, свободных от крупных военных столкновений. При этом количество войн не уменьшается, а увеличивается. Об этом свидетельствуют безстрастные цифры, приводимые автором книги «Социология войны» В.Серебрянниковым: за пять тысяч лет мировой истории произошло около пятнадцати тысяч войн и военных конфликтов, но если в период с конца XIX века до начала первой мировой войны случалось в среднем два вооружённых конфликта в год, а за двадцать лет от первой до второй мировых войн уже четыре, то за время с 1945 до 1990 гг. интенсивность конфликтов увеличилась в среднем до 7,5-8, а с 1990 по 1997 год происходило по 33-37 вооружённых столкновений ежегодно. При этом невероятно вырос масштаб войн. Таких катастроф, как мировые войны XX века, история доселе не знала. Это были первые войны, направленные не только на уничтожение армий, но и на истребление целых народов. За минувший век все вооружённые конфликты, вместе взятые, унесли по разным подсчётам от 140 до 150 миллионов человеческих жизней, что в несколько раз больше, чем за всю предыдущую мировую историю (см.: В.В.Серебрянников. Социология войны. М., 1997). Несмотря на столь сильно возросшие масштабы войн, в количественном и в качественном отношении, такая дисциплина, как «философия войны» отнюдь не может «похвастать» какими-либо «достижениями», хоть сколько-то приближающимися к уровню Платона и Аристотеля, блаженного Августина и Фомы Аквинского, в Античности и Средневековье заложивших основы «философии войны». Впрочем, многочисленные «военные дисциплины», как-то: военная история, социология, психология, педагогика и т.д. развиваются довольно успешно, ощущается именно недостаток философского воззрения на природу и логику развития войн... Впрочем, в «активе» отечественной военной философии наличествует такой выдающийся труд, как «О сопротивлении злу

силою» проф. И.А.Ильина... Работа полк. В.Л.Петрова «Русский мандат войны», на наш взгляд, представляет собою существенный вклад в военную философию. Автор в значительной мере двигается в идейном «русле», проложенном И.Ильиным, но привносит и свои персональные «акценты». Так, расовый аспект войны у Ильина хоть и затрагивается, но «вторым планом», тогда как у В.Петрова он централен. Можно было бы для «красного (скорее, для белого!) словца», перефразируя известный лозунг о «превращении войны империалистической в гражданскую», сказать, что данный автор, среди прочего, исследует предпосылки и вероятия превращения «империалистической войны в войну расовую»... Кратко воспроизведём оглавление книги В.П.: Актуальное состояние великороссов; Новороссы – борьба за лидерство; Новый этап борьбы за Новую Россию: Региональный этап войны. 2014 г.; Геостратегический этап войны. 2022 г.; Информационная война; О фашизме, нацизме, коммунизме; Геополитические и антропологические особенности СВО Z&V-спецвойны; Устроение нового мирового порядка и соперничество глобальных кланов; Глубинная Русь-Россия и глубинное еврейское государство; Спецоперация (СВО Z&V) – ловушка для олигархическо-коммунистической квазизнати; Русь-Россия и «Запад»; Русские – положение и состояние; Реалии и смыслы войны; Военная корпорация на разломе веков; Империя Северный Белый мир. Контуры и т.д.

Полагаем полезным привести в дополнение некое свидетельство «с той стороны фронта», у нашому перекладі. Нечто Евген Врядник, представитель консорции консервативно-революционных украинских интеллектуалов (т.наз. «Авангардистов»), с первых дней «СВО» сражающийся на «Восточном фронте», в «перерывах между боями» набросал микро-эссе «Праслова», кое может послужить добрым «додатком» к мыслям Ивана Ильина и Валерия Петрова. Примечательно, что подобно Ильину, постулировавшему: «смысл войны в том, что она зовёт каждого возстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил»; и Е.Врядник выводит «сенс» Войны также «из великой Любви». Дамо ж йому слово:

«Предлагаю вдуматься в «Праслова» Гёте – о том, из чего состоит человеческая жизнь:

ΔΑΙΜΩΝ, ΤΥΧΗ, ΕΡΩΣ, ΑΝΑΓΚΗ, ΕΛΠΙΣ.

Джорджо Агамбен в одноименном эссе выводит из них формулу Приключения – *Avventure*.

ΔΑΙΜΩΝ: Даймоний определяет природу личности и глубинные мотивы поведения человека. Он подсказывает нам путь, это то над-я, на которое мы можем опираться всегда – в противоположность непостоянному миру.

ΤΥΧΗ: Случай происходит с нами, как событие-вызов, которое мы не ожидаем – но потому, что в мире всё взаимосвязано и взаимозависимо, случайным нечто является лишь с узкой слишком-человеческой точки зрения «здесь-и-сейчас». Так всю жизнь мы разбираемся с неслучайными случаями. Можем вспомнить и Эрайгнис Хайдеггера, что пронзает мир молнией.

ΕΡΩΣ: Любовь нас греет и даёт наслаждение – что есть пожалуй единственное истинное наслаждение, выше которого лишь истинные триумфы действия; ощущение этого наслаждения тихо подсказывает нам: жизнь – это дар богов. Запах весенних цветов пронизан любовью.

ΑΝΑΓΚΗ: Судьба – нить, на которую нанизаны наши действия, неслучайные случаи, наслаждения и страдание. Кто её определяет? Или она сама определяет нас? В древности верили, что она определена ещё в час рождения. Но судьба является нам как совокупность верстовых столбов неслучайных случаев, путь между которыми пройти нам надо самим – никакой заведомо-определённости каждого движения.

ΕΛΠΙΣ: Надежда – наша путеводная звезда: суровы выводы разных учений типа стоицизма – «оставь надежду», но сколько же она на самом деле может означать! Не только бессмысленное ожидание. Даже простое доверие к каждому повороту жизненного пути, каждому элементу мозаики – это тоже Надежда.

Приключение – жизнь, которая может быть достойна сказания и созерцания со стороны, и путь любого архетипического героя – из легенд, сказок, повествований, мифов – составляет в *Avventure* через особенности его собственного Даймония, его реакции на Случай, столкновение с Любовью, познание своей Судьбы и Надежды на путеводную звезду.

В конце концов, если вы осмотритесь и взглянете на наших предшественников – боевиков ОУН, и наилучших из наших современных пассионариев, военных добровольцев, вы увидите, что действиями этих людей руководит в первую очередь не фанатичная вера в определённые идеи, не тяга к авантюризму или жажда к свершениям. Фигуры великих деяний обвиты, пронизаны глубокой любовью.

Борьба нуждается в этом глубоком чувстве, ведь иначе всегда на определённом этапе человек сталкивается с такими трудностями, что даже безусловное упрямство или смелость задаёт вопрос: «зачем? за что?».

И ответ, который даётся в сердце любого воина, даже если он этого иногда не осознаёт: «из великой любви».

Нация, как и любой одиночный человек, нуждается в дисциплине и усилении – для возвышения, роста, развития и обретения целостной формы. Война закаливает, и все дисциплинарные решения – это возможность переварить травматический, трудный опыт, приобрести способность его перенести, одолевая трудности.

Поэтому, любые оздоровительные методы относительно нации, которые осуществляются из глубокой любви к ней – всегда будут неприятными и травматическими. Если бы этой страной руководили правые националисты, любые решения и методы во время войны были бы ещё более болезненными и более тяжёлыми, чем те, что сейчас. Ведь дисциплина – это усилия. Поэтому нытьё и упадочнические мысли – это просто психическая турбулентность у расслабленных людей.

Нации нужна дисциплина. Война её даст.

«Man muss immer lieben, aber die Liebe erfordert Härte! Wenn man dem Wohl des Menschen dienen muss, muss man ihm gelegentlich weh tun, muss seine wahren Absichten aufdecken und sie ihm entgegenhalten! Wir dürfen niemals hassen, wir dürfen niemals gewöhnlich werden!»

«Любить надо всегда, но для любви нужна жёсткость! Если вы служите людям на благо, вы должны время от времени причинять им боль, вы должны раскрыть их истинные намерения и противостоять им! Мы никогда не должны ненавидеть, мы никогда не должны становиться обычными!» - Ганс Мильх, католиче-

ский традиционалист, священник (интересно, что он сражался в рядах Вермахта во второй мировой – такие биографические факты из жизни интеллектуалов всегда имеют вес)».

«Чем выше Идеалы, за которые борется армия, тем доблестнее ведёт она себя на войне» (ген. П.Н.Краснов). В случае «сво» об «идеалах» говорить не приходится: не воспринимать же за такие «денацификацию», «демилитаризацию» и прочую агитпроповскую фуйню... Но без «идеалов» не обойтись: исчезнут сегодняшние «поджигатели братских войн», но не исчезнут войны. Высшая религиозная санкция для воинства есть служение Христу и Расе Христовой. «Контур» сего обрисованы в труде В.Петрова. Обретут ли сии «контур» надлежащее «заполнение»? Автор не даёт никаких «гарантий», но выражает Еллис-Надежду: «возможно, Время и Бог дадут повод для оптимизма!?!»...

Роман Раскольников

Страницы Крови и Чести. Очерки Белой Борьбы.
Книга 2. – Москва: Опричное Братство, 2024. – 384 с.

Некий «товарищ» выложил в тг свой «пост», касающийся Белых. Товарищ настолько «попал пальцем в жопу» по всем пунктам, что серьёзного комментария «это» не заслуживало бы, но нам пришло, что неплохим-таки «зачином» для рецензии на Сборник о «Белой Борьбе» данное «оно» могло бы и послужить. Итак, сначала пусть выскажется «товарищ-маузер»:

«Белые, наверное, были хорошие ребята, но 99% всего, что о них следует знать, заключается в двух словах: «они проиграли». Всё остальное - это байки, примечания, штрихи к портретам.

Мы знаем о головокружительных похождениях барона Унгер-на, похожих на наркотический бред.

Мы знаем о Колчаке, что он был талантливым полярным исследователем.

Мы знаем о Деникине, что он происходил из народа и дослужился до генерала, а стало быть, при царе были социальные лифты.

Мы знаем о Корнилове, что он руководил неудачным мятежом.

Мы знаем о Каледине, что он застрелился, обнаружив, что за ним не пошёл примерно никто.

Мы знаем о Краснове, что он поддерживал немцев от кайзера до фюрера... ах да, ещё романы писал.

Мы знаем о Юдениче... да ничего не знаем... ну ладно, он был племянником Владимира Даля, это уже что-то.

Конечно, обо всех этих людях и их соратниках написаны тома, читать - не перечитать, но всё это перевешивают два слова: «они проиграли». Причём потребовалось им на это меньше трёх лет, так что они даже сами не успели понять, какую Россию собираются строить. Опять же, уважать их можно. Романтизировать можно. Строить на их наследии современную идеологию никак нельзя».

...Как раз таки Белые дают множество примеров как идейно-мотивированного Действия, так и опытов именно «современной

идеологии», а не просто «механической реставрации» Ancien Régime. «Пробежимся» кратко по названным персоналиям:

Генерал Унгерн – се не только «головокружительные приключения», но и своя, специфическая Идеология: восстановление принципов Священной Монархии, где сие «только возможно». О сем имеется ряд толковых исследований. А в практическом плане – например Империя Манджоу-Го (1932-45) была создана во многом как реализация идей Унгерна (об этом толково пишет С.Фомин в своём исследовании о Бароне).

Адмирал Колчак был куратором следствия о ритуальном Цареубийстве, что крайне значимо и для истории и для метаистории Руси, а также покровителем опытов по приданию Белой Борьбе в Сибири и на Дальнем Востоке характера Крестового Похода против безбожного иудо-большевизма (Дружины Исусовы и т.п.).

Атаман Краснов имел не только опыт военного-, но и государственного строительства, в бытность правителем на Дону в 1918 г. Да и писательство Краснова – обретшее мировую славу – далеко не мизерабельное дело... Помимо прочего, именно на книгах Краснова воспитаны были, по крайней мере, два «супер-героя» Белой борьбы – Хорст Вессель и Борис Коверда.

Се – лишь немногое из того, что можно было бы поведать о Белых Вождах (впрочем, подробнее нечто и поведано в двух книгах «Очерков» о.Р.). Пожалуй, лишь один персонаж, явно «выламывается» из Пантеона Вождей – се ген. Деникин. Проф. Иван Ильин, один из тех высоких умов, что уже в эмиграции прилагали усилия по формированию интегральной «Белой Идеологии» (это и акад. П.Струве, проф. А.Карташёв, проф. В.Даватц etc.) имел основания в письме к ген. П.Н.Врангелю обозвать «деникинщину – керенщиной в Белом Движении». Как свидетельствовал позже И.И.: «я тогда просил у Врангеля разрешения ответить Деникину вместо него, как человек сторонний и ответственный, тем более, что Деникин в I томе называет меня в числе пионеров Белого движения; Врангель не позволил: «мы, Белые, не смеем бороться друг с другом; судить меня с Деникиным будет Господь и будет история»... По иронии судьбы, Деникин был единственный из Белых военачальников, у коего был реальный шанс освободить Москву от Красных захватчиков. И Антон Иванович его «просрал-с». А

реализация сего Шанса была бы по своему значению событием эпохальным. Димитрий Тараторин (историк и публицист, разрабатывавший не без успеха «Белый Проект», именно как образец «современной идеологии») верно отмечает: «Фильм “Предатели” (снят иноагентами, с целью разоблачения других иноагентов и их спонсоров) стал той самой палкой, которую сунули в муравейник. И поднялся вой (хотя, муравьи не воют, вроде), что это мол дико вредит объединению оппозиции. Или хотя бы консолидации. Помилуйте, а зачем вам объединяться и консолидироваться? Ответ известен: “ну, надо же что-то делать”. Нет, ничего не надо делать, когда а) вы не понимаете, что именно, и б) ваши действия ни на что (абсолютно) не влияют. Уже не раз говорил, что единственное, чем в такой ситуации надо заниматься - это переосмысление всего, что было. Причём, чем глубже, тем лучше. Вам же спешить некуда. Поскольку, опять же, всё что решится, решится без вас. А переосмысливать надо, чтоб на следующем этапе (на наступление которого вы не можете повлиять) понимать, как действовать и не повторять одних и тех же нелепых косяков. Очень хорошо, что молодёжь узнает кто такие “Валя с Таней” и про прочих персонажей, которые по своей корысти и тупости, да, не дали России шанса стать Республикой. И важно называть вещи своими именами, потому что никто же не покаялся. Все же фигуранты регулярно, фактически цитируют незабвенный “Бумер”: “Не мы такие, жизнь такая”. Но тогда надо принять и не возражать другую цитату отсюда же: “Никого не жаль, никого - ни тебя, ни меня, ни его”. На днях иноагент политолог Пастухов, критически разбирая фильм “Предатели”, заметил, что если, мол, говорить о том, с какого момента “всё пошло не так”, то надо говорить об убийстве Александра II. Нет, то, что он хоть и умный, но по сути своей просто либеральный совок было понятно всегда, но тут уж больно яркая иллюстрация, которую никак нельзя не прокомментировать. Всё реально пошло не так с даты, которую никто из наших совко-оппозиционеров даже не рассматривает. Это конец октября 1919 года - провал похода Деникина на Москву. Причём, значение этой катастрофы недооценивают и в мире, где доминирует всё тот же леволиберальный дискурс. А между тем, победа Белых и истребление большевизма означало бы, что не только история России,

но всего человечества пошла бы совершенно по иному маршруту. Но либеральные совки и теперь выносят Белых за скобки, не стесняясь подавать их как реставраторов. Между тем, они были носителями альтернативного проекта модернизации без богоборчества, тирании и террора. Более того, Белая попытка была первая и единственная в истории России реальная заявка на выход из тиранической колеи и движение к подлинно европейскому республиканизму. Но победила “внутренняя Монголия”. И до тех пор, пока вы с ней как угодно коллаборируете, ничего, кроме катастрофических сценариев быть не может. Ещё пример. Иноагент Парфёнов недавно всячески оправдывался за свои “Старые песни о главном” и прочие ностальгически совковые упражнения. Мол, это постмодернизм, говорит, я ж, плохого не хотел... Нет, вы творите плохое, когда говорите хоть что-то хорошее о совке. Никаких, мороженных, Гагарина, добрых мультиков. Этот период чёрная дыра, возникшая здесь, в результате катастрофы 1919 года. Помните лозунг: “мир - хижинам, война - дворцам”. Но главная оппозиция, сущностная не между этими видами жилплощади. Главная - между замком и дворцом. Замок - это манифестация независимости и готовности её отстоять. Дворец - манифестация понтов и готовности отдать за них независимость. В истории Европы это вполне можно проследить. Ну а в нашей новейшей истории бывшие обитатели хижин, конечно остервенело и безоглядно жаждут дворцов, уверенные, что они маркер элиты. Нет, это маркер элиты деградировавшей (зри: <https://t.me/s/DmitTar/>).

Собственно, всё «главное» сказано, за подробностями – милости просим в «Очерки Белой Борьбы»... Но нельзя не оставить без внимания главную предьяву «товарисча» Белым: «они проиграли». С точки зрения Христианства и Арийской Традиции – се «не аргумент». Арио-Христианское мировоззрение ореолизирует «Победу-в-Поражении». Архетипом такой Победы служит Распятие Спасителя – поражение на земном плане и величайшая Победа в плане Небесном, преображающая, впрочем, впоследствии и самую землю. Исключительные по глубине и тонкости разсуждения о сей особенности Арийского мировоззрения дал Х.С.Чемберлен в главе «Славо-Германцы» из трактата «Основы XIX в.». Сия глава была переведена и прокомментирована питерским проф.

Н.Ильиным (Мальчевским), редактировавшим одно время религиозно-философский журнал «Русское Самосознание». Полагаем благополезным привести ея полностью вкупе с комментариями переводчика. Отметим, что Чемберлен обращается для подтверждения своего тезиса к сербскому эпосу о Косовом поле. Отметим и то, что Переводчик совершенно правильно указывает на русский аналогичный пример: «Слово о полку Игореве»... Чемберлен, скончавшийся в 1927 г., не дожил до 1945 г. – но вне сомнения усмотрел бы в «Поражении» Третьего Райха те же архетипические черты. Битва за Берлин и Битва на Косовом поле воспроизводят одну и ту же арио-христианскую «онтологию» и «этологию». А для нас Русских, «иконою» сей «Победы-в-Поражении» предстаёт Белый Воин, штандартен-оберьюнкер Дивизии СС «Шарлемань», Серж (Сергей) Протопопов (1923-1945), герой Обороны Берлина. В ходе боёв 27-28 апреля Сергей Протопопов лично подбил фаустпатронами пять советских танков и сбил из пулемёта MG 42 советский самолёт-разведчик. 29 апреля отряд, в который входил штандартен-оберьюнкер Протопопов, был накрыт огнём из советских миномётов на площади Жандарменмаркт. Русский доброволец скончался от множественных осколочных ранений и был посмертно награждён за мужество Железным крестом первого класса. Его соратники по батальону «Шарлемань» оказались последними защитниками бункера Рейхсканцелярии, оборону которого они держали до 2 мая... С.Протопопов был родственником А.Д.Протопопова – последнего Царского министра внутренних дел (с сентября 1916 по февраль 1917 года), и дальним родственником архиепископа Уфимского Андрея (князя Ухтомского), одного из «отцов-основателей» Катакомбной Церкви ИПХ в оккупированной Красными изуверами России, что нельзя не признать высокочинаменательным...

СЛАВОГЕРМАНЦЫ (1)

Вопреки широко распространённому предрассудку, имеется достаточно много антропологических указаний на то, что Германец, вступая во всемирную историю, имел не только старшего брата на Западе (2), но и младшего, даже сильнее с ним схожего, на Востоке. Только из-за явной подмены понятий характерно “сла-

вянскими” считаются признаки - приземистая фигура, круглый череп, высокие скулы, тёмные волосы,— которые ни в коей мере не были присущи славянам при их вступлении в европейскую историю. Впрочем, и сегодня светловолосый тип преобладает на севере и востоке европейской России; также и поляки отличаются от южных славян цветом волос. В Боснии бросаются в глаза светлые волосы и необычно высокий рост мужчин; за многомесячное путешествие по этому краю я ни разу не встретился с так называемым “славянским”, перетекающим в монгольский типом, ни разу не увидел “картофельной физиономии”, характерной для чешского крестьянина. Всё сказанное относится и к великолепному племени черногорцев. Однако восстановить черты изначально славянского типа крайне затруднительно ввиду того, что эта ветвь семьи германских народов была очень рано почти полностью поглощена другими племенами; даже значительно раньше и основательней, и к тому же загадочней, чем это произошло с кельтами. Но всё это не должно помешать нам узнавать - и признавать родственные черты, и пытаться выделить их из чужеродной массы.

Здесь, в который раз, нам может помочь только проникновение в глубину души. Если мне будет позволено выносить суждение на основании единственного славянского языка, который мне немного знаком — сербского, то и тогда, по моему убеждению, можно будет обнаружить глубоко укорененное родовое сходство поэтических задатков славянина, кельта и германца. Кельтскую и германскую лирико-эпическую поэзию напоминает нам совокупность тех мыслей и чувств — верность до смертного часа, героический дух, присущий также и женщинам (и то почитание, которым они окружены), пренебрежение земными благами в сравнении с личной честью — которые выражены в героическом цикле, примыкающем к грандиозному сражению на Косовом поле (15 июня 1389 года) (3). Несомненно, однако, что поэтические мотивы этого цикла берут начало в значительно более древнем периоде славянской истории. Мне случалось читать во всевозможных “историях литератур”, что подобную поэзию и героические образы, подобные Марко Краевичу, можно найти у всех народов, но это неверно — так утверждать может лишь тот, кто от избытка учености сделался слеп к тонким индивидуальным особенностям. Рама —

герой совсем другого рода, чем Ахиллес, который, в свою очередь, не похож на Зигфрида; тогда как кельтский Тристан обнаруживает непосредственное родство с немецким Зигфридом, и главное, не только во внешних признаках рыцарского романа (битва с драконом и т.д.), которые могли бы быть позднейшими вставками, но, куда сильнее, в тех наиболее древних, народных вариантах, где Тристан ещё оставался пастухом, а Зигфрид ещё не стал рыцарем при бургундском дворе. Именно в этих вариантах мы находим — помимо необычайной силы, заговоренного оружия и прочих общепринятых атрибутов богатыря — те конкретные идеалы, которые лежат в основе поэтического творчества; именно в них, а не во внешних атрибутах, отражается своеобразие народной души. Таковы, в случае Тристана и Зигфрида: верность как основа понятия чести, высокое значение девственности, победа в поражении (другими словами, героическое полагается не во внешнем успехе, а во внутреннем процессе). Подобные же черты отличают Зигфрида, Тристана, Парцифалья (4) не только от какого-нибудь семитического Самсона, чья сила заключена в волосах, но и от родственного им Ахиллеса — грекам был чужд идеал чистоты; верность составляет для них не принцип чести, но лишь принцип любви (Патрокл); герои упорствуют перед лицом смерти, но не в силах стать выше своей смерти, подобно героям германского эпоса. Напротив, в сербской поэзии, несмотря на все формальные различия, мы находим именно черты подлинного родства. Знаменательно уже одно то, что её героический цикл возникает в связи со страшным поражением — битвой на Коссовом поле, — уничтожившим независимость Сербии, а не в, связи с победой, хотя сербы одерживали достаточно побед и в царствование Стефана Душана (5) имели могущественное государство. Вне всякого сомнения, здесь налицо особое предрасположение, и мы можем с уверенностью сделать вывод, что изобилие поэтических мотивов, связанных с гибелью, смертью, разлукой влюблённых, не возникло впервые после злополучной битвы, под влиянием оупляющего правления магометан, но составляет изначальное наследство славянской души — подобно тому, как бедствие Нибелунгов. “венец всех страданий”, а не “удача Нибелунгов”, составляет немецкое наследство: подобно тому, как кельтские и франкские поэты оставили без внимания сотни

прославленных победителей, чтобы посвятить себя какому-то побеждённому Роланду и выразить в его полуисторическом образе древние поэтические мотивы.

Вот что имеет решающее значение. Впрочем, решающим можно считать и то, как сербская поэзия изображает женщину — такую нежную, чистую и отважную, какую высокую роль она ей приписывает. Напротив, только специалистам дано судить о том, существует ли родство между двумя воронами, которые прилетают на исходе битвы при Косово, чтобы известить сербский народ о его гибели — и воронами Вотана; идёт ли речь об общем индо-германском мотиве, пережитке природного мифа, заимствовании или случайном совпадении. К счастью, то, что решает — всегда и везде открыто для непредубежденного взора.

По-видимому, в русской поэзии немного унаследовано от древности, кроме былин, сказок и песен: но и здесь нам открывается несомненное своеобразие германского духа в таких чертах, как меланхолия и внутреннее отношение к природе, особенно к животному миру (ср. Боденштедт “Поэтическая Украина”) (6). Цель и размеры моего исследования не позволяют продолжить эти сопоставления: дело научной критики — доказать справедливость того, что безошибочно открывается чувству каждого, кто не лишён поэтической восприимчивости. Я же должен упомянуть ещё одну манифестацию глубочайшей духовной сущности, в которой проявился германский элемент в славянах — религию.

Вся история славян, особенно в ранние эпохи, отмечена серьёзным и независимым отношением к религии. Замечательная черта их религиозности заключается в её насыщенности патриотическим чувством. Уже в IX-ом веке, прежде, чем раскол Востока и Запада стал окончательным, мы видим, что по догматическим вопросам болгарские славяне поддерживают одинаково дружественные отношения и с Римом, и с Константинополем; единственное, чего они требуют — это признания их церковной независимости. Рим им в этом отказывает, Византия же уступает, и так возникает в первой половине десятого века первая независимая по своему устройству христианская церковь. Необычайная важность этого события станет сейчас совершенно ясной. Болгарского царя Михаила не интересовали вероисповедные различия: как христианин

он готов верить тому, что священники провозглашали в качестве христианской истины. Для него речь шла лишь об организации Церкви — он хотел, чтобы болгарская Церковь возглавлялась собственным, независимым болгарским патриархом, без вмешательства со стороны Рима и Византии. То, что может показаться чисто административным вопросом, в действительности является восстанием германского духа, духа свободной индивидуальности, против последнего воплощения рождённой из хаоса народной Империи — той Империи, которая представляла политические интересы антинационального, антииндивидуального, нивелирующего принципа... И когда с теми же процессами приходится сталкиваться повсюду в славянском мире, то уже нельзя отрицать их значения для суждений об изначальном характере славянских народов.

Едва, например, сербы образовали собственное государство, как они создали и автономную Церковь: могущественный царь Стефан Душан поддерживал своих патриархов против гегемонистических претензий византийской Церкви и добился правового признания с её стороны. Также и здесь речь идет не о догматических, вероисповедных вопросах, ибо в то время (в середине XIV-го века) раскол Рима и Константинополя был уже свершившимся фактом, а сербы, как и по сей день, были фанатичными сторонниками греческого Православия. Но подобно тому, как болгары отвергли вмешательство Рима, так и сербы отвергли вмешательство Константинополя. Принцип был один: сохранение национальности.

Правда, русская Церковь обрела независимость значительно медленнее, в течение длительного времени после гибели Византийской империи: но как раз Россию можно назвать славянской страной в весьма условном, негерманском смысле — и, однако, на сегодняшний день, наряду с Англией, только она одна, среди великих наций Европы, имеет вполне национальную автокефальную Церковь (7).

Далее, особенно бросается в глаза, что среди всех христианских народов только славяне (за исключением подвергнувшихся немецкому влиянию чехов) никогда не признавали богослужения на другом языке, кроме своего собственного! Уже великие “апостолы славян” Кирилл и Мефодий потерпели за это: преследуемые немецкими прелатами, которые держались “трех священных язы-

ков” (греческого, латинского, еврейского), осужденные как еретики римским папой, они продолжали, тем не менее, настаивать на этом своём особенном праве. Также и те славяне, которые принадлежат к римско-католической Церкви, сохраняют богослужение на славянском языке - в последнее десятилетие 19-го века Риму так и не удалось отнять эту привилегию у жителей Далмации.

Такова, однако, только одна сторона славянской религиозности, может быть, самая внешняя; другая её сторона ещё более замечательна. Там в России, где подлинно славянский элемент особенно силен, (а именно, и Малороссии — родине прекраснейшего поэтического творчества), обнаруживается и по сей день столь же интенсивная внутренняя религиозная жизнь - особенно посредством возникновения всё новых сект, как в Вюртемберге или Скандинавии. Сходство поистине замечательное: напротив, в, так называемых, латинских странах ничего подобного нет и в помине. В таких явлениях отражается глубочайшая духовная сущность. Дело в том, что в них находит воплощение то самобытное, что сохранилось в течение столетий, несмотря на все смешения крови. Уже невероятные усилия, которые потребовались, чтобы обратить славян в христианство, указывают на их глубокую религиозность: легче всего обратились итальянские и галльские народы; саксов понадобилось обращать силой меча; а чтобы заставить славян отказаться от веры отцов, понадобилось длительное время и нередко жестокое насилие (как трудно было обратить в христианство венедов и поляков, можно узнать из первого раздела шестого тома “Общей истории христианской религии и Церкви” Неандера).

Печально известные гонения на язычников продолжались до века Гуттенберга. И снова особенно характерной представляется судьба славянского населения Боснии и Герцеговины, ещё и сегодня сохранившего относительную чистоту крови. Уже издавна ведущая часть этого народа усвоила учение богумилов (8) (родственное учению катаров): богумилы отбросили все иудейские элементы в христианстве и сохранили, наряду с Новым Заветом, только пророков и псалмы; они также не признавали никаких таинств и, прежде всего, никакого сословия священников. Подвергаясь непрестанному нападению, притеснению и подавлению одновременно с двух сторон - со стороны православных сербов и

со стороны послушных любому указанию папы, венгров, — став жертвой как бы непрерывного двойного крестового похода, этот маленький народ в течение столетий твердо держался своей веры. Могилы богумильских героев ещё и сейчас можно найти на горных вершинах, куда их тела уносили из страха перед надругательством. Лишь магометанство покончило с этой сектой путём принудительного обращения в ислам.

Тот же дух, который одушевлял этот мужественный, хотя и непросвещённый народ на окраине нашего мира, принес в другом месте более богатые плоды — и при этом славянская ветвь также сумела замечательно проявить себя среди других ветвей германской расы (9).

Примечания переводчика

1/ отрывок из книги «Основания 19-века» /Die Grundlagen des 19-en Jahrhunderts/, 9-ое нем. изд., т. 1, стр. 559-566. Переводчик несколько изменил структуру первого абзаца, чтобы сделать данный отрывок более независимым от предшествующего текста книги.

2/ имеются в виду кельты, составившие первую волну в движении германских племен на Запад; в современной Европе кельтский тип более всего сохранился во французской Бретани, в Ирландии, в Уэльсе и Корнуолле /Англия/. (В ХРОНОСе см. статью Кельты)

3/ в битве на Коссовом /или Косовом/ поле соединенные войска Сербии и Боснии были разбиты турецкой армией султана Мурада /Амурата/1, убитого в начале сражения сербом Милошем Обличем. Последний, как и казнённый сразу после битвы сербский царь Лазарь, стали прототипами героев ряда эпических сказаний. После этого поражения завоевание турками всего Балканского полуострова стало делом времени. (В ХРОНОСе см. ст. Битва на Косовом поле).

4/ Парцифаль — герой одноименной поэмы Вольфрама фон Эшенбаха /12-13 вв./, соединившей мотивы легенды о св.Граале /чудодейственной чаше с кровью Христа/, кельтского цикла о короле Артуре и сказаний о простеце Парцифале /или Персевале/, постепенно овладевшем высшей духовной мудростью.

5/ Стефан I Душан — царь Сербии /1331-1355 it./, стремившийся к объединению всех балканских государств в «Великую Сербию»: в 1346 году короновался «царем сербов, греков, болгар и албанцев» и отделил сербскую Церковь от византийского патриарха.

6/ несомненно, что только незнакомство с древнерусской литературой помешало автору назвать «Слово о полку Игореве», где так ярко проявились те «поэтические задатки славогерманской души», которые он отмечает в известных ему литературных памятниках.

7/ и здесь суждение Чемберлена обусловлено явно недостаточным знанием русской истории: уже великий князь Ярослав поставил в 1051 году митрополита Илариона Россиянина (автора «Слова о законе и благодати») без согласования с константинопольским патриархом (впрочем, Ярославичи снова пошли на уступки грекам).

8/ богумильство /или богомилство, по имени священника Богомила/ - религиозное движение, возникшее в Болгарии в X веке. В главной книге богумилов «Иоанново Евангелие» сильны мотивы дуализма добра и зла, близкие к манихейству и учению Маркиона — христианского проповедника 2 века н.э., осужденного Церковью за отождествление ветхозаветного Иеговы и Сатаны.

9/ имеется в виду Реформация, которой посвящена следующая глава «Оснований»; в Лютере произошло, по словам Чемберлена, «счастливое смешение немецкой и славянской крови».

(Из из сборника «Русское самосознание»

<http://russamos.narod.ru/01-05.htm>)

НАШ ИЛЬИН

Скажу сразу — не люблю я Ильина. Он немец, гегельянец и юрист. По мне так он невероятно скучен и занудлив. Его облаченный в германскую сухость православный идеализм временами повергает в ступор своей наивностью, и даже не верится, что подобное абсолютно серьёзно мог исповедать такой учёный муж в летах. «Белая идея», в его лице, вместо свойственного ей военнотворческого порыва приобретает чёрствость, чопорность, законченность. Из жаркого пламени в его руках она превращается в холодный гранит, становится тусклой и неживой, как и само лицо философа.

Однако всё вышесказанное не отменяет того, что Ильин — наш.

Эскалация бурлений (по-другому это и не назовешь, на «мнения» это не похоже даже отдалённо) вокруг фигуры Ильина, демонстрируют так свойственную толпе привычку не думать систематически (если точнее, вообще не думать) — неспособность рассмотреть жизнь и труды человека как целостную картину, на протяжении прожитых автором 70 лет, на фоне калейдоскопа исторических событий и потрясений. Куда проще из всего массива выцепить лишь единичные «неподобающие» (это ещё, «на вкус и цвет») факты биографии и несколько страничек из томов сочинения и тыкать всем этим в давно почившего философа. Разумеется, что ни труды, ни биографию самого Ильина подобные деятели всерьёз не читали и не знают, так же как не знают и не понимают исторического контекста и истории Белого зарубежья. Вместо познания и понимания видно лишь поверхностное осуждение. К Russo Sovietico здесь претензий, на самом деле, даже и нет — Ильин их онтологический враг, и они это знают, и действуют соответствующе.

Поражают же скорее своим остолопием, как всегда, сторонники идеологии «гуманизма», «свободы», «прав человека» и прочих прекрасных свободолюбивых ценностей, которые в очередной раз демонстрируют стремительную готовность «скинуть с корабля со-

временности» и отрезать как ломоть любого, кто не вписывается в их идеологическую доктрину – давно проверенная в истории логика. «Дворянское происхождение? Буржуй? Сын священника? Расстрел!» — достаточно одного факта биографии для пули в затылок.

Единство мнений демонстрирует единое духовное начало обеих сторон — «России Z» и «России заграничной», в какой раз доказывая то, что как у правящих, так и у мечтающих править нет в своем фундаменте национальных ядра и истории, от которых и должна отталкиваться борьба за построение будущего. Вернее, стоит поправить — у советских в их «национал-большевизме» национальное как раз-таки присутствует, держится и конструируется за счёт такого инструмента как государство, которое позволяет себе очень вольно обращаться с тем или иным историческим наследием для поддержания «русской идеи» дня сегодняшнего. Вторые же, в виду отсутствия в их руках какой-либо власти, в принципе обречены так и оставаться в безформенном атомизированном болоте на задворках западного либерализма.

В какой раз для здорового национального примера стоит посмотреть... ну хотя бы на соседей. Фактов реального взаимодействия (а не каких-то статей в несколько страниц в 1933 году) ОУН с Третьим Рейхом можно насобирать достаточно, также как и фактов реального присутствия в идеологии и практике украинских националистов XX века антисемитизма и ксенофобии в целом. О «14-й Дивизии», свято чтимой на Галичине, думается, расписывать много не надо. Но ни одному национально-мыслящему украинцу, быть может ещё несколько лет назад ходившему на Девятой (предки подавляющего большинства украинцев воевали в составе Красной армии, как не натягивай «миф на глобус»), сегодня и в голову не взбрёт кинуть камень в национальных героев, при этом вряд ли желая «протащить» в день сегодняшний их наиболее печальные опыты либо просто-напросто неактуальные идеи в контексте времени.

Отдают ли соседи своих национальных героев на растерзание и вытирание о них ног за имевшие место в истории неприглядные «эксцессы»? Ничего подобного!

- Волынская резня! — раздаются время от времени польские голоса, требующие извинений и покаяния.

- Ну, — почешет украинец репу —, с кем не бывает...

То же самое, безотносительно мотивов и позиции «коллора-циониста» Ильина, в ответ на «неприглядные факты биографии» остается и заявить нам, русским:

«Бывает».

Под «Ильиным» здесь можно подразумевать и в целом определённые идеологемы немалой части русской Белой эмиграции, ей свойственные, которые Ильин отчеканивал на бумаге, но чей буквальный и топорный перенос в день сегодняшний руками глупцов вызовет лишь катастрофу.

- Империалистическое сознание большей части Белой эмиграции, мыслившей себя лишь в парадигме «триединого народа»!

- С кем не бывает.

К самому же Ильину современному русскому читателю подходить, считаю, стоит также, как и завещал Ильин подходить к изучению феномена фашизма, в котором его обвиняют: «...явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко ещё не изжитое. В нём есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца».

Не хочу я его читать. Скучно, неинтересно, во многом неактуально. Но он стоит и будет стоять на моей полке вместе с другими русскими писателями.

Его трудам место там, а не под ногами безродных собак.

<https://t.me/russentum>

Страсти по Ильину

2

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Дизайн обложки:

*Денис Литвинов (Монархическая студия дизайна
им. Георгия Нарбута)*

Телеграмм: https://t.me/hetmans_brushes_official

Формат 60 х 90 1/16 (148х210)
Объём 18 печ. л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Заказ №925